

Вестник АЛЪЯНС-АРХЕО

Вестник АЛЪЯНС-АРХЕО

49

Москва
Санкт-Петербург
2025

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» осуществляет выпуск электронного издания, на страницах которого размещаются материалы, отражающие результаты исторических и историко-методических исследований, а также представляются публикации нарративных, документальных и изобразительных памятников.

Редактор *С. Н. Кистерев*

© Зарегистрированный в России товарный знак,
свидетельство № 743093

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

*Журнал индексируется в научной библиотеке КиберЛенинка
и поддерживает современный стандарт научной коммуникации —
открытый доступ к науке и открытые лицензии*

Я. Г. Солодкин

ОБ АТРИБУЦИИ СТАТЕЙ
ПИСКАРЕВСКОГО ЛЕТОПИСЦА
ЗА 1560-е — 1610-е гг.

О. А. Яковлева, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. вернувшая в научный обиход «драгоценный»¹ Пискаревский летописец (далее — ПЛ), выделила в его составе оригинальную часть за середину XVI — начало XVII вв., которую определила как «записки москвича»² и атрибутировала приказному человеку, связанному главным образом со строительным делом.³ Этот вывод представляется вполне оправданным, но до сих пор не получил развернутого обоснования.

---

¹ Эта оценка принадлежит М. Н. Тихомирову и С. О. Шмидту (*Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 232, 233, 247; Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 16*).

² Они, согласно выводу О. А. Яковлевой, открываются рассказом о том, как А. Адашев был «во времени», и смерти этого окольничего, утратившего расположение царя, — рассказом, дополненным десятками статей, начиная с отнесенной к 7062 г. («Астраханское взятие») и заканчивая доведенными до поимки в 7123 г. возле Астрахани И. Заруцкого, М. Мнишек, ее малолетнего сына, отправленных в Москву, где Михаил Федорович распорядился их казнить вместе с еще одним «вором» — принадлежавшим к «купецкому чину» Ф. Андроновым, и до единодушного избрания на трон двумя годами ранее внучатого племянника «освятованного» Федора Ивановича. Впоследствии, думается, «записки» были продолжены до «явления» в «царствующем граде» в 7135 г. и, наконец, до смерти «первого Романова» и присяги москвичей его вдове Евдокии Лукьяновне и сыну Алексею Михайловичу. См.: ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 189, 219, 220. Ссылки на это издание летописных памятников середины XVI–XVII вв. далее приводятся в тексте статьи с указанием страниц.

³ К примеру, недавно короновавшийся Борис Федорович, как читаем в ПЛ, «хоромы велел поставити, где столовая была брусеная» (201). О кремлевских брусяных избах сохранились упоминания еще за 1520–1553 гг. (АИ. Т. 1. СПб., 1841. С. 182; *Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 58–60, 81; Курукин И. В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника*

Согласно часто цитируемому учеными свидетельству ПЛ, А. Ф. Адашев и Сильвестр, сидя в «избе» «у Благовещения», «где ныне полое место между полат» (на взгляд С. О. Шмидта, в Челобитенном приказе⁴), «заодин» «правили Рускую землю» (181–182, ср.: 195). Об этом летописец начала XVII в. сообщил (но едва ли после Смуты и тем более, как представлялось И. В. Курукину, в 1640-х гг.⁵), пере-

царя Ивана Грозного. М., 2015. С. 64). По всей видимости, эти избы сгорели в «великом» пожаре 1547 гг., а затем в «приход» к Москве Девлет-Гирея 24 мая 1571 г., когда страшное пламя истребило и государев двор в Кремле (см.: *Зимин А. А.* Опричнина. М., 2001. С. 272). Возможно, летописец неспроста проявлял интерес и к дипломатическим сюжетам (191–194, 201–204, 212; *Солодкин Я. Г.* «Межуусобная кровь пролилась». Очерки по истории публицистики и летописания в России конца XVI — первой трети XVII вв. Нижневартовск, 2011. С. 118).

Как утверждал В. А. Плугин, в основе ПЛ «лежат своеобразные воспоминания двух москвичей» (Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 78). Очевидно, исследователь творчества Андрея Рублева неверно понял вывод О. А. Яковлевой о том, что оригинальный раздел этого памятника представляет собой записки столичного приказного человека, которым в единственной рукописи предшествуют «выписки» из Никоновской летописи. Точнее, ПЛ в части до середины XVI в. близок к своду, сходному с Воскресенской летописью (далее — ВЛ) (см., например: 47, примеч. к; 57, примеч. е–е; 60, примеч. х–х; 64, примеч. т — 1; 65, примеч. ф, ц; 83, примеч. ш–ш; 86, примеч. н, о; 88, примеч. ч, щ, щ — 1 — щ — 1; 90, примеч. к; 92, примеч. р–р, ф, х; 105, примеч. б–б; 106, примеч. к–к; 110, примеч. б–б; 113, примеч. ы–ы; 115, примеч. к–к; 119, примеч. е; 124, примеч. б–б; 128, примеч. м; 129, примеч. п–п; 132, примеч. ы–ы; 144, примеч. х–х; 147, примеч. г–г; 148, примеч. щ; 156, примеч. п–п; 158, примеч. м–м; 162, примеч. ё–ё; 165, примеч. п–п; [*Буганов В. И.*] Предисловие // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 4, 5) и продолженному Летописцем начала царства (*Морозов С. А.* К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // ЛХ. 1984 г. М., 1984. С. 71; *Солодкин Я. Г.* Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. Нижневартовск, 2008. С. 56, 65, 70, 74–76, 91).

⁴ *Шмидт С. О.* Челобитенный приказ в середине XVI столетия // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1950. Т. 7. Вып. 5. С. 447.

⁵ *Курукин И. В.* Жизнь и труды Сильвестра... С. 7, 8, 113. Вероятно, строки ПЛ, отведенные А. Ф. Адашеву, отразили воспоминания не «слогателя», бывшего младшим современником Ивана IV и жившего в годы царствования «святого и праведного» Федора Ивановича (194, 195), а столичного приказного середины XVI в., — воспоминания, ставшие известными автору «записок москвича».

Думается, летописец, понаслышке рассказавший о событиях, предшествующих вторжению крымских татар в 1570 и 1571 гг., передавая молву, сообщил о том, что Грозный отправил Адашева в Юрьев Ливонский в нарядчики, а воевода князь Д. Хилков (о котором говорится и в других источниках, см., например: *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 32; *Зимин А. А.* Опричнина. С. 79, 222–223), даже несмотря на многочисленные челобитные окольничего, прежде, до опалы, долго пользовавшегося «царьской милостью», отказался (получается, вопреки распоряжению самого государя) предоставить Алексею Федоровичу эту должность — незначительную (*Курукин И. В.* Жизнь и труды Сильвестра... С. 131) и, кстати, выборную (см. о ней: *АИ.* Т. 2. СПб., 1841. С. 123;

давая воспоминания современников или скорее слухи,⁶ бытовавшие, думается, в среде московских приказных. (В заметке, отнесенной к 1602/03 г., говорится, кстати, о царском дворе «на Сенех у Благовещения», см.: 204). Рассказывая под 1546/47 г. про А. Ф. Адашева, автор «записок»⁷ утверждает, что когда окольный, еще молодым

Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. С. 450–451; АМГ. Т. 1. СПб., 1890. С. 152, 267; *Сторожев В.* 1) Тверское дворянство XVII века. Вып. 1. Тверь, 1891. С. 4–6, 80; 2) Материалы для истории русского дворянства. Вып. 1. М., 1891. С. 15, 19, 43, 60, 71, 85, 87, 165, 224, 225, 277, 324, 332, 334, 339, 360, 364, 368, 378, 390, 404. Ср.: ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 154). Излагая содержание так называемого Иного видения (далее — ИВ), летописец заметил, что голова И. А. Мыльников был «наряжен (назначен, определен. — Я. С.) ночевати у Архангела в паперти» (214. Ср.: 173, 207, 245; Продолжение Древней Российской Вивлиофики. Ч. 7. СПб., 1791. С. 235, 269, 286; ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. С. 102, 184, 307; АИ. Т. 1. С. 197; Т. 2. С. 214, 339; Т. 3. СПб., 1841. С. 50, 267; ДР. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 1130; КР. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 16, 21, 36; *Лихачев Н.* Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. СПб., 1894. С. 57; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 236; *Белоцерковский Г. М.* Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. Киев, 1915. С. 262; ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. Стб. 151; Т. 14. Первая половина. М., 1965. С. 96; Т. 31. М., 1968. С. 207; Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 158; *Зимин А. А.* Опричнина. С. 272; Академическая история Югры. В 8 т. Т. 3. Ханты-Мансийск, 2024. С. 189).

Во многих документах и нарративных источниках, однажды и в ПЛ, встречаются указания на служивших «у наряду» (см., например: 193, 235; ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. С. 292; АИ. Т. 2. С. 426; КР. Т. 2. СПб., 1855. Стб. 395–396, 440; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. С. 81, 157, 159, 281, 322, 462. Примеч. 2; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 3, 4, 11–14, 45, 48, 86, 87, 90, 91, 118, 143, 145–147, 155, 158, 178, 185, 186, 199, 219, 220, 247; *Белоцерковский Г. М.* Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв. Приложения. С. 40; ПСРЛ. Т. 31. С. 161; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее — БСР). Ч. 1. М., 1979. С. 95, 99, 100, 169 (= Памятники отечественной истории. Вып. 2); Разрядная книга 1475–1605 (далее — РК). Т. 3. Ч. 1. М., 1984. С. 28, 30, 35, 45, 82, 95, 169; Т. 3. Ч. 2. М., 1987. С. 77, 78, 152, 213, 214, 230. Ср.: С. 75; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 182, 212; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов (далее — НДР). М., 2003. С. 340). В этих указаниях имеются в виду не нарядчики, а воеводы, другие дворяне либо дьяки, ведавшие артиллерией.

⁶ *Солодкин Я. Г.* 1) Пискаревский летописец о судьбе А. Ф. Адашева (К истории создания памятника) // Научные труды Нижневартковского государственного педагогического института. Сер. «Культурология». 2000. Вып. 1. С. 65–66; 2) Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. С. 108.

⁷ Они появились, когда еще не миновало «нынешнее настоящее злое время» (219; ср.: ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 272, 325–326; АИ. Т. 2. С. 376; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 44) «великой смуты», как изредка определялось лихолетье начала XVII в. уже в годы царствования Василия Шуйского. См.: АИ. Т. 2. С. 259, 263, 377. Ср.: С. 139, 288, 364; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 42; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 534. Ср.: С. 348, 468, 476; НДР. С. 122. Ср. также: ААЭ. Т. 2. С. 196, 221–222; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 52, 120.

пожалованный вторым по значимости думным чином, был «во времени», «кому (этот приближенный царя. — Я. С.) откажет, тот вдругорядь не бей челом: а кой боярин челобитной волочит, и тому боярину не пробудет без кручины от государя; а кому молвит хомутовкою, тот болши того не бей челом, то бысть в тюрьме или сослану». (Редкий оборот «не пробудет» имеется и в летописном известии о пребывании Ивана IV в Пскове после «казни навгородцкой», см.: 181, 191, ср.: 210⁸). Вероятно, приведенные строки отразили устную традицию,⁹ а фразы «челобитной волочит» (т. е. медлит с ее рассмотрением) и «кому молвит хомутовкою» (иначе говоря, уличит в искажении фактов), которые нам в других нарративных сочинениях и докумен-

⁸ См. также: ААЭ. Т. 2. С. 185, 228, 259; АИ. Т. 2. С. 229.

⁹ Уже обращалось внимание на близость известий ПЛ и Нового летописца (далее — НЛ) о судьбе стрелецкого головы С. Ю. Маматова — участника закончившейся разгромом русских войск экспедиции в Дагестан в 1604–1605 гг. (204; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 58). Между этими известиями, однако, обнаруживается и ряд расхождений. В частности, исходя из во многом неясной (см.: *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 172) концовки 82-й главы НЛ, допустимо считать, что попавшего в плен Маматова приказал казнить «розными муками», а затем сжечь в нефти или тарский (точнее, терский) воевода князь В. Т. Долгорукий (*Вовина В. Г.* Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // ОИ. 1992. № 5. С. 121; *Павлов А. П.* Приставы у опальных бояр Романовых в 1600–1605 годах и судьба их потомков в царствование Михаила Федоровича: позднее раскаяние? // Историк и источник. Сборник статей к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. СПб., 2018. С. 289, и др.), или московский государь. (Накануне говорится о пожаловании князя В. И. Бахтеярова-Ростовского «с товарищи» турецким султаном, отпустившим их из тюрьмы в Кафе на Терек). Если же следовать ПЛ, в соответствующей статье которого ошутима зависимость от молвы и «разрядов» (*Солодкин Я. Г.* 1) Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. С. 157; 2) «Межуусобная кровь пролилась». С. 104), стрелецкого голову, «обусурманившегося» и даже успевшего жениться в Персии, распорядился умертвить, причем тоже «розными муками» (это, кстати, стилистический штамп, см.: 191, 214, 252; АЮ. СПб., 1838. С. 72; ДР. Т. 1. Стб. 143; КР. Т. 1. Стб. 1, 2, 4, 7; Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 13, 23, 147. Ср.: С. 44, 126; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 58, 72, 74, 135. Ср.: С. 139; Т. 31. С. 17, 19, 22, 23; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 148, 446; *Зимин А. А.* Опричнина. С. 395. Примеч. 99; С. 403. Примеч. 49, и др.), безымянный московский царь. Надо думать, в ПЛ имеется в виду Борис Федорович, тем более что его предшественники «в такие дальние земли рати не посылавали, ни казны своей (о чем в отличие от НЛ в «записках москвича» умалчивается. — Я. С.) на подмогу не даывали». Вероятно, одно из устных свидетельств о трагедии, постигшей рать окольничего И. М. Бутурлина в «Шехвалской земле», было доступно и создателю НЛ. Подробнее см.: *Солодкин Я. Г.* О некоторых источниках Нового летописца старшей редакции (на материале статей за время царствований Федора Ивановича и Бориса Годунова) // ВАА. Вып. 12. М.; СПб., 2015. С. 67–69.

тах XVI–XVII вв. не попадались¹⁰ (там есть выражения «волочит», «волочил», «изволочит», «не изволоча», «делы волоčiti», «прово-
лочить», «волочатся», «волочитца», «заволочился» и т. п., десятки
раз встречается лексема «безволокитно»¹¹), относятся к приказной
лексике.

Лишь в ПЛ сказано о том, что выполняя распоряжение «правед-
ного и святого» царя Федора, в 1590/91 г. «зачали делати избы диячьи
каменные у Архангела на площади на Москве» (196). («Дьячьими
избами» чаще всего назывались приказы,¹² иногда — резиденции «гра-
додержателей»¹³).

---

¹⁰ В лексике служившего, вероятно, в одном из патриарших приказов автора поден-
ных записок — очевидца московского восстания 1682 г., по определению А. П. Бог-
данова, много канцелярских терминов, но интересующих нас среди них нет (*Богда-
нов А. П.* Общерусское летописание конца XVII века. Ч. 1. М., 2024. С. 306; Ч. 2.
М., 2024. С. 4–7), как и в знаменитом «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева.

Оригинальны и употребленные в ПЛ выражения «приказа ... видение», «оступи
град», «наряд огняный», «кобы [на ратной]», «Навгородския области», «милухне»,
«вырвало ... стены», «третицею», «прека (в преке)», «перепускаше руду», «больма
жаловати», «ступ лежал ...стеншися», «знатко воровское», «воду взвел», «посму-
тились», «жестого держать», «аки червь гризяше смокви», «язычен», «вылезли
многия полки», «здумали благодать» (190, 191, 193, 195, 198, 205–207, 212, 214,
216–219).

¹¹ См., например: ААЭ. Т. 1. С. 262, 263, 265–267, 307, 312, 320, 359, 449; Т. 2.
С. 84, 99, 118, 161, 171, 217, 220, 236, 249, 256, 266; Т. 3. С. 129, 177, 178, 242,
274, 281, 286; Т. 4. СПб., 1836. С. 134, 289; АЮ. С. 20; АИ. Т. 1. С. 241, 259, 276,
323, 355, 404; Т. 2. С. 78, 330; Т. 3. С. 80, 99, 102, 110, 174, 307, 309, 311; КР. Т. 1.
Стб. 168, 432, 692, 751, 1003, 1016, 1078; АОЮБ. Т. 1. СПб., 1857. Стб. 303, 420,
502; Т. 2. СПб., 1864. Стб. 530; Т. 3. СПб., 1884. Стб. 473–474, 481, 483; АМГ. Т. 1.
С. 161, 162; ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 230; *Лукичев М. П.* Два документа к биографии
дьяка Ивана Тимофеева — автора «Временника» // Реализм исторического мышле-
ния. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные
памяти А. Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. 156; *Зи-
мин А. А.* Опричнина. С. 421; *Вершинин Е. В., Пашков А. Т.* Документы XVII века
по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-За-
падной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 174; НДР. С. 37, 203, 221, 354; Тюменское
и Сибирское ханства. Казань, 2018. С. 400. Ср.: С. 409. Напомним, что очень часто
в документах попадаете и словосочетание «волочиться между (меж) двор (дворы)»,
а иногда — «под окны».

¹² *Лихачев Н. П.* 1) Разрядные дьяки XVI века. С. 62, 261. Ср.: С. 59; 2) Библио-
тека и архив Московских Государей в XVI столетии. С. 69, 71, 72, 98–101, 104, 114,
115, 131. Ср.: С. 73; Приложения. С. 39.

¹³ ААЭ. Т. 3. С. 208. Ср.: С. 206; АИ. Т. 2. С. 416; КР. Т. 1. Стб. 313; *Смирнова Д. Д.*
Летописное известие о неизвестном послании новгородского архиепископа Феодо-
сия // Историческое повествование в средневековой России: к 450-летию Степенной
книги. Тезисы Всероссийской научной конференции. СПб., 2013. С. 46; История
татар с древнейших времен: в семи томах. Т. 5. Казань, 2014. С. 195.

Только из ПЛ мы узнаем о том, что у реки Ходынки при внезапном для войск царя Василия нападении тушинцы убили, между прочим, сына Дружины Петелина (215). Последний являлся видным (вероятно, думным) дьяком.¹⁴ В конце XVI в. Игнатий Петелин (о другом каком-либо сыне Д. П. Петелина сведений нет) был жильцом.¹⁵

В ПЛ знаменитый А. Я. Щелкалов назван среди тех, «по дворам» которых (как и митрополита, бояр И. Мстиславского, И. Шереметева «и иных») «главы ... меташа» казненных «на Москве на площади у Пречистыя в Большом городе при» царе Иване. В летописной статье, посвященной началу «державства» «святым сопричасного» Федора, А. Щелкалов представлен ближним дьяком, относившимся к кругу «правителей» «Руской земли», сторонником Годуновых, князей Трубецких, Б. Бельского (192, 195).¹⁶ В ПЛ дьяки упомянуты и в числе умерщвленных Иваном IV на Поганой луже в 1570 г. (из 120 казненных там названы только Иван Висковатый и Никита Фуников с указанием, что первого царь «повеле ... по суставом резати», а второго «варом обварити»¹⁷), среди воевавших у Кеси (Вендена), посланных за датским королевичем, ставшим женихом царевны Ксении, встречавших этого принца в Москве, присягнувших в 1605 г. Лжедмитрию, и тех его сторонников, которые расправились с семьей Бориса Федоровича, а также руководителей строительства «каменных» городов в Астрахани и Смоленске, причем известие о «посылке» Ф. Голенищева «ставить» Царев-Борисов уникально (191, 193, 196, 198, 202, 203, 206, 207).¹⁸ В летописце, который есть веские основа-

---

¹⁴ Лихачев Н. П. 1) Разрядные дьяки XVI века. С. 15, 48, 76, 158, 159, 492–496, 502; 2) Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. С. 125; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 408–409, и др. Ср.: БСР. Ч. 1. С. 106.

¹⁵ ААЭ. Т. 2. С. 45. Ср.: С. 52; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 428, 524; БСР. Ч. 1. С. 113. Известно и о племяннике Дружины Иване Кириллове сыне Петелине. См.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. С. 494. Примеч.

¹⁶ Ср.: Лихачев Н. П. 1) Разрядные дьяки XVI века. С. 167, 193; 2) Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. С. 121; Временник Ивана Тимофеева. С. 73, и др.

¹⁷ Ср.: 214. Об этом мы читаем и в сочинениях А. Шлихтинга, И. Таубе и Э. Крузе. О том, что И. М. Висковатый и Н. А. Фуников являлись печатником и казначеем соответственно, в ПЛ не сообщается.

¹⁸ Ср.: 239, 242; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. С. 212–213, 462; Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. Вып. 1. С. 145; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 6, 30, 180; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 120, 238; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // ЛХ. 1980 г. М., 1981. С. 243; РК. Т. 3. Ч. 1. С. 45; Солодкин Я. Г. Из ранней истории Царева-Борисова // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья. Сборник статей памяти профессора В. П. Загородского

ния атрибутировать представителю весьма многочисленного рода приказных людей дьяку Нечаю Перфирьеву¹⁹ (не исключено, сражавше-

(1925–1994). Воронеж, 2000. С. 86; НДР. С. 357; *Анхимюк Ю. В.* К истории русской колонизации Дикого поля: гарнизон крепости Царев-Борисов в конце XVI — начале XVII в. // *Российское государство в XVI — начале XVIII века. Сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова.* СПб.; М., 2022. С. 336, 337, 343, и др.

¹⁹ *Солодкин Я. Г.* 1) К атрибуции Пискаревского летописца // *ТОДРЛ.* Т. 44. Л., 1990. С. 396; 2) *Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков.* С. 104–105; 3) «Межуусобная кровь пролилась». С. 103, 120. Примеч. 7. И. О. Тюменцев, признавший данный вывод обоснованным, подобно С. Б. Веселовскому назвал этого дьяка, служившего еще в середине 1613 г. в Пушкарском приказе, Перфильевым (*Тюменцев И. О.* Смутное время в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 54. Ср.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 143, 184, 185, 270, 309, 330, 386, 405, 406, 426, 439). Но почти во всех остальных источниках Нечай значится как Перфирьев (хотя эта фамилия нередко писалась и в форме «Перфильев», в том числе в рукописи ПЛ, относящейся к середине XVII в.). См., например: 229; ААЭ. Т. 1. С. 450–452; Т. 2. С. 45, 53; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. С. 514. Примеч. 1; *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. М., 1908. С. 86; *Платонов С. Ф.* Подлинное дело о строении города Смоленска // *Смоленская старина.* Вып. 1. Ч. 2. Смоленск, 1911. С. 23–28; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 132; БСР. Ч. 1. С. 182; «Писанные законы России». Английское описание Московского государства конца XVI века // *Исторический архив.* 1995. № 3. С. 198; *Лисейцев Д. В.* К вопросу о Городовом приказе конца XVI — начала XVII века // *Российская реальность конца XVI — первой половины XIX в. Экономика. Общественный строй. Культура. Сборник статей к 80-летию Ю. А. Тихонова.* М., 2007. С. 15, 17, 24. Ср.: ААЭ. Т. 2. С. 303, 368; Т. 3. С. 219, 220; АИ. Т. 2. С. 308; АОУ. С. 118, 119, 296, 334, 348; АОУБ. Т. 1. Стб. 694; Т. 2. Стб. 149, 292, 304, 371, 387, 438–440; Т. 3. Стб. 401–403; АМГ. Т. 1. С. 127; *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства. Вып. 1. С. 32, 169; *Лихачев Н.* Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. Приложения. С. 80; ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 161. Ср.: С. 294; *Вершинин Е. В., Пашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда. С. 214, 234; *Бродников А. А.* Сибирский служилый человек Максим Перфирьев // *Книга и литература в культурном контексте.* Новосибирск, 2003. С. 213–227; Осадный список 1618 г. (далее — ОС). М.; Варшава, 2009. С. 58, 69, 168, 316, 317, 430, 440, 464 (= Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 8); *Буканова Р. Г.* Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010. С. 238; *Моисеев М. В.* Азов (Азак) в 1570 г. в донесении русского посланника Ивана Новосильцева // *Средневековые тюрко-татарские государства.* 2019. № 11. С. 62, 64; *Молочников А. М.* Приходная книга смоленского монастыря 1609–1610 годов // *Novogardia.* 2019. № 4. С. 425; *Кистерев С. Н.* Стандарт транспортировки жита во второй половине XVI — первой трети XVII века // *ВАА.* Вып. 33. М.; СПб., 2020. С. 76; *Парадеев Е. И.* Акты XVI–XVII вв. по погосту Николая Чудотворца в Залесном стане Арзамасского уезда // *ОФР.* Вып. 22. М.; СПб., 2023. С. 45, 66–69, 75, и др.

Известны имена Перфир, Перфирий, Перфирей (наряду с таким, как Перфильей). См., например: ААЭ. Т. 1. С. 141, 167, 253; Т. 3. С. 219, 220; АИ. Т. 3. С. 43; ДР. Т. 1. Стб. 856, 862; КР. Т. 1. Стб. 194, 718, 758; АОУБ. Т. 1. Стб. 239, 240; Т. 2.

муся с «немцами» у Пайды еще зимой 1572–1573 гг.²⁰), сообщается о Посольском дворе А. Щелкалова, дьяке царевича Дмитрия в Угличе

Стб. 396; Т. 3. Стб. 43; АМГ. Т. 1. С. 109, 114; Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 (далее — КККЧ). СПб., 1894. С. 139, 150, 194; *Лихачев Н.* Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. Приложения. С. 66; ПСРЛ. Т. 19. Стб. 41; Т. 36. Ч. 1. С. 166, 170–172; *Белоцерковский Г. М.* Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. С. 248; БСР. Ч. 1. С. 202, 222, 235, 334; Ч. 2. М., 1979. С. 23, 60; *Тюменцев И. О.* Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. М., 2007. С. 60; ОС. С. 85, 200, 294, 299, 384, 388, 430, 472, 479, 505, 542; *Лисейцев Д. В.* Тяжба торговых людей 1621 г. и неизвестная страница Смутного времени // Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. Материалы Международной научной конференции (Ярославль, 6–9 июня 2012 г.). Ярославль, 2012. С. 218; *Павлов А. П.* Приставы у опальных бояр Романовых в 1600–1605 годах... С. 297.

В сохранившей много оригинальных известий Книге Записной (далее — КЗ) и вторичных относительно нее двух поздних редакциях того же Сибирского летописного свода (далее — СЛС) — Академической и Записках, к сибирской истории служащих, о чем в остальных разновидностях «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее...» умалчивается, дьяк Нечай Федоров, несший службу в «стольном» Тобольске с 1607/08 г. до смерти пять лет спустя, всякий раз наделяется фамилией Перфирьев (Перфильев) (см., например: ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 143, 144, 370; ср.: С. 74, 98, 192, 193, 260, 317, 346). Примечательно, что последний в отличие от десятков сибирских администраторов (Там же. С. 138–166, 168–177, и др.), кроме одного списка свода, не именуется летописцем по отчеству, т. е. Федоровым сыном или Федоровичем, а большинство редакторов СЛС отчества дьяков и подьячих находило излишними. Видимо, создатель Миллеровской или Головинской редакции СЛС, если не их протографа, решил опустить фамилию Нечая Федорова сына. (В КЗ и двух других разновидностях свода, который на протяжении многих десятилетий велся в Тобольске, кстати, не приводится фамилия одного из «товарищей» местного воеводы Е. В. Бутурлина письменного головы Матфея Матфеева сына (Там же. С. 140, 190, 369), вероятно, Тимофея Матвеева либо Юшманова сына Лазарева (*Тыжнов И.* Заметки о городских летописях Сибири. Ч. 1. СПб., 1898. С. 81, 195; *Солодкин Я. Г.* Воеводы и головы Березова с первых лет его существования // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. 4. Тюмень, 2001. С. 12. См. также: НДР. С. 19, 356), бывшего выборным дворянином по Суздалю). В КЗ и Головинской редакции СЛС пропущены фамилии и письменных голов, управлявших Енисейском в течение нескольких лет, начиная с 1676/77 г. (*Солодкин Я. Г.* «Беседуя к вашей любви...». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск, 2017. С. 174, 191, 196. Ср.: С. 206). К кругу источников этого свода относятся росписи «начальных людей» Тобольского разряда, в том числе привозившиеся ими самими из Москвы. По составленному в Казанском приказе такому документу, в который, что иногда бывало, вносились изменения (*Солодкин Я. Г.* 1) Вослед Савве Есипову. Очерки по истории сибирского летописания середины — второй половины XVII века. Нижневартовск, 2011. С. 125, 131, 198; 2) «Беседуя к вашей любви...». С. 154–155, 166, 316, и др.), автор протографа старшей редакции СЛС, скорее всего, и знал о Нечаяе (возможно, Федорове сыне) Перфирьеве, насколько известно, никогда не являвшемся (вопреки ранее высказанному нами вслед за А. П. Барсуковым мнению, см.: *Солодкин Я. Г.* 1) Вослед Савве Есипову. С. 65, 134; 2) «Росписи» администраторов городов и острогов в старшей редакции Сибирского

М. Битяговском, об отправке туда дьяка Е. Вылузгина для погребения младшего сына Ивана Грозного, о поездках занимавшего одно

летописного свода // VII Зиминские чтения. Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию со дня рождения А. А. Зимина. Материалы Международной научной конференции. М., 2020. С. 448), сослуживцем воевод и письменных голов «столнейшего града» Сибири. С. А. Белокуров, очевидно, на основании одной разрядной записи, С. Б. Веселовский и Н. В. Рыбалко отождествили Н. Федорова с дьяком Н. Ф. Чередовым (*Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.)*. С. 168, 308. Ср.: С. 77, 78, 94, 121, 134, 149, 161, 175, 218, 249–250; *Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв.* С. 120, 406, 543, 563; *Рыбалко Н. В. Приказная служба дьяков и подьячих в городах периода царствования Василия Шуйского // Государство и общество в России XV — начала XX века. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова*. СПб., 2007. С. 302, и др.). Примечательно, что в той же разрядной записи, по почерку отличающейся в рукописи от соседних, говорится о тобольском дьяке Н. Федорове, а Чередов отнесен к воеводам. Вместе с тем, едва ли обращавшийся к СЛС выдающийся отечественный историк прошлого века, подготовивший упомянутый справочник о приказных людях Московской Руси, задавался вопросом: Нечай Федоров и Нечай Перфильев — не одно ли лицо? Но еще Н. П. Лихачев указал на то, что в разнообразных документах говорится про обоих этих дьяков конца XVI — начала XVII столетий, первый из которых, точнее, Нечай Федорович (обычно называвшийся Нечаем Федоровым, см., например: ААЭ. Т. 2. С. 76, 99, 103, 112, 115, 117, 124–126, 138, 260; АЮ. С. 63; АИ. Т. 2. С. 25, 34–37, 40, 43, 44, 47, 49, 50, 56, 58, 59, 61, 83, 92, 106, 107, 411, 412; Т. 3. С. 132; АОЮБ. Т. 2. Стб. 604; НДР. С. 37), носивший крестное имя Иван, мог принадлежать к роду Благово (*Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века*. С. 514, 515; *Указатель*. С. 93, 98. См. также: *Солодкин Я. Г. Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков*. С. 136. Примеч. 284).

²⁰ Так, в ПЛ сказано о взятии Пайды русскими войсками не в Васильев день (ср.: БСР. Ч. 1. С. 273, 277, 303), а «на Васильев вечер» (192).

Возможно, летописец участвовал в походе к Коловери (Лоде), где в январе 1573 г. убили «дву Васильев Салтыковых-Глебова да Львова» и многих «иных таких» (о чем в «разрядах», к примеру, из так называемого Московского летописца (далее — МЛ) второй четверти XVII умалчивается), а воеводу князя И. А. Шуйского «не сыскаша: безвестно несть», и в осаде Кеси, от которой «воеводы хотели идти прочь», но «литва» и «немцы» успели разгромить русских и «наряд поимали», убили воевод князя В. Сицкого, В. Воронцова, Д. Салтыкова, двух князей Тюфякиных, взяли в плен князя П. Хворостинина и дьяка А. Клобукова. (В остальных источниках ряда приведенных сообщений нет, см.: РК. Т. 3. Ч. 1. С. 29, 30; *Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в.* С. 239; *Кустерев С. Н. Об авторах первой и второй редакций Соловецкого летописца XVI в.* // ЛХНИ. 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 387, 389. Примеч. 20, и др.) Автор «записок москвича» предположительно являлся очевидцем казней в столице «на площади у Пречисты[я]», т. е. Успенского собора, когда в присутствии царя убили свыше семи видных дворян и представителей духовенства, головы которых, напомним, «меташа по дворам» князя И. Мстиславского, митрополита, И. Шереметева, А. Щелкалова и других. В МЛ об этой расправе (ее жертвами стали также дьяки С. Мишурин и Д. Владимиров) говорится подробнее, но об упомянутом «метании» голов казненных мы там не прочтем (192, 193, 226).

Летописец мог быть участником «немецкого зимнего» (1589–1590 гг.) похода, ибо заметил, что русские во время штурма Ругодива понесли большие потери, «не смотря

из центральных мест в приказном мире А. Власьева в Данию («для королевича Ягана») и Речь Посполитую (192, 196–197, 203, 207).²¹ (Точнее, А. И. Власьев встречал жениха царской дочери Ксении Борисовны в Ивангороде, а при дворе датского короля побывал следом²²). Дьяк Б. Сутупов назван в ПЛ в числе убийц царицы Марии Григорьевны и ее сына Федора (206–207).²³ Вскоре после освобождения российской столицы от войск Сигизмунда III тот, оказывается, прислал к Москве вместе с князем Д. Мезецким и многими панами дьяка И. Грамотина, чтобы «взяли королевича на царство и крестили б его» (218).²⁴

подошвеняго бою под башнею отводною, и тем и побили»; тогда шведы ранили Михаила Салтыкова Глебова, двух Ромодановских «и иных многих», вскоре же «лехкие воеводы», старшим из которых являлся И. Годунов, взяли Копорье (196. Ср.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 422; РК. Т. 3. Ч. 2. С. 160). (В боярском списке конца 1580-х гг., где перечислено 43 дьяка, указание на Перфирьева отсутствует (БСР. Ч. 1. С. 106–108). Но этот документ был составлен, вероятно, осенью 1588 г., а его использование в делопроизводстве прекратилось «незадолго до выступления царской армии из Москвы» 14 декабря следующего года ([Мордовина С. П., Станиславский А. Л.] Вступительная статья // Там же. С. 30)).

²¹ Ср.: 240; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 98, 110–111.

Согласно ПЛ, ездившего в ранге гонца в «Грузинскую землю» М. И. Татищева царь Борис пожаловал в ясельничие (204). «Списатель», очевидно, забыл, что «волохищный лжесилентияр» (как отозвался о Татищеве Иван Тимофеев) занимал эту должность еще с конца XVI в. (ААЭ. Т. 2. С. 42, 48. См. также: Лихачев Н. Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. С. 142) и возвратился из Грузии в Москву осенью 1605 г., т. е. уже при Лжедмитрии I.

²² См.: Лихачев Н. Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. С. 141; Солодкин Я. Г. «Межуусобная кровь пролилась». С. 103, 107, 120.

В ПЛ сказано о том, что в Ивангороде датского принца встречали окольничий Михаил Глебович Салтыков с сыном Афанасием; вместо последнего, о котором в отличие от Ивана Михайловича, ставшего боярином, нет сведений (см., например: 258; ААЭ. Т. 2. С. 321; АИ. Т. 2. С. 364; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 302; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 103, 110. Ср.: С. 101; БСР. Ч. 2. С. 152; НДР. С. 456), в других источниках при этом назван А. И. Власьев. В сына М. Г. Салтыкова видного дьяка, опустив его фамилию, мог превратить переписчик ПЛ или протографа интересующего нас памятника.

²³ Об этом сообщается также в некоторых других летописцах и «разрядах». См.: 242; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 6, 30, 203; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. С. 227–228; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. С. 243.

²⁴ Ранее король вопреки договору гетмана С. Жолкевского с Семибоярщиной (см.: 255; ААЭ. Т. 2. С. 279, 300, 304, 305, 325, 328, 351, 354–355; АИ. Т. 3. С. 6; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 56–57, 227; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 100, 101, 104–107; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 28, 32, 42, 140, 348, 452, 456, 548, 550, 552; ср.: Бохун Т. Польско-литовский гарнизон в Москве: политические аспекты // Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. Материалы Международной научной конференции (Ярославль, 6–9 июня 2012 г.).

Из других источников про Грамотина в данной связи сказано лишь в НЛ редакции конца 1620-х гг.²⁵

Кроме того, в ПЛ имеются сообщения о строительстве храмов и каменной палаты в селах и во дворах Б. Ф. и Д. И. Годуновых, а также «на Москве за Яузою: Никита Христов мученик» по «челобитьям» этих бояр, о «буре велией», незадолго до смерти Федора Ивановича многое разрушившей в Новодевичьем монастыре и выломавшей «города Древяного (в столице. — Я. С.) 100 сажень», о «сделанных» «расстригой» для своей мнимой матери Марфы палатах в Вознесенском монастыре,²⁶ об удивившем всех москвичей (ср.: 103, 189, 190, 194, 197, 202, 205, 206) чуде времени царствования Василия Шуйского: в 1606/07 г. во исполнение приказа государя были «поставлены хоромы и сени новые» вместо сооруженных при «освятованном» наследнике Грозного, однако два года спустя «у тех хором подломились сени, а мост и бревна, и брусье были новые и толстые» (200, 204, 207, 215).²⁷ (В «разрядах» говорится про новоселье, отмечавшееся царем в январе 1607 г. О строительных работах на государевом дворе в «записках москвича», предполагаемый автор которых нес службу в Городовом приказе и приказе каменных дел, сообщается еще в нескольких статьях ПЛ, см.: 194, 201, 207, 220, ср.: 192, 202, 203²⁸).

Как счел нужным рассказать «слогатель», князь Ю. Токмаков, оставленный в столице Грозным (тот «со всем» укрылся от татар в Новгороде), отправил на Молоди гонца «з грамотами в обоз (боярина князя М. И. Воротынского. — Я. С.), дабы сидели безстрашно: а идет рать наугородцкая многая».²⁹ По свидетельствам летописца, о смерти Алек-

---

Ярославль, 2012. С. 29) выполнить условие о крещении сына при его вступлении на московский престол категорически отказывался (256. Ср.: С. 212, 222; ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 144, и др.). Даже в конце 1616 г., собираясь в поход для возвращения себе русского трона, Владислав в пространном обращении к потенциальным подданным не изъявлял готовности перейти в православие. См.: АИ. Т. 3. С. 67–68.

²⁵ ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 127. Ср.: ДР. Т. 1. Стб. 8; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 63; НДР. С. 307–309.

²⁶ Летописное свидетельство о месторасположении этих палат подтверждается НЛ и документально. См.: ДР. Т. 1. Стб. 1153, 1180; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 67, 68.

²⁷ О брусяных хоромах царя Василия (которого подданные «позориша ... многжды») сохранилось известие за апрель 1613 г. См.: ДР. Т. 1. Стб. 1180.

Заметим, что в ПЛ говорится о «стоянии» этого государя в обозе, когда тушинцы осаждали Москву, то на Ваганькове, то в Дорогомилове (212, 215).

²⁸ Ср.: Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 92, 119, 159.

²⁹ А. А. Зимин и Р. Г. Скрынников не сомневались в достоверности этого известия (Зимин А. А. Опричнина. С. 283. Ср.: С. 274, 411. Примеч. 207; Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 450, и др.). В МЛ утверждается, что крымский хан

сея Адашева из Юрьева Ливонского «писали государю», который «послал (туда. — Я. С.) убить» прежнего любимца, воеводы же, прибывшие в 7087 г. в Полчев (Оберпален), «писали государю», что «идти (к Кеси. — Я. С.) не с кем: людей мало», и «никако идти нельзя з большим нарядом»;³⁰ в 1611 г. о видении нижегородцу Григорию «писаша во все грады руския»,³¹ год спустя боярин князь Д. Т. Трубецкой «писал» из-под Москвы в Ярославль стольнику князю Д. М. Пожарскому о намерении «литвы» доставить запасы из Волоцкого уезда в захваченную королевскими войсками столицу. В ПЛ сообщается, как «звался» Иван Васильевич, посадив «на царство Московское» Симеона Бекбулатовича, «писались» новоявленный «великий князь» Симеон в адресованных ему челобитных (ср.: 226, 227, 230) и вдова двух самозванцев Марина Мнишек в ее грамотах «ко всем бояром и воеводам» того времени, когда она проживала в Коломне.³² Если верить ПЛ, Ивану IV (однажды названному подобно его сыну Федору «государем нашим») вручили «челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему быти»,³³ внемля «совету» нового царя Бориса со всем «православным христианством», в том числе приказными людьми, немедленно составили «излюбленную запись», скрепленную

узнал о приближении новгородской рати от пленных, захваченных возле русской столицы (225. Ср.: 177; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 43; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 194. Примеч. 22).

³⁰ Обратим внимание на то, что, как сообщается в ПЛ, при захвате Сокола (согласно разрядной книге редакции конца царствования Бориса Федоровича, 25 сентября 1579 г.) поляки и литовцы убили четырех воевод и «взяли князя Петра да Федора Шереметева» (193; ср.: РК. Т. 3. Ч. 1. С. 87; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. С. 239–240; *Корецкий В. И., Морозов Б. Н.* Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. С. 214). Одна из разрядных записей, сохранных МЛ, дает возможность полагать, что князь Петр — это П. И. Хворостинин (227).

³¹ Ср.: ААЭ. Т. 2. С. 347. Это видение напомнило про древнее чудо в Ниневии создателям и ПЛ, и НЛ (217; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 115).

³² Ср.: Временник Ивана Тимофеева. С. 41, 71, 72, 74, 130, 133, 134, 153, 154; *Солодкин Я. Г.* «Межуусобная кровь пролилась». С. 143.

В Поволжском летописце, где изложение событий доведено до марта 1610 г., говорится о том, что Иван IV приказал боярина князя М. И. Воротынского, разгромившего татар у Молодей, «писать» слугой (*Корецкий В. И., Морозов Б. Н.* Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. С. 213–214). Но ни одного другого аналогичного сообщения в этом летописце, автором оригинальной части которого был какой-то провинциальный дворянин или сын боярский, мы не находим. Подобные известия (относительно Ермака и Бориса Годунова) встречаются в НЛ. См.: ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 33, 43. Ср.: Там же. Т. 36. Ч. 1. С. 73, 74, 78, 183. Примеч. 49.

³³ Это хронологически неопределенное свидетельство считается заслуживающим доверия (*Зимин А. А.* Опричнина. С. 136. Ср.: С. 138, 140, и др.).

подписями и печатями, т. е. «Утвержденную грамоту» «избирательного» Земского собора 1598 г., Гришка Отрепьев, придя в северские города, «отписал х казаком, что он царевич Дмитрий углицкой, а в его место убили попова сына» (181, 191–195, 201, 206, 216–218, ср.: 177, 204).³⁴ Кроме того, в рассматриваемом летописце пересказаны (скорее автором «записок», чем компилятором) материалы из «приложений» ко второй «окружной» грамоте Василия Шуйского; в состав ПЛ включены и крестоцеловальная запись государя, прослывшего «самовенечником», и текст присяги ему подданных (207–211, 213–214).³⁵ О захвате Иваном IV в 1577 г. 27 городов на Двине (192–193, ср.: 227) (об этом идет речь и в «разрядах», Соловецком и Мазуринском летописцах, Забелинском летописном своде конца XVII в.³⁶) в ПЛ, возможно, говорится по окружной грамоте того времени.³⁷

Из статьи «О пиру царя Ивана» мы узнаем о том, что во исполнение желания «яростивого» преемника Василия III однажды были тайно записаны речи приглашенных на торжество бояр, окольничих, дворян «и всяких чинов людей», а «наутрея повеле (Грозный. — Я. С.) к себе список принести речей их»; он также распорядился «писать тайно» речи «всяких людей» на торгу, «и принесоша ему список речей мирских» (194).

---

³⁴ См. также: Временник Ивана Тимофеева. С. 74; Солодкин Я. Г. «Межуусобная кровь пролилась». С. 125. Ср.: С. 143, 144.

³⁵ См. также: Солодкин Я. Г. Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. С. 80, 85.

Как нельзя исключать, москвичи, в том числе приказные люди, судачили о «нужных» смертях в ссылке князя А. И. Шуйского и П. Головина (их, согласно любопытной ремарке летописца, Федор Иванович подверг опале, «поделом ли, или нет, то бог весть»), такой же кончине в Кирилло-Белозерском монастыре князя И. П. Шуйского, принявшего там постриг, и толковали о том, что русские очутились на Молодах «за три часы до царева приходу», взяли там в плен ширинских князей и астраханского царевича (ср.: 225; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. С. 238; История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. 4. Казань, 2014. С. 199), были вынуждены отступить от Колывани (Ревеля), ибо этот «град крепок и запасен всем, понеже пришло море под стену его», а с вступлением на трон Федора Ивановича Нагих разослали «по городом в заточение», младшего сына Грозного похоронили в Угличе «во всем в чем заклан» (ср.: ААЭ. Т. 2. С. 110–111; Временник Ивана Тимофеева. С. 51; НДР. С. 79), царь Василий казнил своего временщика боярина И. Ф. Крюка-Колычева (вопреки версиям других источников, см.: АИ. Т. 2. С. 249; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 87) «за его многие изменные слова» (192, 193, 195, 196, 216). Последнее выражение, кстати, является стилистическим штампом. См., например: ААЭ. Т. 2. С. 137, 361; АИ. Т. 2. С. 346. Ср.: ПСРЛ. Т. 19. Стб. 418.

³⁶ См.: ПСРЛ. Т. 31. С. 141; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. С. 239; РК. Т. 3. Ч. 1. С. 24; Богданов А. П. Общерусское летописание конца XVII века. Ч. 1. С. 705.

³⁷ Ср.: Солодкин Я. Г. «Межуусобная кровь пролилась». С. 21. Примеч. 29.

Летописец как приказный человек, не исключено, знал о том, что с гибелью царевича Дмитрия «матерь его велели постричи» (и сослали в монастырь на Выксу), а Нагих — «пытати без милости на пытке и торговых людей», «побивших» убийц, и розослали (этих посадских. — Я. С.) по тюрьмам» (197).³⁸

Казаки князя «Дмитреева полку Трубецкого», — читаем в ПЛ, — 22 октября 1612 г., в четверг «перед Дмитревскою суботою», овладели Китай-городом, «крикнув ... с лесницами ... с Кулишек от всех Святых с Ыванова лужку» (218, ср.: 182, 261).³⁹ Возможно, публицист находился тогда среди земских ополченцев, в рядах которых затем вступил в Кремль. Недаром в признающемся крупнейшим из памятников частного летописания XVII в. констатируется, что после капитуляции осажденного гарнизона боярам, «сидевшим» в Москве с «литвой», вернули старинные вотчины и поместья (ср.: 190, 207), однако в «думу» с князьями Д. Т. Трубецким и Д. М. Пожарским «их не призывали», «вся земля (это очень популярное словосочетание есть и в ряде других статей ПЛ. — Я. С.) волновалась на них» (147, 164, 187, 188, 198, 201, 206, 207, 211, 218, 219), отказываясь видеть скомпрометировавших себя представителей знати в составе временного правительства. Ранее, кстати, говорится о решении Василия Шуйского казнить самозванца «Петрушку» («вора» «Илюшку» либо Илейку Муромца) «по совету всей земли» (что маловероятно⁴⁰). Данное выражение нередко встречается в документах с конца междоусобицы.⁴¹

³⁸ Ср.: Временник Ивана Тимофеева. С. 29, 43–45.

³⁹ Две грамоты «Совета всей земли» сохранили свидетельство о том, что ополченцы, между прочим, «у Всех Святых на Кулишках поставили туры, и из-за туров из наряду по городу (Китай-городу. — Я. С.) ... безпрестани» били (ААЭ. Т. 2. С. 373, 374). В штурме Китай-города, однако, участвовали не только казаки, предводителем которых был князь Д. Т. Трубецкой, но и дворяне, дети боярские, прибывшие из Ярославля во главе с князем Д. М. Пожарским. См., например: 261; КKKЧ. С. 9, 25, 32, 94, 106, 204; НДР. С. 204. Ср.: ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 418; Богданов А. П. Общерусское летописание конца XVII века. Ч. 2. С. 53, 101, 166–167. Примеч. 5.

⁴⁰ В других нарративных сочинениях констатируется, что «царевича Петра» казнили по приказу московского государя. См.: 247; Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 338; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. XVII–XVIII, 226; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 77; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 340, 386; Корецкий В. И., Морозов Б. Н. Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. С. 217.

⁴¹ См., например: ААЭ. Т. 2. С. 337, 339, 347, 351, 363, 365. Ср.: С. 197, 262, 301, 312, 316, 319, 324, 326, 327, 341, 349, 350, 360, 361, 372, 373; Т. 3. С. 1; АЮ. С. 94, 436; АИ. Т. 2. С. 395, 408. Ср.: С. 350; ДР. Т. 1. Стб. 1083–1085; Белокуров С. А.

Обстоятельные рассказы, в том числе обнаруживающие впечатления очевидца,⁴² следуют в ПЛ, начиная с повествования о видениях

Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. Х. Ср.: С. 41, 167; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 404; История татар с древнейших времен. Т. 5. С. 837. Ср.: 256; АОЮБ. Т. 2. Стб. 601; БЛДР. Т. 14. СПб., 2006. С. 498.

⁴² См., например: Солодкин Я. Г. 1) Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. С. 104, 105; 2) «Межуусобная кровь пролилась». С. 109–111; 3) Отражение перипетий опричнины в Пискаревском летописце: некоторые источники и хронология статей // БАА. Вып. 45. М.; СПб., 2024. С. 99, 101. Ср.: С. 97. В Троице-Сергиевом монастыре летописец мог слышать рассказ про видение отправившейся туда с Василием III на богомолье Елене Глинской относительно появления на свет ее первенца (194). Очевидец, вероятно, оставил замечания о том, что внучку удельного князя Владимира Андреевича похоронили «у Троицы в Сергиеве монастыре, в большой церкви в углу», Бориса Годунова с женой и сыном — там же в паперти (ср.: 241, 242), царевич Иван Иванович был «положен во Архангиле, в пределе у стены, а возле его отец его, царь Иван, а возле царя Ивана царь Феодор», Богдана Бельского, захотевшего «быти больши казначея Петра Головина», намеревались «убити до смерти дворяне, токо бы не утек к царю (Федору Ивановичу. — Я. С.) назад», когда Бориса Федоровича нарекли государем, «почали звонити в большой колокол, и в те поры выпал язык у колокола, и в то время люди учали говорити не благо», во время Серпуховского похода Борис Годунов, которого «почали звати царем и великим князем до венчания его царьского», «стояше на Нарском устье, и vele поставити град полотняной новотворен, а преже того не бысть таков» (ср.: 238; Временник Ивана Тимофеева. С. 57–58), на Лобном месте «двери — решетки железные», «как королевич (Иоганн. — Я. С.) шел дорогою к Москве, и по станом готовили кормы ему и лошадем, сколько надобет», в 7108 г. «зделаны зубцы каменные по рву кругом Кремля-города, где львы сидели, до Москвы реки от Неглинских ворот», в следующем году «введена вода из Москвы реки на государев двор на конюшенной на большой по подземелью великою мудростию», царь Борис «положен был (вначале. — Я. С.) в Архангиле, в приделе, против царя Федора Ивановича, з другую сторону дверей» (ср.: 241; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 172; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 63; Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 246; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 372, 436, и др.), а царевич Дмитрий — там же «у столпа» (ср.: ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 70; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. С. 243; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 338), вступивший в Москву «Рострига» в Успенском соборе «к образом прикладывался по царьскому чину». Свидетелю можно приписать сообщения о сражении на Ходынке (с перечнем убитых тушинцами «у государева стану, у обозу») и «великих воровских делах» «литвы» в столице в канун «московского разорения», рассказы о невиданной «буре велией», пришедшей с Воробьевой горы на Новодевичий монастырь и выломившей многое в этой обители, а в Москве — часть стены Деревянного города и хоромы «у всяких людей», о подаренной царем Борисом «великому послу» пану Л. Сапеге дорогой шубе «на соболех, круживо широко жемчужно с камением, по-литовски зделано», о «любительном» приеме в Москве датского принца — жениха царевны Ксении, а также следующее наблюдение: чудом занявший престол «еретик» «Гришка Рострига» «куда поедет, и около его немцы и литва, и казаки з бердыши и с пищальми, и з саблями» (191, 194, 195, 197, 201–205, 207, 215, 216,

удельному князю Юрию Васильевичу (родному брату царя) и митрополиту Макарию о взятии Полоцка, а также о скором вступлении русских войск в этот город (190).⁴³ (Предыдущие весьма лаконичные статьи, посвященные присоединению Астрахани, «прощению Николина (Николы Великорецкого. — Я. С.) образа»,⁴⁴ началу строительства в столице «обетного» храма Троицы на Рву,⁴⁵ где тоже идет речь

ср.: 210, 219, 236, 239, 240). Со слов какого-то участника сражения на Восме близ Каширы, не исключено, в летописце повествуется об этой битве, где правительственные войска сумели разгромить многочисленный отряд «воров», предводителями которого являлись князь А. Телятевский и М. Аксаков (215, ср.: Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959. С. 368. Комментарий. 133; НДР. С. 383). Впрочем, мнение М. Н. Тихомирова, будто в посвященной вдовству «Российского государства» накануне воцарения Бориса Годунова (236; ААЭ. Т. 2. С. 20, 152; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 118. Ср.: ДР. Т. 1. Стб. 47) обширной статье ПЛ ощутимы впечатления очевидца, вряд ли может считаться бесспорным (Солодкин Я. Г. Земские соборы Московской Руси конца XVI века. Спорные проблемы истории и историографии. Нижегородск, 2010. С. 103).

Разделять мысль М. Н. Тихомирова, будто ПЛ главным образом запечатлел позднейшие припоминания и устные версии современников (см., например: Пенская Т. М., Пенской В. В. Иван Грозный в мае 1571 года // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 8), думается, нет должных оснований. К тому же упомянутые белгородские историки обошли вниманием наличие в ПЛ ряда уникальных известий о пожаре в Москве во время «прихода» к ней войск Девлет-Гирея, да и сведений об этой трагедии, имеющих, в частности, аналогии в «разрядном летописце» (Зимин А. А. Опричнина. С. 272, 407. Примеч. 114, 116; Солодкин Я. Г. Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. С. 90, 92, 109–110).

⁴³ Воевода Полоцка С. Довойно был не отпущен в Литву вскоре после капитуляции этого города, причем из Москвы, как утверждается в ПЛ, а обменян на князя В. И. Темкина-Ростовского четыре года спустя. См.: Зимин А. А. Опричнина. С. 340. Примеч. 266.

⁴⁴ В соответствующей статье употребляется нередкое в книжности кануна Смуты и последующих десятилетий (см., например: 231, 236; ААЭ. Т. 2. С. 1, 2, 14, 19, 23, 24, 27–33, 54, 58, 87, 126, 129, 130, 152, 155, 157, 160; Примеч. С. 2; ДР. Т. 1. Стб. 29. Ср: Стб. 40, 47, 62, 80; РИБ. Т. 13. СПб., 1909. Стб. 15; Временник Ивана Тимофеева. С. 49; Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 232; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 8, 20, 21. Ср.: С. 50; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 64, 66, 70. Ср.: С. 142; Богданов А. П. Общерусское летописание конца XVII века. Ч. 1. С. 668; Ч. 2. С. 43, 130) выражение «всенародное множество», которое больше в ПЛ мы не встречаем, хотя там имеются аналогичные формулировки (182, 190, 198, 201, 207, 211, 213, 217, 219, 220).

⁴⁵ В летописных известиях, посвященных «прощению» «Николина образа» и закладке собора «Троицы и Покрова», первая московская царица оба раза именуется Настасией (ср.: 28; АИ. Т. 3. С. 20; ДР. Т. 1. Стб. 1152; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 23; ОЦААИП. М., 1960. С. 46; ПСРЛ. Т. 31. С. 130; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 360; Богданов А. П. Общерусское летописание конца XVII века. Ч. 2. С. 37, 96, 153), а не Анастасией (ср.: 109, 110, 178, 192, 226), как в остальных статьях о ней из рассматриваемого памятника

об этом образе, принесенном «с Вятки» (189),⁴⁶ думается, попали в компиляцию не из «записок москвича», а другого нарративного источника).

С точки зрения И. О. Тюменцева, «автор» ПЛ, вероятно, знал о событиях, про которые поведал, от их участников — дворян.⁴⁷ Надо думать, что летописец обращался и к свидетельствам своих сослуживцев — приказных людей, да и выступал как мемуарист.⁴⁸

По замечанию Д. С. Лихачева, при решении задач атрибуции требуется установить не только личность автора, но и его «работу», определить, в чем выразилось авторство, где оно проявилось вполне, а где частично.⁴⁹ К отличающимся стилистическим единством «запискам москвича»,⁵⁰ помимо документов времени Лжедмитрия I и са-

---

(Солодкин Я. Г. «Межуусобная кровь пролилась». С. 127. Примеч. 69. См. также: 29, 222–224, 229; АИ. Т. 3. С. 7; ПСРЛ. Т. 31. С. 133, 138; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 322, 334, 356). Последнее имя писалось и в форме «Анастасья» (АИ. Т. 2. С. 334). В главе НЛ о «деле Романовых» эта царица, происходившая из старомосковской знати, как и в Казанской истории, называется и Анастасией, и Настасьей. См.: ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 53; Т. 19. Стб. 105, 106, 172, 179, 396, 403, 404, 429.

Имя «Настасья» встречается в ПЛ в части и до середины XVI в., да и во многих других источниках (15, 24, 26, 29, 149, 150, 163, 257; ААЭ. Т. 1. С. 49. Ср.: С. 152, 154; АИ. Т. 1. С. 97, 211, 301, 338. Ср.: С. 192; Т. 2. С. 48; Т. 3. С. 89, 90; АЮ. С. 152, 435, 436, 446, 451; ДР. Т. 1. Стб. 538, 784; Лихачев Н. П. 1) Разрядные дьяки XVI века. С. 82, 104–105, 417–419. Примеч.; 2) Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. С. 67; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. IX; Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. Приложения. С. 82, 97, 105; ОЦААПП. С. 32; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 54; Т. 31. С. 166; БСР. Ч. 2. С. 60, 65, 82; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 140, 141; НДР. С. 303, 312; ОС. С. 129, 417, 421, 477; Шереметев С. Д. Труды по истории Смутного времени. М., 2015. С. 201, 204, 309. Ср.: АОЮБ. Т. 1. Стб. 559).

⁴⁶ Закладка Покровского собора в ПЛ приурочена к 7069 г. Точнее, строительство знаменитого храма началось пятью годами ранее, а 1 октября 1560 г. состоялось его освящение. См., например: Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. VIII; [Яковлева О. А.] Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Вып. 2. М., 1955. С. 146; ПСРЛ. Т. 31. С. 137; Богданов А. П. Общерусское летописание конца XVII века. Ч. 2. С. 38–39, 97, 119–120, 153–154. Ср.: ПСРЛ. Т. 19. Стб. 483.

⁴⁷ Тюменцев И. О. Смутное время в России в начале XVII столетия. С. 55.

⁴⁸ Ср.: Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. С. 14, 144, 289, и др.

⁴⁹ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв. Л., 1983. С. 306. Об этом суждении выдающегося исследователя древнерусской литературы недавно напомнил С. Н. Кистерев. См.: Кистерев С. Н. Хождение на Ферраро-Флорентийский собор // ВАА. Вып. 47. М.; СПб., 2024. С. 57. Примеч. 145.

⁵⁰ См.: Солодкин Я. Г. 1) Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. С. 71–76, 106. Ср.: С. 93; 2) «Межуусобная кровь пролилась». С. 122. Примеч. 24.

мого начала царствования Василия Шуйского, явно нельзя отнести сохранные компиляцией из собрания Д. В. Пискарева⁵¹ фрагмент «В сем летописце прописано в letech 54» (там сказано о походе великого князя в Коломну, см.: 189, ср.: 27, 84, 177, 199),⁵² статью «О явлении мощем Никиты наугородцкого»,⁵³ в которой Иван IV единственный раз признается благочестивым (191),⁵⁴ не считая встречающейся

---

⁵¹ Примечательно, что в статье ПЛ, восходящей к ВЛ или близкому к ней своду, упоминается о рождении в 1552 г. первенца «всегрозного» самодержца. Про этого царевича Дмитрия, погибшего еще «пеленочником», не сказано в заметке о смерти Ивана IV, там названы его дети от Анастасии Романовны Иван и Федор, а также последний сын, матерью которого была Мария Федоровна (189, 194, ср.: 199, 229; ПСРЛ. Т. 19. Стб. 473, 474, 483–485; Т. 31. С. 130; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. С. 236, 240, 242).

⁵² В ПЛ имеется и более подробная статья об этом походе (180).

⁵³ Ср.: ПСРЛ. Т. 31. С. 136.

⁵⁴ *Солодкин Я. Г.* «Межуусобная кровь пролилась». С. 114. В статье «О опришнине» (это «кровоизлияние» Иван IV якобы «учинил» «по злых людей совету», «возвратившись» «на все православное христианство») даже утверждается (прежде, по наблюдению В. И. Корецкого, летописцы не осмеливались говорить столь откровенно), что тогда «бысть в людех ненависть на царя от всех людей» (ср.: 222; ААЭ. Т. 2. С. 278, 290; ДР. Т. 1. Стб. 18, 25, 33, 39, 46, 69, 79; *Временник Ивана Тимофеева*. С. 60, 84, 102, 113, 124, 153; ПСРЛ. Т. 31. С. 105; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 158; *Зимин А. А.* Опричнина. С. 281). Как мы читаем в ПЛ, «большая беда» началась с тех пор, как «лихия люди ... стаха вадити великому князю на всех людей» (ср.: 171, 202), Грозный истребил почти всю семью удельного князя Владимира Андреевича, явился виновником разгрома войск князя И. Ю. Голицына «с товарищи» у стен Кеси и гибели княжны Мезецкой, свадьба которой с князем Василием Владимировичем состоялась «в Слободе с великим срамом и с поруганием» (ср.: 207), «гневом» ходил в Новгород «казнити и грабити», вслед за его «пленением» «мечем, огнем и водою» «немного зла сотвори» в Пскове (сравнительно, разумеется, с трагедией, постигшей «град святой, великий» на Волхове), убил игумена и келаря псковского Печерского монастыря, 120 человек казнил в столице на Поганой луже и через несколько лет многих еще — «на площади у Пречисты[я]», бежал из столицы «на Бронницы (Коломенского уезда. — Я. С.) да в Слободу», откуда собирался перебраться «в Кирилов» (но не укрылся там, как порой утверждается, см.: *Елисеев М. Б.* Сто великих битв Средневековой Руси. М., 2021. С. 350) при вторжении весной 1571 г. отрядов Девлет-Гирея (тот «Москву выжег всю, в три часы вся згорела»), «поворотил к Москве», узнав о падении Полоцка; летописцем приводится и предсказание казанской ханши великокняжескому гонцу М. Сунбулову (см. о нем: *Лихачев Н. П.* 1) Разрядные дьяки XVI века. С. 318. Примеч.; 2) Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. С. 59; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века. М.; Л., 1950. С. 166), будто долгожданный первенец Василия III съест и нас, и вас (190–194, ср.: 180, 181, 189). Возможно, легенда об этом пророчестве сложилась в кругах Посольского приказа незадолго до казни И. М. Вискovatого или же вскоре. Большинство других из перечисленных сообщений явно относится ко времени после смерти «гордояростного» царя. Так, о гибели удельного князя Владимира Андреевича и его матери летописец рассказал не ранее 1585/86 г., когда на родину возвратилась вдова герцога Магнуса Мария с дочерью, вскоре умершей.

и в двух рукописях статьи «О чудесах великого князя Данила Александровича Московского» (204–205) (она восходит к источнику, использованному в Степенной книге царского родословия⁵⁵), а также строки, повторяющие заголовок Судебника 1550 г., многочисленные выдержки из краткого летописца за 1533–1574 гг., продолженного упоминаниями о событиях 1612 г. на Русском Севере,⁵⁶ свидетельство о перенесении мощей Михаила Черниговского 4 февраля 1580 г.,⁵⁷ заметку о явлении Казанской иконы Богородицы некоей девице в 7087 г.⁵⁸

Про «царство» Симеона Бекбулатовича поведал «сказатель», знавший о «Розстриге», очевидно, и о его убийстве. В то время, когда Симеон был «скипетродержателем», Грозный, оказывается, «жил на Неглинню на Петровке, на Орбате, против Каменного мосту старово». Под 111 г. говорится о сооружении Каменного моста «з зубцы через Неглинну, против Тверские улицы». (В заметке, приуроченной к 107 г., упоминается мост «за Неглинною, блиско Успенского вражка», ... против старово государева двора», видимо, еще один. Со времени же учреждения опричнины царь Иван, по свидетельству летописца, жил на Неглинной на Петровке. Ранее, с точки зрения А. А. Зимина, резиденцией Грозного служила Воздвиженка, располагавшаяся между Арбатом и Никитской улицей, см.: *Зимин А. А. Опричнина*. С. 196, 369. Примеч. 43). Известие о «преставлении» царевича Ивана Ивановича содержит упоминание про грядущую «погибель конечную» (ср.: 256; ААЭ. Т. 2. С. 110, 127, 128, 131, 298, 299, 339, 349, 352; Т. 3. С. 115; АИ. Т. 2. С. 150, 296; ДР. Т. 1. Стб. 13, 1069; АМГ. Т. 1. С. 88; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 46, 78; Т. 19. Стб. 5, 151, 195, 441; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 40, 186, 230; НДР. С. 187) «Руской земле», т. е. Смуты. На захват шведами Корелы в 7089 г. «слогатель», вероятно, указал не ранее чем через три десятилетия, после того, как «немцы» вновь заняли этот город, «без крови» возвращенный божьим «угодником» Федором Ивановичем накануне смерти. Шестая жена Грозного именуется Марфой Федоровной, хотя так ее стали звать с момента принятия пострига в 1591 г. (190–194, 202, 203, 229). В ПЛ Иван IV, заметим, чаще всего называется без отчества, а то лишь государем, царем, великим князем, царем и великим князем.

Учтем также, что в ПЛ Борис Годунов слугой (этого звания «изрядный» правитель удостоился в 1591 г., когда русским войскам удалось обратить в паническое бегство отряды Гази-Гирея, достигшие окрестностей российской столицы) представлен уже в статье «О метеже на Москве», вспыхнувшем вскоре после воцарения Федора Ивановича, Василий Шуйский считается великим князем относительно времени «воровского» «жития» в кремлевских палатах первого самозванца, Валуйки же были основаны в соответствии с распоряжением не «праведного государя, и свята», а его шурина, занявшего трон «по избранью и по прошенью всея земли» (195, 207, 238, ср.: 197, 234).

⁵⁵ Солодкин Я. Г. Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. С. 78–79, 86, 126. Примеч. 138.

⁵⁶ Там же. С. 53, 66–68, 77, 80–82, 86, 105, 107, 108.

⁵⁷ Оно помещено со знаком вставки на поле рукописи.

⁵⁸ Эта дата имеется и в Мазуринском летописце (ПСРЛ. Т. 31. С. 142). Считается, что около 1588 г. «в Казанских землях» был создан список Пречистой Богородицы чудотворного «новоявленного образа, иже в Казани». См.: *Горшкова В. В.* «Тогда бо мятежные времена были» // *Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода.*

после того, как другая девица, плененная казанским мирзой во время разгрома Новгорода девятью годами ранее, привезла образ с собой (видимо, в Казань), где скрыла его в землю,⁵⁹ наконец, два родословца⁶⁰ и перечень святых в «царьском роду», дополняющие раздел про «сидение» Федора Ивановича «на всей Руской земле» (193, 198–199), пересказ ИВ.⁶¹ Датированные 133–135 гг. известия, следующие за статьями о движении И. М. Заруцкого и воцарении Михаила Федоровича, по стилю отчасти близкие ко многим предыдущим, в отличие от сообщения о смерти родоначальника новой династии и вступлении на престол Алексея Михайловича,⁶² не могут считаться (так представлялось, например, А. Е. Викторову, О. А. Яковлевой, Я. С. Лурье, М. Н. Тихомирову, В. И. Буганову, И. Б. Грекову) приписками к основному тексту ПЛ, сделанными иным автором или же другими «слогателями».⁶³ К тому же отец «боголичного» государя ранее дважды име-

---

К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. Материалы Международной научной конференции (Ярославль, 6–9 июня 2012 г.). Ярославль, 2012. С. 79.

⁵⁹ В некоторых кратких летописцах и «Сказании» об этой иконе, вышедшем из-под пера будущего патриарха Гермогена, «явление» «Казанской Пречистой» отнесено к 8 июля 1579 г. (*Солодкин Я. Г.* Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. С. 124. Примеч. 92; *Богданов А. П.* Общерусское летописание конца XVII века. Ч. 2. С. 40, и др. См. также: ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 133; Т. 19. С. VII).

⁶⁰ Ср., например: *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. С. 223, 242; *Корецкий В. И., Морозов Б. Н.* Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. С. 187, 188.

⁶¹ *Солодкин Я. Г.* Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. С. 79, 80, 85, 86, 98, 151, 232.

⁶² Там же. С. 58, 67.

⁶³ Там же. С. 58, 61, 98. Как читаем в ПЛ, супруга царя Василия (ее звали Екатериной, в замужестве — Марией Петровной, а в иночестве Еленой) со времени его низложения жила в суздальской Покровской обители (213. Об этом сообщается и в НЛ (см.: ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 103), хотя известно о пребывании бывшей царицы также в столичных Ивановском и Вознесенском монастырях). Летописец, что прежде не принималось во внимание (см., например: *Солодкин Я. Г.* Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. С. 56, 59, 71), мог упомянуть об этом едва ли ранее 2 января 1626 г., когда умерла вдова государя, выданного соотечественниками «в Литву королю в холопи» (214; *Гириберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмоскovie XV–XVII вв. Ч. 2 // Нумизматика и эпиграфика. Т. 3. М., 1962. С. 237. Ср.: АИ. Т. 3. С. 228–229). О смерти жены скончавшегося в Речи Посполитой царя Василия нашли нужным, кстати, сообщить Иван Тимофеев и «слогатели» НЛ. Заметим, что в ПЛ сказано о том, где либо как жили Иван IV, княгиня Евдокия — мать удельного князя Владимира Андреевича, Симеон Бекбулатович, князь Д. Шуйский, сибирский хан, царь Борис, его сестра инока Александра, «Розстрига», самозванец «Петрушка», патриарх Гермоген, Марина Мнишек, И. Заруцкий, Михаил Федорович с матерью (190–192, 195, 198, 201, 202, 204, 205, 207, 211, 216, 219, 220,

нуется без отчества, а только Филаретом (208, 215, 220, ср.: 212). (В ПЛ не сообщается о возвращении на родину из польского плена митрополита Ростовского и его хиротонисании в патриарший сан в 1619 г., как, заметим, в ряде других летописцев⁶⁴). Известия за 133–135 гг. помещены, что в ПЛ встречается нередко, после свидетельств, которые предполагалось продолжить на оставленных чистыми листах (220, примеч. л, ср.: примеч. п).⁶⁵ Вероятно, «слогатель» рассчитывал со временем запечатлеть события, которые произошли накануне, вслед за коронацией Михаила Федоровича и безуспешным штурмом Кирилло-Белозерского монастыря паном Песоцким. Но повествование о завершившем «смуту и межъусобство» начале «державства» «внука благоверной царицы» Анастасии или осталось неизвестным компилятору, или вообще не было создано. Так, в ПЛ сказано о захвате Новгорода шведами (194), однако умалчивается про его освобождение весной 1617 г., о чем писали многие книжники XVII в.⁶⁶

ср.: 183, 200, 208, 209). К 134 г. в ПЛ отнесены знамение «на Москве за Москвою рекою» и страшный пожар в Китай-городе и Кремле (220). О. А. Яковлева же заключила, что самое позднее известие в основном тексте памятника — это сообщение об учреждении Сибирской и Тобольской епархии в 7129 г. ([Яковлева О. А.] Пискаревский летописец. С. 10, 166. Комментарий. 110).

⁶⁴ См., например: ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 148–149; Т. 31. С. 158–159, 180; Т. 36. Ч. 1. С. 144, 193. Примеч. 73–74; Богданов А. П. Общерусское летописание конца XVII века. Ч. 2. С. 53, 101, 121, 167. Ср.: Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. XVIII, 227; Временник Ивана Тимофеева. С. 155, 165, 166.

⁶⁵ См. также: Солодкин Я. Г. Очерки по истории общерусского летописания конца XVI — первой трети XVII веков. С. 55, 70.

⁶⁶ См.: 265; РИБ. Т. 13. Стб. 133; Временник Ивана Тимофеева. С. 97, 119–120, 148, 163; ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. С. 139; Т. 37. Л., 1982. С. 201; Солодкин Я. Г. О некоторых вопросах происхождения Заонежского летописца // Историография. Источниковедение. Историческое краеведение. Сборник статей к юбилею доктора исторических наук. В. В. Митрофанова. Нижневартонск, 2017. С. 99, и др.

С. Н. Кистерев

ДВЕ ПОПРАВКИ К ПРОЧТЕНИЮ СОЧИНЕНИЯ ИВАНА ТИМОФЕЕВА

Несомненно, что важнейшим условием правильного использования любого существующего в виде более или менее пространного текста исторического памятника, не имеет существенного значения — документального или повествовательного, является адекватное восприятие его содержания. По этой причине возникает необходимость трактовки встречающихся в нем терминов, понятных для людей, живших в эпоху, к которой относится возникновение этого памятника, и часто неясных для исследователя, или даже целых фрагментов текста.¹ В последнем случае для нарративов отдаленных столетий появляется потребность в переводе соответствующих мест на современный исследователю язык, что часто сопрягается с некоторыми сложностями, поскольку сам автор изучаемого сочинения, пусть неосознанно, приложил немало усилий для того, чтобы результат его работы оказался труден для восприятия читателя. К числу таких нарративов относится «Временник Ивана Тимофеева», по признанию ряда историков, отличающийся нарочитым усложнением используемых языковых средств.²

---

¹ Хотя в отношении памятников эпохи Смуты сказано, что «отечественная медиевистика вплотную подошла к необходимости создания работ обобщающего характера» (Туфанова О. А. Древнерусская литература о Смутном времени как художественный феномен. М., 2019. С. 23), это не подразумевает отказа от продолжения источниковедческих изысканий и проникновения в смысл написанного авторами XVII в., что в дальнейшем может повлиять и на содержание новых обобщающих трудов.

² По словам исследователя, всегда в собственных трудах уделявшего особое внимание ясности и точности выражений (Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (научное наследие). М., 1987. С. 68), у Тимофеева «изысканность языка и ораторское многословие в связи с безграмотностью иногда делают

Особенности языка, которым написан «Временник», и некоторые другие его черты позволили даже высказать мнение об относительно скромной роли дьяка при создании памятника. Характеризуемая И. И. Полосиным как «плетение словес»³ витиеватость языка, которым написан текст, извлечения из теологической литературы, писал С. В. Дмитриевский, «наводит нас на мысль, что действительным автором „Временника“ бы митрополит Исидор, а Иван Тимофеев являлся в известной мере лишь орудием, писцом, который записывал и приводил в порядок различные высказывания митрополита. Но, судя по всему, он не был слепым орудием, он и сам был образован, сведущ во многих фактах, к тому же одухотворен той же моральной исходной точкой и, возможно, теми же политическими симпатиями и антипатиями, что Исидор. С этой точки зрения можно рассматривать „Временник“ как коллективное произведение двух единомышленников. И уже этим можно объяснить некоторые замечательные особенности „Временника“, судьбу этого произведения и его забвение».⁴

рассказ непонятным набором слов» (*Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 7. М., 1989. С. 168*). По суждению В. Л. Комаровича, стиль Тимофеева — «стиль кадансированных периодов, с крайне усложненным синтаксисом, при отсутствии всяких признаков разговорной речи, с искусственным, по книжным образцам, словообразованием» (*История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. М.; Л., 1948. С. 56*).

Несомненно, эти особенности должны были сказаться на отношении читателя к труду дьяка. Д. С. Лихачев писал: «По старой манере подменять живую мысль риторикой, он крайне запутывает изложение и в общем лишает себя читателей, о чем свидетельствует то, что дошло это сочинение в единственном списке и оставило по себе единственный след — в правительственном продолжении „Книги Степенной“ 60-х годов XVII века» (*Лихачев Д. С. Подступы к решительным переменам в строевании литературы // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 9. Правда, в свое время В. П. Адрианова-Перетц усматривала отражение данной Иваном Тимофеевым характеристики государства царя Михаила Романова как «триличного царства» в сказочном «Сказании о зачатии преславного царствующего града Москвы» (История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. С. 250)). С Лихачевым согласен А. В. Каравашкин: «Тимофееву абсолютно чужды завершенность и ясность. Вместо последовательного нарратива — „собрание пестрых глав“, беспорядочные заметки, возвращение к уже написанному, повторы. Кажется, Тимофеев делает все от него зависящее, чтобы читателей у его труда было немного. Довершает все славянизированная орнаментальность „Временника“. Автор с каким-то неофитским рвением сооружает неприступные риторические периоды...» (*Каравашкин А. В. Иван Тимофеев: история и риторика // Россия XXI. 2013. № 6. С. 110*).*

³ *Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. Сборник статей. М., 1963. С. 264, 266, 268.*

⁴ *Дмитриевский С. Дьяк Иван Тимофеев и его исторический труд // Чело. 2000. № 2 (18). С. 35. О Сергее Васильевиче Дмитриевском см.: Коваленко Г. Стокгольмский невозвращенец // Там же. С. 32–33.*

Сохранившийся в единственной, найденной еще в начале 1833 г. Я. И. Березниковым рукописи «Временник» как памятник общественной мысли был открыт

Проанализировавший «Временник» «на основании герменевтики текста и при условии выяснения происхождения самого флорищевского списка» Д. А. Рыбаков, тем не менее, отмечая, что «текст действительно является абсолютно неудобочитаемым, что не вполне соответствует творчеству приказных „графоманов“», ограничивается заявлением: «дьяк Иван Тимофеев по-прежнему остается наиболее вероятным автором „глаголемого временника“». ⁵ Эти сомнения в принадлежности «Временника» Ивану Тимофееву Я. Г. Солодкин счел неоправданными, ⁶ и приложил немало усилий для опровержения положений скептиков, отстаивая традиционную версию о принадлежности «Временника», ⁷ которой в дальнейшем и будем придерживаться, хотя для рассматриваемого вопроса принципиального значения вопрос об авторстве не имеет. ⁸

Посвященный описанию истории Русского государства от времени царствования Ивана IV до начала правления Михаила Романова, «Временник», по воле его автора, «историка-мыслителя» или «историка-философа», ⁹ многие годы прослужившего в административных структурах в Москве и Великом Новгороде, ¹⁰ содержит характери-

---

П. М. Строевым (Солодкин Я. Г. К истории введения в научный оборот «Временника» Ивана Тимофеева // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 171–172).

⁵ Рыбаков Д. А. «Временник Ивана Тимофеева» — несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // ДРВМ. 2007. № 2 (28). С. 61–63.

⁶ Солодкин Я. Н. Иван Тимофеев и его русские современники о воцарении Бориса Годунова (к истории Земского собора 1598 года) // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. М., 2008. С. 56. Примеч. 4.

⁷ См.: Солодкин Я. Г. 1) О двух спорных вопросах истории русской публицистики кануна и времени Смуты // ДРВМ. 2008. № 1 (31). С. 87–94; 2) «Мужуусобная кровь пролилась». Очерки по истории публицистики и летописания в России конца XVI — первой трети XVII вв. Нижневартовск, 2011. С. 75–84, 87–89. Тем не менее, например, В. Г. Вовина-Лебедева полагает, что, как излагает ее мнение А. А. Селин, «окончательно вопрос об авторстве Тимофеева в принципе неразрешим» (Селин А. А. Смута на Северо-Западе в начале XVII века: Очерки из жизни новгородского общества. СПб., 2017. С. 453).

⁸ Как, впрочем, и версия авторского наименования сочинения. Я. Г. Солодкин допускает, что название «Временник» принадлежит не автору, а редактору сочинения (Солодкин Я. Г. К истории редактирования «Временника» Ивана Тимофеева в 30-х — 80-х годах XVII в. // БАА. Вып. 34. М.; СПб., 2021. С. 4 (= Солодкин Я. Г. «Конечная гибель Русской земли»: публицистика и летописание в России кануна и времени Смуты. М., 2024. С. 37)).

⁹ Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 7. С. 391–392; Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. С. 327.

¹⁰ Биографические сведения об Иване Тимофеевиче Семенове см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 514–515; Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. Т. 17. М.; Л., 1961. С. 454–467; Корецкий В. И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // АЕ за 1974 год.

стики целого ряда исторических деятелей,¹¹ среди которых первое место, естественно, занимают сами царствовавшие особы, и в этом ряду немалое внимание Тимофеевым уделено личности Бориса Годунова, жизненный путь которого рассмотрен сочинителем с неприкрытым пристрастием, что отмечалось исследователями, специально изучавшими сочинение дьяка как литературный памятник. Так, например, О. А. Державина заметила: «Глубоко не сочувствуя внутренней политике „дворянского царя“ Годунова, который, продолжая дело Грозного, укреплял положение служилого дворянства, Тимофеев не может не видеть его ума, его административных способностей, наконец, высоких качеств его как человека. Но он не может понять истинного смысла деятельности Годунова и правильно оценить ее. Наоборот, собрав все те сплетни и слухи, которые распускала о Годунове враждебная ему боярская партия, он создает из него образ интригана и злодея».¹²

В процитированном фрагменте для нас теперь важно не продекларированное отношение дьяка к Борису Федоровичу как к «дворянскому царю», будто бы укреплявшему позиции именно этого социального слоя,¹³ а внимание к созданию Тимофеевым определенного облика

М., 1975. С. 145–157; *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 138–146, 295–299; *Солодкин Я. Г.* 1) Иван Тимофеев сын Семенов (по прозвищу Кол) // СКЖДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 14–15; 2) О двух спорных вопросах истории русской публицистики кануна и времени Смуты. С. 90; *Лисейцев Д. В.* 1) Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 627; 2) Новые сведения о жизни и семье дьяка Ивана Тимофеева // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 160–162; *Рыбаков Д. А.* Судебная эпопея дьяка Ивана Тимофеева: коррупция и государственный аппарат в Новгороде начала XVII в. // НИС. Вып. 12 (22). М.; СПб., 2011. С. 171–182; *Селин А. А.* Смута на Северо-Западе в начале XVII века. С. 453–455, 466, 585.

Время создания «Временника» в его сохранившемся виде относится к последним годам жизни дьяка. О. А. Державина датировала завершение работы над «Временником» 1627–1628 годами (*Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // *Временник Ивана Тимофеева*. СПб., 2004. С. 356–357). По заключению Я. Г. Солодкина, «Временник» писался вплоть до смерти автора в 1631 г. (*Солодкин Я. Г.* О двух спорных вопросах истории русской публицистики кануна и времени Смуты. С. 92).

¹¹ При этом было бы неверным вслед за Д. С. Лихачевым (*Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 11) видеть во «Временнике» собрание именно характеристик деятелей и событий Смуты, против чего справедливо возражает Я. Г. Солодкин (*Солодкин Я. Г.* «Конечная погибель Русской земли». С. 84. Примеч. 1).

¹² *Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // *Временник Ивана Тимофеева*. СПб., 2004. С. 386.

¹³ Самого Ивана Тимофеева И. И. Полосин характеризовал как «пособника крепостников, мучителей и душителей крестьян-повстанцев», дьяка-бюрократа, который

Годунова, в коем черты исключительно неприглядные сочетаются с незаурядными интеллектуальными способностями. Наследник последних Рюриковичей на московском престоле действительно, в глазах дьяка, отличался необходимыми для государственного деятеля особенностями, не свойственными ни его непосредственному предшественнику, ни ближайшим преемникам. В связи с этим обращают на себя внимание те места в повествовании автора «Временника», где говорится о степени овладения Борисом книжной премудрости.

В первом случае дьяк Иван записал: «Он же презре словес силу, глаголемых богом, ли не разуме, отнюдь, бо бе сим не искусен сы, от рожения бо до конца буквенных стезь ученьми не стрывая. И чюдо, яко первый таков царь не книгочий нам бысть».¹⁴ Это высказывание может создать впечатление о констатации Тимофеевым полной безграмотности Годунова, каковое и нашло отражение в представляемых переводчиками переложениях процитированного фрагмента. Так, О. А. и А. М. Державины предложили собственный перевод текста: «А он презрел силу сказанных богом слов или не знал их, потому что совсем был неискусен в этом, так как от рождения и до смерти не проходил путей буквенного учения».¹⁵ В. И. Охотникова несколько изменила фразеологию перевода: «А он пренебрег силой слов, сказанных богом, или не знал их, ибо был совсем неискусен в этом, от рождения до смерти он не протаривал книжных путей учения».¹⁶ Окончание фрагмента текста в этом варианте перевода, на наш взгляд, не соответствует содержанию оригинала. Крайне сомнительна справедливость использования глагола «протаривал», поскольку Годунов должен был бы не пролагать новых путей, а пользоваться уже известными для достижения знания. Однако и эта поправка не меняет основного в тексте перевода, каковым является отрицание владения Борисом Федоровичем элементарной грамотностью, способности прочитывать нечто из числа заповеданного божеством в писаниях.

«был верным слугой феодала в строительстве феодального государства», находившегося в морально-политической связи с боярской средой (*Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. С. 265, 267, 271).

¹⁴ *Временник Ивана Тимофеева*. СПб., 2004. С. 56.

¹⁵ Там же. С. 222.

Много ранее, не называя конкретных имен, С. Д. Шереметев, сам задаваясь вопросом о грамотности Бориса Федоровича, писал: «Современники его, как русские, так и иностранные относятся к этому вопросу отрицательно, и мнение это, по-видимому, установилось» (*Шереметев С. Д.* Грамоты с подписями Бориса, Дмитрия и Степана Годуновых (7080–7111 гг.) // *ЧОИДР*. 1897. Кн. 1. С. 1).

¹⁶ ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 289. В позднейшей публикации последнее слово выглядит иначе: «учением» (БЛДР. Т. 14. СПб., 2016. С. 569).

Примечательно, что обе переводчицы трактуют выражение «не разуме» как «не знал», тогда как более верным представляется видеть здесь иной смысл — «не понимал».¹⁷ Однако в этом случае можно говорить не о неграмотности в современном нам смысле, а о поверхностном ознакомлении с некими текстами, без усвоения их подлинного смысла, что подразумевает все-таки как минимум умение читать.

Особое внимание следует обратить на выражение Тимофеева «до конца буквенных стезь ученьми не стрывая». Составителями новейшего словаря «стеяз» однозначно понимается как путь, по коему происходит движение, а «стрывая» именно в данном фрагменте сочинения Ивана Тимофеевича трактуется как «истаптывать».¹⁸ Тем самым сказанное писателем вряд ли стоит понимать как полное отрицание знакомства Бориса с элементами простейшей грамотности, как это расценивалось публикатором сочинения.¹⁹ Скорее, подразумевает именно отсутствие у Годунова сколько-нибудь значимой начитанности и соответствующего восприятия прочитанного, которые и предполагали бы «истаптывание строк», неоднократное их, то есть тех самых «стезей», прохождение и понимание прочитанного. Тем самым, опять-таки речь должна идти о неких специфических текстах, усвоение содержания которых рассматривалось дьяком как обязательное для занимающего царский престол лица.

В целом представляется, что сказанное Тимофеевым о Годунове можно перелагать как: «Он же пренебрег силой сказанных богом слов или не понимал их, будучи в этом неискусен, поскольку с детства не перечитывал строки учений». В этом случае усматривать в тексте дьяка свидетельство о безграмотности царя было бы неверным.

---

¹⁷ Именно такую поправку в понимании рассматриваемого фрагмента предложила М. Свобода: «Указание Тимофеева на неграмотность Бориса не следует понимать буквально; Тимофеев описывает Бориса как „не разумне“, т. е. тот, кто не понимает книг, и „не книгочий“ — тот, кто их не читает. Можно предположить, что автор указывает не на неграмотность царя, а на его неспособность понять Священное Писание, так как Борис „презре словес силу, глаголемых богом“, т. е. отказался от истины Слова Святого Писания» (Свобода М. Образ царя во «Временнике» Ивана Тимофеева // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 399). Разумеется, вряд ли стоит говорить об отказе Годунова от «истины», содержащейся в библейских текстах. Более верным представляется усматривать отсутствие прилежания в ее постижении.

К сожалению, используя выражения Тимофеева, М. Свобода допускает неточность: «не разумне» вместо верного «не разуме», что, впрочем, можно расценить как простую опечатку. Еще большую досаду вызывает то, что в позднейшей публикации перевода сочинения дьяка (БЛДР. Т. 14. С. 569) мнение исследовательницы никак не было учтено.

¹⁸ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 28. М., 2008. С. 43, 201.

¹⁹ Державина О. А. Исторический и географический комментарий // Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 479.

В другом месте автор «Временника» заметил о Борисе: «Грамотичного учения не сведый же до мала от юности, яко ни простым буквам навычен бе. И чюдо! первый бо той в Росии деспод безкнижен бысть, в миролюбных же двизаемых вещех многосугуб коварств паче тацех многокнижных».²⁰ Первое из процитированных предложений в переводе О. А. и А. М. Державиных приняло вид, никак не свидетельствующий об адекватном понимании текста оригинала: «От малых лет до юности он не знал грамматического учения настолько, что даже и простым буквам не был научен».²¹

Если принимать предложенное переводчиками как отвечающее смыслу написанного Тимофеевым, то возникает неизбежный вопрос о времени обучения Годунова чтению, если уж он не учился этому только с малолетства до юности. Видимо, следует подозревать, что этим мастерством он овладел в более зрелые годы, что выглядит весьма странно и никак не согласуется с версией о полной безграмотности Бориса, допускаемой интерпретаторами при истолковании первого из рассматриваемых фрагментов сочинения Тимофеева.

Примечательно, что при переводе в начале фрагмента предлоги «до» и «от» поменялись местами²² и появилось слово «лет», отсутствующее в оригинале.²³ Все это существенно влияет на понимание смысла высказывания Ивана Тимофеевича. На самом деле следует лишь по-иному поставить запятую, после чего текст без всяких дополнений примет вполне понятный образ: «Грамотичного учения не сведый же до мала, от юности яко ни простым буквам навычен бе». Автор «Временника» заметил, что Борис Федорович «грамотичного учения» не постиг даже в ничтожной мере — «до мала», поскольку еще с юности не уделял должного внимания чтению книг.

В первом предложении рассматриваемого теперь фрагмента наблюдается различие автором «Временника» «грамотичного учения»,

---

²⁰ Временник Ивана Тимофеева. С. 67. Цитируя этот фрагмент, О. А. Державина писала, что именно в «бескнижии» Годунова Иван Тимофеев видел одну из причин уклонения Бориса на путь зла (*Державина О. А.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». С. 382).

²¹ Временник Ивана Тимофеева. С. 235.

²² Такую мену допускал и И. И. Полосин, считавший всю фразу «Грамотичного учения не сведый же до мала от юности, яко ни простым буквам навычен бе» вставкой неясного происхождения (*Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. С. 290).

²³ Это никак не соответствует заявлению О. А. Державиной, что «сложность и запутанность синтаксических отношений в речи Тимофеева, обилие в ней намеков и сознательно зашифрованных выражений делают необходимыми при переводе на современный язык значительного отступления от самой конструкции авторской речи» (*Державина О. А.* Археографический комментарий // Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 449–450).

которое может разделяться по стадиям, в частности, даже «до мала», и полного отсутствия навыка чтения и письма, который и подразумевается, видимо, в этом «малом». Именно в данном случае можно было бы считать, что Иван Тимофеевич склонен полностью отрицать способность его персонажа к чтению. Однако последнему, по нашему мнению, противоречит использование выражения «навычен», которое трудно воспринимать иначе, чем производное от «навычай» — «обычай, обыкновение».²⁴ Следовательно, не уметь грамоте и не знать буквы — не одно и то же. Последнее говорит о полной неспособности лица прочесть написанное, а тем более написать что-либо, первое же на какой-то стадии подразумевает умение читать.

У Тимофеева, таким образом, речь идет не о неумении Бориса Федоровича разбирать «простые буквы», а об отсутствии у него опять-таки прилежания в освоении именно книжных текстов, навыка в их чтении.²⁵ Новый царь, в отличие от своего предшественника, с юных лет не склонен был употреблять время на постижение книжной премудрости, почему и характеризуется как «бескнижен», что отнюдь не означает, будто он вовсе не умел читать, в том числе и тексты иного характера.²⁶

Оппонируя автору «Временника» О. А. Державина и В. И. Охотникова отвергли версию о полной безграмотности Бориса Годунова, ссылаясь на сохранившиеся его собственноручные подписи на грамотах,²⁷ а первая из них заметила, что «он не был начитан в „священном писании“, и это дает Тимофееву основание назвать его „бескнижным царем“».²⁸ Однако, поскольку в предложенной ею же трактовке текста оригинала Иван Тимофеевич полностью отрицает владение Борисом простой грамотности, возникает впечатление, что сочинитель не опа-

²⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 45.

²⁵ Не разбирая сколько-нибудь подробно написанного во «Временнике», такого же мнения придерживался С. Ф. Платонов (*Платонов С. Ф.* Москва и Запад. Борис Годунов. М., 1999. С. 172).

²⁶ Примечательно, что в содержащейся в Повести о житии царя Федора Ивановича пространной и крайне положительной характеристике Бориса Годунова (ПСРЛ. Т. 14. М., 2000. С. 6–7) патриарх Иов не упомянул о его прилежании в постижении содержания церковной литературы.

²⁷ Образцы такой подписи на данных Дмитрия Ивановича и Бориса Федоровича Годуновых Троицкому Ипатьеву монастырю 25 марта 1572 г. и Степаниды, жены Федора Ивановича Годунова, с сыном Борисом 1575/76 г. см.: *Шереметев С. Д.* Грамоты с подписями Бориса, Дмитрия и Степана Годуновых (7080–7111 гг.). С. 6. О значении первого из названных документов для уточнения генеалогии Годуновых см.: *Козляков В. Н.* Борис Годунов. Трагедия о добром царе. М., 2011. С. 48–49.

²⁸ *Державина О. А.* Исторический и географический комментарий. С. 479. Ср.: ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 581.

саясь упреков в свой адрес со стороны хорошо знавших Годунова людей, попросту клеветал на обладателя царского престола, так как между характеристиками как «бескнижного» и «безграмотного» разница весьма значительна.

О. А. Державина заметила, что «от писателя-историка Тимофеев требует, прежде всего, неподкупности и правдивости при оценке людей и событий».²⁹ Отчасти с нею не согласен А. В. Каравашкин, давший общую характеристику труда Тимофеева: «Ему предстояло ответить на головоломный вопрос о причинах Смуты в Русском государстве. Тимофеев, однако, пришел к весьма нетривиальному результату. Он вполне сознательно провозгласил тезис о невозможности правдивой истории, отказался от права быть летописцем, вместо исторического нарратива создал лирический монолог, полный покаянных самобичеваний, тяжеловесных метафор, темных и весьма надуманных перифрастических оборотов».³⁰ В сказанном Каравашкиным сомнительным выглядит утверждение о невозможности в представлении Тимофеева правдивой истории.

Основанием для суждения О. А. Державиной послужило читающееся во «Временнике» замечание о способе описания деяний «не сущих» царей: «А иже от не сущих ниже благословно и через подобство на скакающих на царство, сицевых яве от благих по всему отделися суд: необличнаго же умолчания ради, еже о тех нечестиих списателе, мно, с сими равнее истязуются», в предложенном переводе выглядящее следующим образом: «А о других и о тех, которые без благословения и незаконно на скакивали на царство, ясно, что для них будет отдельный от благих суд. Думаю, что и писатели, которые умолчат и не обличат их нечестие, одинаково с ними будут истязаться».³¹ Хотя и в данном случае перевод не отличается безукоризненной точностью, все же основная мысль автора передана верно. Историк, замалчивающий о неблагоприятных поступках царей, отнесенных Иваном Тимофеевым к числу «не сущих», будут осуждены наравне с самими этими властителями, то есть долгом писателей является следование истине в представлении читателю их образов. А поскольку сочинитель «Временника» относил Бориса Федоровича к категории «не сущих» царей,³² то следует думать, что он не должен был бы осмелиться и противоречить очевидному в вопросе о грамотности Бориса Федоровича.

И хотя кто-то все-таки распространял клеветнические вымыслы, жертвой которых оказался Исаак Масса, написавший в своем «Крат-

---

²⁹ Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник». С. 401.

³⁰ Каравашкин А. В. Иван Тимофеев: история и риторика. С. 108–109.

³¹ Временник Ивана Тимофеева. С. 33–34, 198.

³² Свобода М. Образ царя во «Временнике» Ивана Тимофеева. С. 397.

ком известии о Московии», что Борис Федорович не умел «ни читать, ни писать»,³³ в предлагаемой теперь интерпретации утверждения Ивана Тимофеева никак не противостоят суждениям о Борисе Федоровиче других его современников, например, Джерома Горсея, писавшего о необразованности Годунова, но никак не о его безграмотности.³⁴

В Первоначальной редакции первой главы «Сказания» или, как называл свое сочинение сам автор,³⁵ «Истории» Авраамия Палицына³⁶ по спискам ГИМ, собр. Забелина № 641 и РГБ, МДА № 175 одинаково читается: «Но аще и разумен бе в царских правлениях, но писания божественнаго не навек и того ради в братолюбствии блажен бываше».³⁷ Согласно этому тексту, Борис Федорович, хотя и не обла-

---

³³ *Исаак Масса*. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 44. Вряд ли распространение подобных слухов могло происходить из среды, далекой от царского двора. Скорее всего, они были порождением тех же кругов, которые бездоказательно, но не безуспешно обвиняли Бориса Федоровича во множестве преступных деяний. Вероятно, такие рассказы возникли еще до воцарения Годунова, в период правления Федора Ивановича.

Впрочем, это была не самая опасная для репутации Годунова молва. Так, много ранее написания Массой своей книги польские послы говорили московским боярам: «А и к самому светлой памяти великому князю государю вашему Федору Ивановичу каким образом смерть пришла — вы сами более, нежели мы, слышали и более можете знать. В государстве его королевского величества от многих ваших же людей о таковых Борисовых делах еще при его жизни слышно было, и не тайные то дела, и сами думные бояре, когда после той смуты с вами, послами, на совете заседали, также плохо о Борисе припоминали» (*Эйльбарт Н. В.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ. М., 2013. С. 42).

³⁴ «...Склонен к черной магии, необразован, но умом быстр, обладает красноречием от природы» (*Джером Горсей*. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 133). А. А. Севастьянова обратила внимание, что такая характеристика русского царя содержится в той части сочинения англичанина, которая была написана с использованием не только собственных воспоминаний, но и чужих рассказов (*Севастьянова А. А.* Портрет Бориса Годунова в Записках Джерома Горсея // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород, 2007. С. 13–14). Однако именно для замечания о необразованности Годунова Горсею, лично знакомому с «узурпатором», когда тот был еще «правителем», дополнительные источники сведений не требовались. Дж. Горсей был близок к Б. Годунову до 1588 г., и лишь впоследствии отношение к Годунову стало явно недоброжелательным (*Севастьянова А. А.* Джером Горсей и его сочинения о России // Джером Горсей. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 25–27).

³⁵ *Солодкин Я. Г.* О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 290. Примеч. 1.

³⁶ Биографические данные об Авраамии Палицыне см.: *Солодкин Я. Г.* «Конечная погибель Русской земли». С. 10–24.

³⁷ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 250. О. А. Державина выдвинула версию о принадлежности первоначальной редакции начальных шести глав

дал навыком понимания божественного писания, управлял государством весьма разумно.³⁸ Тот же смысл при минимальной лексической правке сохранен и в Окончательной редакции Сказания»: «Но еще и разумен бысть Борис в царских правлениях, но писания божественного не навык и того ради в братолюбии блажен бываше».³⁹

Таким образом, оказывается, что Иван Тимофеев несколько не преуменьшил степень грамотности одного из персонажей своего сочинения, лишь вполне справедливо отметив отсутствие у него стремления овладеть премудростью «божественных писаний» в той мере, в какой это подразумевалось необходимым самим автором «Временника».

«Сказания» архимандриту Троице-Сергиева монастыря Дионисию Зобниновскому, приведя о нем сведения биографического характера (*Державина О. А.* «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 34–43). Эта гипотеза была отвергнута другими исследователями (*Солодкин Я. Г.* О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына. С. 292. Примеч. 16; С. 304; *Морозова Л. Е.* Вопросы авторства и датировки первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 83–84).

Вопросы атрибуции и хронологии создания «Сказания, кних ради грех», как весь текст шести глав назван в Забелинском списке, остаются в настоящее время спорными. См.: *Солодкин Я. Г.* О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына. С. 290–304; *Морозова Л. Е.* Вопросы авторства и датировки первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына. С. 76–86; *Тюменцев И. О.* Из истории создания «Истории» Авраамия Палицына // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 234–247; *Солодкин Я. Г.* «Конечная гибель Русской земли». С. 31).

³⁸ Крайне осторожно о данном месте в «Сказании» высказался С. Д. Шереметев: «Не относится ли это замечание к недостаточному знакомству Годунова с духом божественных писаний, ради чего Борису Федоровичу не раз приходилось в жизни уклоняться от пути, с этим духом согласного?» (*Шереметев С. Д.* Грамоты с подписями Бориса, Дмитрия и Степана Годуновых (7080–7111 гг.). С. 2). И. О. Тюменцев считал, что именно отсутствие навыка в чтении божественного писания в представлении Авраамия Палицына было основным недостатком Годунова как правителя государства (*Тюменцев И. О.* Из истории создания «Истории» Авраамия Палицына. С. 243).

³⁹ Сказание Авраамия Палицына. С. 101; *Платонов С. Ф.* Москва и Запад. Борис Годунов. С. 172.

В. Г. Ченцова

**ГРАМОТА ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХА
ПАРФЕНИЯ IV О ПОСТАВЛЕНИИ КИЕВСКИМ
МИТРОПОЛИТОМ ИННОКЕНТИЯ ГИЗЕЛЯ¹**

Памяти Людмилы Алексеевны Тимошиной

Староукраинский перевод грамоты константинопольского патриарха Парфения IV Могилала² уже давно привлекал внимание исследователей истории Киевской митрополии (Ил. 1). В тексте документа говорилось о приезде ко вселенскому патриарху представителей от неких «духовных и свецких електоров» из «повету Киевского», т. е. от Киевской митрополии, с сообщением о том, что на вакантную после кончины митрополита кафедру ими был избран достойный претендент. Выбор пал на Иннокентия Гизеля, с 1656 г. — архимандрита Киево-Печерского монастыря, ставропигии константинопольских патриархов.³ Парфений IV обрадовался поданной «прозбе» — просьбе

---

¹ Сердечно благодарю Н. Хриссидиса (Нью-Хейвен) за ценные замечания и помощь при подготовке статьи.

² Парфений IV занимал кафедру пять раз. Даты его пребывания на престоле: 1 мая 1657 г. — конец июня 1662 г., 21 октября 1665 г. — 9 сентября 1667 г., начало марта — 7 сентября 1671 г., 1 января 1675 г. — 19 (или 29 июля) 1676 г., 10 марта 1684 г. — 20 марта 1685 г. (даты: ст. ст.). См.: Μεταλληνός Γ. Δ. Παρθένιος. Ὁ Δ'. Πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως // Ὁρθόδοξη καὶ ἡθικὴ ἐγκυκλοπαίδεια. Ἀθήναι, 1967. Τ. 10. Στ. 57–58; Αποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ. Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ τοῦ Δοσιθέου. Μία πηγὴ καὶ ἓνα τεκμήριο. Ἀθήναι, 1987. Τ. 1. Σ. 539, 542. В статье приняты указанная Д. Апостолопулосом и П. Михаиларисом дата окончания четвертого пребывания патриарха Парфения на кафедре — 19 июля 1676 г.

³ Корзо М. А., Флоря Б. Н. Иннокентий (Гизель) // ПЭ. Т. 22. М., 2009. С. 744–749; Kohut Z. E. Servant of the Tsar, Defender of Ukrainian Church Autonomy, and Promoter of the Kyivan Caves Monastery: The Political World of Inokentii Gizel' (1650^s–1670^s) // Harvard Ukrainian Studies. 2011–2014. Vol. 32/33, Part 1: ЖНИВА: Essays Presented in Honor of George G. Grabowicz on His Seventieth Birthday (2011–2014).

Павленіи М.
Б. Архив
Константинов
№ 11, Вул.
Патріарха

[illegible][illegible]

1. *Indica* *Mugosari* *Spina*
 2. *Indica* *Mugosari* *Spina*
 3. *Indica* *Mugosari* *Spina*
 4. *Indica* *Mugosari* *Spina*
 5. *Indica* *Mugosari* *Spina*

1

о рукоположении митрополита на кафедру и выдаче ему ставленной грамоты. Для осуществления этого вселенский патриарх от «общей рады при боку нашем найдующихся архиерев» — т. е. от всего своего синода, — дал разрешение рукоположить избранного киевским митрополитом Иннокентия Гизеля в Москве: «...жебы наиболаженнейший архиепископ Московский, господин [...], в Духу Святом наш брат и сослужитель, по нашей смиренной власти, ведлуг канонів церковных, зозвавши трох архиереев той же земле, своим рукоположением соборно посвятили всея Росии метрополита Киевского... господнею благодатию и властию, що исполнити приказуем без спору и противности вшелякой».⁴

Причины того, что вселенский патриарх не мог сам рукополагать избранного «електорами» в митрополиты, как должно было быть по канонам, передав будущее проведение таинства московскому патриарху, вполне понятны. 2 февраля 1676 г. (н. ст.) в Кракове прошла коронация избранного на трон Речи Посполитой Яна III Собеского (1676–1696) и начались заседания сейма. В числе его решений был запрет православным верующим поддерживать контакты с константинопольским патриархом и выезжать для этого за границу без королевского разрешения.⁵ Решение было принято, прежде всего, для

Р. 437–454; *Когут З.* Вплив політики на Інокентія Гізеля та видання київського «Синопису»: нове осмислення // *Інокентій Гізель*. Вибрані твори у 3-х томах. Т. 3. Київ; Львів, 2011. С. 9–30; *Довга Л.* Система цінностей в українській культурі XVII століття (на прикладі теоретичної спадщини Інокентія Гізеля). Київ; Львів, 2012. С. 53–69; *Кисельов Р.* Промова Йоасафа Кроковського на смерть Інокентія Гізеля (1683) // Київська Академія. 2024. Вип. 21. С. 241–265. О взглядах Иннокентия Гизеля подробнее см.: *Kohut Z. E.* The Making of Cossack Ukraine. Political Thought, Culture, and Identity Formation, 1569–1714. Edmonton; Toronto, 2025 (Monograph Series, 15). P. 158–177.

⁴ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 3. Д. 460. Л. 1. Издания текста и перевода Посольского приказа: Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью. 1676–1686 гг. Исследования и документы. М., 2019. С. 416–418; *Ченцова В. Г.* Киевская митрополия между Константинополем и Москвой. 1686. Київ, 2020. С. 343–347.

⁵ *Volumina legum*. Т. 5. Petersburg, 1860. S. 180. Col. 362–363, n. 39. Перевод текста постановления: Воссоединение. С. 39–40, 145–146. Здесь приводится немного отредактированный текст перевода решения сейма, опубликованного под номером 39: «Конституция о невыезде за границу людей греко-русской веры. 39. Принимая во внимание, что выезжающие из наших государств за границу под предлогом [дел] греко-русской веры, под видом якобы веры и апелляций к константинопольскому патриарху, привыкли передавать неприятелю предостережения и сведения о состоянии дел в наших государствах, то чтобы предупредить это, властью нынешнего сейма устанавливаем и запрещаем: чтобы никто как из светских, так и из духовных лиц ни туда ездить или посылать не смел, ни оттуда в государства наши приезжать без паспорта нашего («bez pasu naszego», то есть без проезжей грамоты. — *В. Ч.*) и явного разрешения

того, чтобы исключить возможность избрания на вакантную кафедру митрополита Киевского кого-либо, кто не поддержит польского короля в продолжающемся противостоянии с Османской империей. Кафедра тогда освободилась после кончины киевского владыки Иосифа Нелюбовича-Тукальского, умершего 26 июля 1675 г. (ст. ст.) в Чигирине — резиденции запорожского гетмана Петра Дорошенко.⁶ Иосиф Тукальский был деятельным и авторитетным сторонником Дорошенко — гетмана, который в 1669 г. принес клятву верности османскому султану.⁷ Сейм проходил между 2 февраля и 14 марта 1676 г. (н. ст.),⁸ и уже ранней весной стало понятно, что новый король и польско-литовская элита, стремясь к мобилизации общества для противостояния Османской Порте, сделают все для предотвращения избрания в митрополиты кандидата, который также мог занять проосманскую позицию.⁹

После этого запрета рукоположение митрополита на киевскую кафедру в Константинополе, в соответствии с канонами, оказывалось невозможным, т. к. королевский кандидат никогда бы не устроил патриарха (и османские власти) и наоборот. Это обстоятельство за-

---

(«wyrażnego pozwolenia») под угрозой смертной казни и конфискации имущества. Наши благородные пограничные старосты и коменданты будут внимательно следить за этим на дорогах. Братства же всякие, которые не принадлежат к юрисдикции своих благородных владык, местных иерархов, мы подчиняем юрисдикции и суду этих владык и запрещаем обращение по делам к константинопольскому патриарху, как живущему под [властью] неприятеля Креста святого под страхом вышеупомянутого наказания с сохранением [права] апелляции по особо сложным делам, относящимся к греко-русской [вере], от суда этих владык непосредственно в наш суд». См. также: *Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes* (1550–1850) / Coll. P. Athanasius G. Welykyj OSBM. Vol. XIII (1675–1683). Romae, 1969. P. 67, 102–103; *Беднов В. А.* Православная церковь в Польше и Литве (по *Volumina legum*). Минск, 2002. С. 278–287; *Алмазов А. С.* Роль украинского гетмана Ивана Самойловича в объединении Киевской митрополии с Русской православной церковью в 1680-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. Вып. 10/191. № 39 (История). С. 136; *Skinner B.* The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in 18th-century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia. DeKalb, Ill., 2009. P. 34.

⁶ *Флоря Б. Н.* 1) Митрополит Иосиф (Тукальский) и судьбы православия в Восточной Европе в XVII веке // ВЦИ. 2009. Вып. 1–2 (13–14). С. 123–147; 2) Иосиф (Нелюбович-Тукальский) // ПЭ. Т. 25. М., 2010. С. 638–645.

⁷ *Кравець М., Остапчук В., Ченцова В.* Додатковий лист для «Архіву Дорошенка» // Український археографічний щорічник. Нова серія. 2020. Т. 23/24, № 26/27. С. 289–290, 295.

⁸ *Konopczyński W.* Chronologia sejmów polskich 1493–1793. (Polska Akademia Umiejętności. Archiwum Komisji historycznej. Ser. 2. Tom 4/3). Kraków, 1948. P. 157.

⁹ См. о политике Речи Посполитой накануне коронационного сейма: *Флоря Б. Н.* Россия, Ян Собеский и гетман Михаил Пач в 1674–1675 г. // ДРВМ. 2015. № 1 (59). С. 5–11.

ставило патриарха и синод прибегнуть к канонически оправданной уловке: позволить провести рукоположение новоизбранного владыки иному иерарху. Решение же, подписанное патриархом Парфением и синодом было необходимой для этого «отпустительной грамотой» с разрешением московскому патриарху поставления митрополита для епархии, находящейся в чужой, т. е. константинопольской, юрисдикции.¹⁰

Обнаружившие среди «малороссийских дел» московского архива перевод синодальной грамоты российские дореволюционные историки сразу заметили противоречие между стоявшей на документе датой, 7 февраля 1685 г., и содержанием его текста. Ведь избранный на киевскую кафедру Иннокентий Гизель скончался 18 (28) ноября 1683 г., и выходило, что патриаршая грамота с разрешением на рукоположение в Москве была подписана лишь спустя год и три месяца после смерти архимандрита. Поэтому В. О. Эйнгорн предлагал датировать грамоту патриарха Парфения IV не 1685, а началом 1676 г.¹¹ К. В. Харлампович также, соглашаясь с ним, предполагал, что синодальное решение должно было быть принято в 1675–1676 гг.¹² Оба исследователя сочли стоящую на документе дату случайной ошибкой переписчика перевода, а сама грамота, по их мнению, относилась к предыдущему пребыванию Парфения IV на патриаршей кафедре.

Впрочем, стоящая в этом переводе дата вызывала сомнения не только у исследователей, но и у современников. Так, в подготовленном тексте послания московского патриарха Иоакима константинопольскому патриарху Иакову, написанном осенью 1685 г., грамота Парфения датируется 7100 г., т. е. 1591/92 г.: «Бысть же и в лето 7100 из Константинополя от святейшаго Парфения патриарха присланная граммата, дабы в Киев митрополита поставить святейшему патриарху Московскому». ¹³ Вероятно, когда-то переписчик грамоты счел дату странной и оставил место после букв «_зр», обозначив таким образом не всю дату, а лишь первые ее цифры — 7100 (Ил. 2). Скорее всего, он предполагал дополнить ее, уточнив, но так этого и не смог сделать (тем бо-

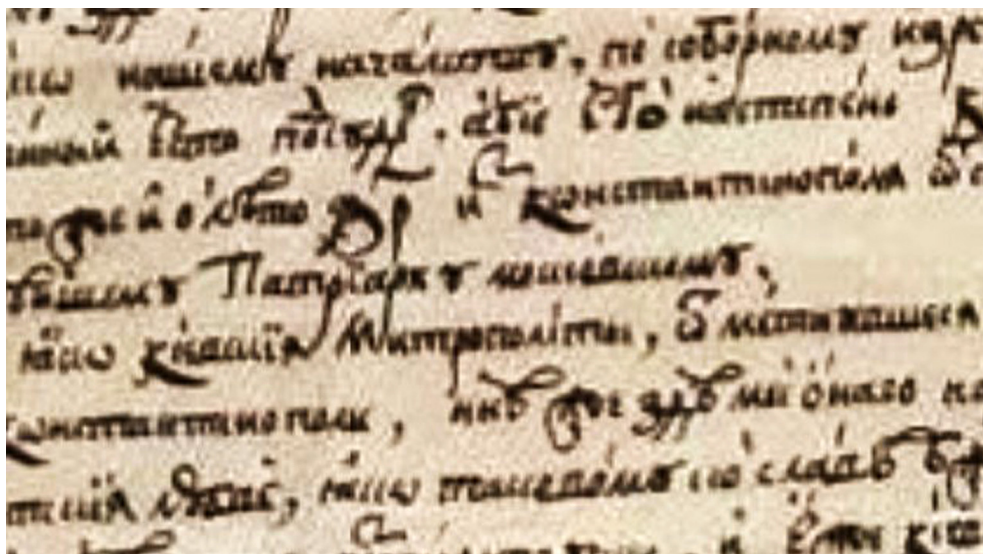
¹⁰ Ченцова В. Г. Киевская митрополия... С. 164–165.

¹¹ Эйнгорн В. О. Очерки из истории Малороссии в XVII в. 1. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899. С. 393–394, примеч. 81; С. 998–1000, примеч. 780.

¹² Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 213. О возможном избрании Иннокентия Гизеля на митрополичью кафедру в 1676 г.: Корзо М. А., Флоря Б. Н. Иннокентий (Гизель). С. 746. О важности упоминания документа в материалах 1685 г. см.: Лурье В. М. Русское православие между Киевом и Москвой. М., 2009. С. 190–194, 198.

¹³ ГИМ. ОР. Син. грам. 1347. См. издание: Воссоединение. С. 618.

Ил. 2. ГИМ. ОР. Син. грам. 1347. Фрагмент

лее, что и письмо это не было отослано, а осталось только в архиве).¹⁴ Так что, кажется, даже в окружении московского патриарха не поверили в указанную в списке перевода грамоты Парфения IV дату синодального решения.

Новая датировка грамоты Парфения IV

Утвердившаяся еще в конце XIX — начале XX столетия датировка патриаршей и синодальной грамоты о рукоположении в Москве архимандрита Иннокентия Гизеля на киевскую митрополичью кафедру недавно была пересмотрена в подготовленном Б. Н. Флорей, К. А. Кочегаровым, Н. П. Чесноковой и М. Р. Яфаровой издании документов, вышедшем под заглавием «Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью». В нем грамота патриарха Парфения IV датирована 7 февраля 1685 г.¹⁵ При этом, исследуя материалы, относящиеся к истории подчинения митрополии власти московских патриархов в 1685–1686 г., коллектив авторов сделал целый ряд наблюдений и заключений. Одним из них стал вывод, что московское

¹⁴ Воссоединение. С. 103–106. Издатели, комментируя этот текст во вводной статье, исправляют стоящую в тексте дату на 1685 г.: Там же. С. 105. О вероятном пропуске буквенного обозначения одной или двух цифр в документе: *Лурье В. М.* Русское православие... С. 190–191.

¹⁵ Воссоединение. С. 416–418 (издание), 62–64 (коммент.). См. также: *Заболотный Е. А.* Парфений IV // ПЭ. Т. 54. М., 2019. С. 658–659.

правительство отнюдь не желало какого-то «захвата» Киевской митрополии, и его действия продиктованы иным: общей целью и московских властей, и левобережного казацкого гетмана Ивана Самойловича было сохранение православия в условиях активизации в Речи Посполитой попыток введения церковной унии с Римской церковью.¹⁶

К лету 1681 г. и гетман, и даже киевское духовенство окончательно поняли, что следует принять «единственно возможное решение» — добиваться присоединения епархии к Московскому патриархату.¹⁷ Именно невозможность защиты православных от унии заставила и Самойловича, и царский двор начать переговоры с Константинополем о передаче митрополии под власть московского патриарха и, наконец, в 1685 г. поставить на вакантную кафедру владыку Гедео́на Святополк-Четвертинского в Москве. Задача по сохранению православия выполнялась совместными скоординированными усилиями, так что объединение киевской церкви с московской стало следствием инициативы, исходящей от самого гетмана и его окружения. Именно поэтому Иван Самойлович летом 1685 г. переслал в Москву грамоту патриарха Парфения IV, сопроводив ее, впрочем, весьма загадочными словами, что у него «изобрелось» или, как в русском переводе, «обрелось», «письмо греческое» константинопольского патриарха. Подлинник этого письма он послал «на елекцию» будущего киевского митрополита, а переписанную с имевшегося перевода копию отдал севскому воеводе Леонтию Романовичу Неплюеву, отправившему ее в Москву.¹⁸

В этой весьма стройной концепции имелось, однако, одно слабое звено — датировка В. О. Эйнгорном и К. В. Харламповичем грамоты патриарха Парфения IV. Ведь если предположить, что грамота датировалась 1676 г., а обнаружилась у левобережного гетмана Ивана Самойловича в 1685 г. перед самыми выборами митрополита, то это могло означать только одно: гетман едва ли не 10 лет утаивал ее, не питая надежд на сотрудничество с Москвой в деле поставления православного митрополита на киевскую кафедру. В таком случае неизбежно будут поколеблены и представления о промосковской позиции Самойловича в церковной политике. Правда, грамота могла храниться не у гетмана, а где-то в ином месте, оказавшись в его руках уже после смерти Иннокентия Гизеля. Но где и у кого она могла так надолго затеряться? И если это так, почему Самойлович, пересылая документ в Москве, ничего об этом не пишет?

¹⁶ Воссоединение. С. 59, 98–99.

¹⁷ Там же. С. 59–60.

¹⁸ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 221. Л. 109 об.–110; Воссоединение. С. 436.

Странно начинает выглядеть и обращение гетмана через есаула (а в будущем преемника Самойловича на гетманстве) Ивана Мазепу к царскому двору с просьбой о замещении вакантной кафедры в Киеве в марте 1682 г.¹⁹ Мазепа тогда передал в Москве устный наказ Ивана Самойловича, сожалевшего, что «многие де годы Киевская митрополия вдовствует и пастыря не имеет», и об этом «как духовныя, так и посполитой народ скорбят».²⁰ Как стало известно в апреле 1682 г. московскому посланцу, стольнику А. Ф. Карандееву, гетман намеревался отправиться в Киево-Печерский монастырь, чтобы попытаться разрешить сложившееся положение: «И гетман Иван Самойлович говорил, аже бог даст, пойдет он, гетман, в Киев в Печерской монастырь молитца нынешнюю осенью и, будучи в Киеве, о избрании митрополита в Киев з духовными знатными особами посовещует. И как митрополита ково имянем оберут в то время и о постановлении его постановят намере, и царскому величеству о том учнут бить челом и подлинно о всем напишут статьями, и те статьи пришлют к великому государю за руками».²¹

Но для чего Самойловичу нужно было держать совет с киевским духовенством и заниматься всеми этими хлопотами, связанными с выборами митрополита осенью 1682 г.? Гетману в то время (да и уже давно!) было бы достаточно лишь прислать в Москву имевшуюся у него патриаршую грамоту с разрешением рукоположить киевским митрополитом Иннокентия Гизеля. Вопрос о вакантной кафедре тогда сразу был бы разрешен: в 1682 г. Гизель еще был жив. Был он жив и в сентябре 1683 г., когда московский патриарх Иоаким любезно ответил Самойловичу, что архиерейские престолы не должны вдовствовать долгое время, и общность веры, несмотря на принадлежность епархии константинопольскому патриарху, требует «праведно и законно помочествовати».²² Как предполагали издатели «Воссоединения», это послание Иоакима было ответом на обращение гетмана, вероятно, сделанное через старшего канцеляриста Василия Кочубея, о необходимости избрания в Киев митрополита.²³ А в декабре 1683 г. московский патриарх высказывал свою печаль по поводу кончины Иннокентия Гизеля и, давая разрешение и благословение на выборы в Киево-Печерском монастыре нового архимандрита, отмечал свою готовность «рукопо-

---

¹⁹ Воссоединение. С. 60–61.

²⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 12. Л. 91; Воссоединение. С. 323 (см. также с. 60).

²¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1682 г. Д. 15. Л. 44–45; Воссоединение. С. 326.

²² Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. 5. Киев, 1872. С. 38; Воссоединение. С. 328.

²³ Воссоединение. С. 61.

ложения во архимандриты того удостоити благожеланно».²⁴ Если бы грамота Парфения датировалась 1675–1676 г., то ничто не мешало бы хоть позже, в 1682 или в начале 1683 г., рукоположить Гизеля на киевскую кафедру: судя по всему, московский патриарх был готов «помоществовати», а кандидатура Гизеля могла бы вполне устроить московский двор. Однако это не было сделано, так что вывод мог быть лишь один: «отпустительная грамота» Парфения IV никак не могла быть написана ранее 1685 г. Иначе следовало бы признать, что в поведении Самойловича (да и ранее самого Иннокентия Гизеля) полностью отсутствует какая-либо логика. Был ли смысл проявлять свое беспокойство относительно вакантности митрополичьей кафедры и вести переговоры с московским патриархом, если уже есть и избранник, и даже разрешение на его рукоположение в Москве?

Попытки датировать грамоту Парфения более поздним временем — т. е. признать подлинной ту дату, 7 февраля 1685 г., которая имеется на самом ее переводе, привели исследователей к необходимости сделать допущение, на которое не решились пойти В. О. Эйнгорн и К. В. Харлампович. Для того, чтобы представители «електоров» приехали к константинопольскому патриарху с просьбой о рукоположении Иннокентия Гизеля, необходимо было, чтобы кто-то выбрал будущего иерарха. То есть должны были состояться хотя бы предварительные переговоры с гетманом, на которых именно Гизелю было бы предложено стать киевским митрополитом. Группа издателей документов о церковном «воссоединении» пришла к выводу, что наиболее вероятным временем таких переговоров и утверждения печерского архимандрита в качестве кандидата на кафедру могла стать вторая декада ноября 1682 г. Ведь Самойлович как раз намеревался в это время посетить Киев.²⁵

Но если осенью 1682 г. действительно вполне могли быть проведены встречи и обсуждения с киевским духовенством вопроса о будущем избрании митрополита, то поездка к константинопольскому патриарху после них явно задержалась. Относя возможные «неофициальные консультации» о замещении киевской кафедры к ноябрю 1682 г., издатели «Воссоединения» считают, что избиравшие митрополита «електоры» наверняка отправили к патриарху своих гонцов «ранее сентября-октября 1683 г.». То есть, разумеется, ранее кончины Гизеля, но чуть ли не через год после состоявшихся обсуждений.

---

²⁴ Архив ЮЗР. Т. 5. С. 211–212; Воссоединение. С. 330–331. См.: *Сумцов Н. Ф.* Иннокентий Гизель (К истории южно-русской литературы XVII века) // Киевская старина. 1884. № 10. С. 43–44.

²⁵ Воссоединение. С. 63–64

Просьба о его рукоположении могла быть передана вселенскому патриарху через «паломников или купцов».²⁶ Это позволило объяснить, почему известие об избрании (или предполагавшемся избрании) Гизеля могло дойти со столь большим опозданием: случайные гонцы, возможно, останавливались в пути, занимаясь своими делами и не особенно заботясь о судьбе переданной с ними константинопольскому патриарху корреспонденции. Если бы они отправились в дорогу сразу после обсуждения кандидатуры архимандрита осенью 1682 г., то срок между избранием (или договоренностью о будущем избрании) Гизеля и синодальным решением февраля 1685 г. и вовсе бы увеличился до двух с лишним лет.

Но даже если предположить, что неизвестные представители «електоров» отправились к константинопольскому патриарху буквально за день до смерти Гизеля, год и три месяца — слишком большой срок для того, чтобы ни окружение патриарха, ни сами едущие к нему гонцы так и не узнали о кончине архимандрита. Ведь ко времени их приезда и встречи с патриархом во главе братии прославленной киевской обители, ставропигиального монастыря константинопольских патриархов, уже давно стоял архимандрит Варлаам Ясинский, получивший благословение в Москве.²⁷ Неужели ни он, ни кто-то другой не сочли нужным хотя бы известить константинопольские церковные власти о кончине Гизеля и своем избрании? И почему сам гетман не попытался еще раз отправить своих гонцов к патриарху, чтобы как-то ускорить ответ или предложить другого кандидата вместо скончавшегося архимандрита?

Коллективу авторов и издателей «Воссоединения», впрочем, представляется, что объяснить задержкой подобное значительное опоздание гораздо проще, чем объяснить нежелание Ивана Самойловича узаконить поставление Иннокентия Гизеля на митрополию в том случае, если грамота патриарха Парфения была подписана не позднее 1676 г. и должна была тогда же оказаться у гетмана. Причины этого понятны: такое поведение промосковского левобережного гетмана нарушает представления о нем как о человеке, который более всего был обеспокоен сохранением православия на территории Киевской митрополии и понимал, что единственным выходом является присоединение епархии к Московскому патриархату.

---

²⁶ Воссоединение. С. 64.

²⁷ Варлаам Ясинский уже в феврале 1684 г. получил подтверждение своего возведения в архимандриты от московского патриарха: *Алексеев А. И.* Варлаам (Ясинский) // ПЭ. Т. 6. М., 2003. С. 605.

Найденная грамота

О столь важной грамоте патриарха Парфения IV, позволявшей решить затянувшийся вопрос о рукоположении киевских митрополитов, впервые написал в Посольский приказ летом 1685 г. севский воевода Неплюев, сообщая о распоряжении Ивана Самойловича избрать митрополита на соборе в Киеве. Список староукраинского перевода грамоты, который сохранился в РГАДА, — это и есть та самая копия перевода синодальной грамоты, которую Неплюев получил от гетмана Самойловича. На ее обороте имеется и приказная помета о том, что она прислана в июле 1685 г. от севского воеводы.²⁸

Никаких известий о том, что за гонец мог доставить грамоту от патриарха Парфения к гетману летом или весной 1685 г., никому обнаружить так и не удалось. Был ли это тот же самый «паломник или купец», который столь медленно выполнял гетманское поручение в 1683 г. и отправился назад лишь в феврале 1685 г.? Обратный путь он, впрочем, проделал значительно быстрее, так как в начале лета того же года документ оказался в руках у гетмана. Самойлович сообщил в Москву о грамоте в весьма обтекаемых выражениях. При этом он как будто и не заметил, что речь в ней шла о покойном Иннокентии Гизеле и что обращение к константинопольскому патриарху было сделано уже довольно давно. Гетман повел себя так, будто только и ждал получения этой грамоты, никак не уточнив, каким образом подлинное «письмо» все-таки «изобрелось» в его руках, и не прокомментировав столь огорчительную задержку.

Передав список перевода севскому воеводе, Самойлович незамедлительно приступил к подготовке избрания митрополитом луцкого епископа Гедеоны Святополк-Четвертинского. Того самого, на получение которым киевского престола он, видимо, надеялся и в 1682 г., когда его посланец Иван Мазепа должен был сообщить в Москве о необходимости замещения киевской кафедры, а также просить разрешения на брак дочери Самойловича с одним из членов знатной семьи Святополк-Четвертинских.²⁹ Разумеется, если намерение породниться непременно со Святополк-Четвертинскими, всякий раз совпадающее у гетмана с попытками решить вопрос о поставлении митрополита, не было простой случайностью. Судя по состоявшимся переговорам, вряд ли в 1682 г. гетман мечтал увидеть в роли митрополита Инно-

---

²⁸ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 460. Л. 1 об.; Воссоединение. С. 417; Ченцова В. Г. Киевская митрополия. С. 347.

²⁹ Воссоединение. С. 61. Подробнее о проектах брака см.: Кочегаров К. А. Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М., 2012. С. 15–41.

кентия Гизеля, и не удивительно, что в Москве к намерению гетмана породниться с влиятельным семейством из подконтрольных польскому королю земель отнеслись отрицательно, вынудив Самойловича выдать дочь за царского подданного — воеводу Ф. П. Шереметева. Маневры Самойловича позволяли усмотреть в них признаки того, что он пытается благодаря брачному альянсу обеспечить себе поддержку части шляхты Речи Посполитой.³⁰ И это московским властям явно не понравилось.

Появление в 1685 г. грамоты патриарха Парфения было очень кстати: представители местного духовенства считали невозможным нарушение канонів и получение киевским митрополитом благословения на занятие кафедры от московского патриарха. Именно в этот момент в руках Самойловича и появилась грамота, подлинник которой, «писаной греческим письмом» с переводом, он передал в руки Ивана Мазепы и генерального судьи для предъявления сомневающимся на соборе. Ведь в ее тексте было прямо сказано, что московский патриарх может рукоположить избранного киевского митрополита и что на это ему дано разрешение от самого константинопольского патриарха.

Грамота, таким образом, представляла собой особый тип документа, «экдосис», если следовать принятой терминологии, проанализированной для подобных случаев К. И. Ветошниковым.³¹ Подобные документы давались архиереям, которые по какой-либо причине оказывались в чужой епархии, где намеревались продолжать свое архиерейское служение. Хотя это разрешение и было «просрочено» из-за кончины печерского архимандрита, оно свидетельствовало о том, что в сложившейся ситуации с Константинополем можно будет договориться, по меньшей мере, на прежних условиях. Ведь рукоположение митрополита вселенским патриархом для всей территории Киевской митрополии было бы невозможным — сеймовое решение 1676 г. продолжало действовать, и такой владыка оказался бы вне закона на польско-литовской части епархии. Если же вселенский патриарх давал согласие на рукоположение митрополита для киевской кафедры московским патриархом, то оно позволяло обойти польские запреты и представить нового киевского владыку условно «независимым» от находящегося во враждебном государстве иерарха.

---

³⁰ Кочегаров К. А. Русское правительство и семья... С. 40.

³¹ О разрешительных грамотах-«экдосисах», т. е. позволении священнодействовать на территории, находящейся в юрисдикции другого церковного иерарха, см.: Ветошников К. І. Чи насправді у 1686 році відбулася зміна юрисдикції Київської митрополії? // Церква і суспільство. 2024. № 1 (3). С. 66–67.

Значение грамоты Парфения IV для канонического урегулирования ситуации сразу же оценили в Москве. После избрания в Киеве митрополитом Гедеоны Святополк-Четвертинского следовало заручиться согласием константинопольского патриарха на это нарушение церковных правил. Поэтому на патриаршее и синодальное решение были сделаны ссылки в отправленных в Османскую империю с гонцом Никитой Алексеевым царских грамотах, адресованных вселенским патриархам Иакову и тому же Парфению IV,³² а также в неотосланной грамоте Иакову от московского патриарха Иоакима.³³ В них прямо цитировалась полученная копия перевода: «То отпущительное Киевской митрополии для нашего царского величества прошения благословение вашему архипастырству подать возможно без всяких трудности, понеж и в прежние недавно прошлые времена святейший Парфений, патриарх константинопольский, писал и благословение свое подал со утверждением своея святительския руки и пресвященных двенадцати митрополитов той Киевской митрополии духовным особам по их прошению, чтоб в той епархии волкохищницы Христова стада и ереси не были, того ради по его святительскому отпущению по каноническим церковным святейший патриарх Московский и всея России изволил на Киевский престол посвятити рукоположением своим соборно той епархии митрополитом отца Инокентия Гизеля, монастыря Печерского архимандрита, господнею благодатию и властью без всякого пороку и противности».³⁴

Подобное разрешение давало бы возможность обойти и королевский запрет, и каноническую нерушимость границ епархий. И действительно, переговоры с константинопольским патриархом Дионисием IV весной 1686 г. позволили получить патриаршие и синодальные грамоты, в соответствии с которыми московскому патриарху разрешалось поставление киевского митрополита при условии сохранения поминовения на литургии «в первых» константинопольского патриарха.³⁵

---

³² Воссоединение. С. 607. В то время патриархи часто сменяли друг друга, и в Москве дали грамоты, адресованные на всякий случай к двум иерархам, в надежде, что один из них во всяком случае окажется на кафедре.

³³ Там же. С. 618.

³⁴ Там же. С. 607. «Волкохищницы» или «волки-сыромятники» — аллюзия на Мф. 7:15; Деян. 20:29.

³⁵ См. историографию исследований грамот 1686 г. и их содержания: *Tchentsova V. The Patriarchal and Synodal Act of 1686 in Historiographical Perspective // Orthodoxy in Two Manifestations? The Conflict in Ukraine as Expression of a Fault Line in World Orthodoxy / Ed. Th. Bremer, A. Brünig, N. Kizenko (Erfurter Studien zur Kulturgeschichte des Orthodoxen Christentums, 21). Berlin etc., 2022. P. 45–71.*

Нарушители канонов

Не так давно К. А. Кочегаров, разделяющий мнение издателей «Воссоединения» о новой датировке грамоты Парфения IV (одним из этих издателей был он сам), с возмущением отметил, что В. Г. Ченцова в своих публикациях «не утруждала себя поисками новых материалов, которые могли бы пролить хотя бы частичный свет на события, связанные с номинацией Гизеля кандидатом в митрополиты». ³⁶ Ученый, кажется, не заметил, что к одному такому «материалу», не учтенному издателями «Воссоединения», В. Г. Ченцова все же привлекла внимание других исследователей. И этот источник в самом деле проливает свет если не на «номинацию» Гизеля и не на датировку грамоты Парфения, то, по меньшей мере, на сам факт существования этой грамоты и на отношение к ней со стороны самого авторитетного тогда в канонических вопросах восточного иерарха. Речь идет о подготовительных текстах к «Истории иерусалимских патриархов» патриарха Досифея II Иерусалимского (1669–1707), весьма жестко оценившего в записях о современных ему церковных событиях поставление владыки Гедеоны московским предстоятелем на киевскую кафедру и всю историю переподчинения Киева Москве.

Примечательно, что если издатели «Воссоединения» отмечают, что в грамоте Парфения IV речь шла «не о смене юрисдикции, а о единовременном акте, вызванном к жизни чрезвычайными обстоятельствами», ³⁷ то Досифей полагал значение обоих документов, и грамоты Парфения, и грамоты Дионисия IV 1686 г., тождественным, то есть нарушающим каноны. Он укорял московского патриарха Иоакима за то, что тот убедил и вовлек в свои планы «константинопольского патриарха Парфения IV Могидала, человека безграмотного и глупого», ³⁸ за подарки тайно получив грамотку, по которой киевский митрополит должен быть под [властью] московского патриарха. Передав из Московии эту грамотку патриарху [т. е. Дионисию IV. — В. Ч.], он послал [ее] к находившемуся в Адрианополе султану главным обра-

---

³⁶ Кочегаров К. А. Несколько предварительных замечаний в связи с дискуссией вокруг проблемы Киевской митрополии // ВЦИ. М., 2021. № 1/2 (61/62). С. 252.

³⁷ Воссоединение. С. 63.

³⁸ Иерусалимский патриарх здесь перефразирует известную греческую поговорку. Досифей не единожды называл константинопольского патриарха Парфения IV «безграмотным». См.: Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. СПб., 1884. С. 1123 («бывшей патриарх Парфений, человек ненаказанный и неученый, неразумеваящей законному правилу, ни соборных канонов и служениям, ни церковных чинов учен был...», письмо царю 1669 г.).

зом для того, чтобы получить синодальную грамоту, подтверждающую грамоту Могилала». ³⁹

Таким образом, грамоту о праве московского патриарха рукоположить архимандрита Иннокентия Гизеля по разрешению константинопольского патриарха Досифей также считает «подчиняющей» Киев Москве (ή μητρόπολις Κιέβου να είναι υπό τὸν πατριάρχην Μοσχολίας...), а виновником неканоничного деяния — московского патриарха Иоакима. Казалось бы, в этом случае не возникает никаких сомнений относительно того, что речь шла лишь о позволении рукоположить определенного кандидата. Причем в документе специально отмечено, что это делается «по нашої смиренной власти», то есть по разрешению вселенского патриарха, и имя кандидата названо в тексте. ⁴⁰ Но Досифей возмущал уже сам факт нарушения канонической «акривии» (то есть «строгости» в соблюдении юрисдикции Константинополя). Нарушение для него оставалось нарушением, даже если зависимость киевского митрополита от Москвы была следствием только его рукоположения и отнюдь не изменяла реальной юрисдикционной принадлежности. ⁴¹ Досифей прямо указывает, что в 1686 г., когда к султанскому двору и к патриархам прибыл московский гонец Никита Алексеев с гетманским посланцем Иваном Лисицей, то грамотой Парфения воспользовались как прецедентом, причем обсуждали этот прецедент и с османскими властями. Досифей считал, что просьбы, высказанные московским гонцом, в реальности было невозможно выполнить, поскольку они противоречили канонам, а также поскольку решение о передаче митрополии мог принимать лишь «вселенский собор и патриархи», а вовсе не константинопольский патриарх единолично. ⁴² Остается вопросом, что патриарх считает «вселенским собором и патриархами». Не имел ли он в виду, что настоящий вселенский собор собирает император, без которого решение об изменении границ епархий невозможно? ⁴³

³⁹ Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Ανάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Ἐν Πετροπόλει, 1891. Τ. 1. Σ. 276: «...ἀλλὰ σοφίζεται Παρθένιον τὸν τέταρτον Μογγύαλον, ἀγράμματον καὶ ξυλᾶν ἄνθρωπον πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως, καὶ λαμβάνει μὲ δῶρα κρυφίως γραμμάτιον δηλοῦν ὅτι ἡ μητρόπολις Κιέβου να εἶναι ὑπὸ τὸν πατριάρχην Μοσχολίας. Ἐκεῖνο οὖν τὸ γραμμάτιον δόντες ἀπὸ Μοσχολίας τῇ πατριάρχει ἔπεμψεν εἰς τὸν σουλτάνον ὄντα εἰς Ἀδριανούπολιν, τάχα δι' ἄλλας ὁμῶς τὸ κύριον διὰ τὰ λάβη γράμμα συνοδικὸν βεβαιοῦν τὸ γράμμα τοῦ Μογγύαλου».

⁴⁰ Ченцова В. Г. Киевская митрополия... С. 345.

⁴¹ Но при этом тот, кого ставили на митрополичью кафедру, должен был бы поминать не только того патриарха, в юрисдикции которого находилась епархия, но и того, кто возвел его на нее. О связи поставляемого с поставляющим-«старейшиной» см.: Там же С. 147–149.

⁴² Παπαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Ανάλεκτα... Σ. 276: «...καὶ ὅτι αὐτὸ εἶναι παρὰ κανόνας καὶ ὅτι δὲν εἶναι τοῦ Κωνσταντινουπόλεως ἴδιον ἀλλ' οἰκουμενικῆς συνόδου καὶ τῶν πατριαρχῶν...».

⁴³ Chentsova V. Orthodoxy slave // Annuaire de l'École pratique des hautes études. Section des sciences religieuses. 2024. Т. 131. Р. 457–458, 466, 473.

Как объясняет Досифей Иерусалимский, несмотря на все его попытки воспрепятствовать задуманному деянию и даже на его обращение к великому визирю, которому было сказано, что это станет «бесчестьем для султана»,⁴⁴ посол передал Дионисию IV 600 флоринов и получил нужную грамоту. В соответствии с принятым решением, московский патриарх рукополагал киевского митрополита, но последний при этом должен был поминать вначале константинопольского, а затем московского предстоятелей. «Не понял, впрочем, в каких канонах они это насобирали», — возмущается Досифей.⁴⁵ Но как бы он ни возмущался, подобные решения в тех случаях, когда по каким-либо причинам приходилось прибегать к управлению епархией через иного архиерея, замещающего законного, были весьма распространенными.⁴⁶ Да и в поминовении «в первых» вселенского патриарха, как это всегда и было в Киевской митрополии, а затем того, кого сочтет нужным служащий иерей/архиерей — в данном случае это был московский патриарх, который его поставил, — нет ничего необычного. Так поступали всегда, когда поставление на кафедру по каким-то причинам было осуществлено не правящим архиереем, а иным, который делал это по его разрешению.⁴⁷

Была ли привезена в Адрианополь подлинная грамота патриарха Парфения, которую Самойлович передал с Мазепой для предъявления на соборе? Ведь к тому времени, когда московский гонец Никита Алексеев и гетманский посланец Иван Лисица оказались в Адрианополе, этот собор уже давно завершил работу, новый митрополит Гедеон был интронизирован в Москве, а грамота уже была не очень нужна и вполне могла быть отправлена к патриархам в подлиннике. О судьбе этого греческого подлинника ничего не известно. Москов-

---

⁴⁴ Если Досифей имел здесь в виду то, что именно император должен был принимать решения об изменении пределов епархий, то действительно любые действия, даже временно нарушающие уже существующие границы, оказывались и нарушением прерогатив султана, занимавшего трон византийских василевсов. См.: Çolak H. Tekfur, fasiliyus and kaiser: Disdain, Negligence and Appropriation of Byzantine Imperial Titulature in the Ottoman World // *Frontiers of the Ottoman Imagination. Studies in Honour of Rhoads Murphey* / Ed. M. Hadjianastasis. Leyde; Boston, 2015. P. 5–28.

⁴⁵ Παπαδόπουλος-Κεραμέυς Α. Ανάλεκτα... Σ. 277.

⁴⁶ Отметим, что недовольство действиями патриарха Парфения IV высказывал не только Досифей Иерусалимский. Так в 1676 г., когда на патриарший престол возшел Дионисий IV, Парфений был осужден за неканоничное поставление митрополита на кафедру Галлиполи (в результате владыка оказался смещен): *Αποστολόπουλος Α. Γ., Μιχαήλάρης Π. Α.* Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ... Νο. 585. Σ. 290. Все это свидетельствует о борьбе разных групп внутри Восточной церкви, проявлявшейся в частой смене патриархов.

⁴⁷ Ченцова В. Г. Киевская митрополия... С. 155–168.

ский гонец Никита Алексеев, который почему-то не получил копии имеющегося в Москве списка грамоты Парфения, решил попросить еще одну копию этого важного документа у запорожского гетмана Ивана Самойловича и получил ее. Видимо, это был тот же перевод, что и присланный в Москву через Неплюева.⁴⁸

Патриарх Досифей был возмущен тем, что из-за грамоты об Иннокентии Гизеле киевский митрополит оказался «под патриархом Московии».⁴⁹ И именно этот документ позволил в 1686 г. патриарху Дионисию IV вновь нарушить порядок. По мнению Досифея, Дионисий подобно Парфению соблазнился полученными «дарами»: «Посмотри-ка, как патриарх желал золотых, а посол говорил „сначала грамоты — потом флорины“! ...И пусть бы никто не считал, будто незаконно московиты забрали Киев, ведь выше... сказано, что Русь была единой митрополией, литовский же князь Витовт сделал две из одной, а цари возобновили древний порядок, так что вновь в церкви Руси имеется один предстоятель, а не два».⁵⁰

Но несмотря на эти возмущенные слова Досифея Иерусалимского, ни грамота Парфения, ни грамота Дионисия Киев Москве не отдавала, поскольку передано было в каждом случае право рукоположения митрополита на киевскую кафедру. Поминаться же «в первых» — т. е. как предстоятель, в юрисдикции которого находится Киевская митрополия — и впоследствии должен был константинопольский патриарх. В соответствии с грамотой Парфения IV разрешение давалось лишь для того, чтобы рукоположить в Киев архимандрита Иннокентия Гизеля, в соответствии же с грамотой Дионисия IV — чтобы по икономии и по разрешению константинопольского патриарха киевских митрополитов рукополагали и интронизировали в Москве неопределенное время.⁵¹ Но хотя вполне допустимое в военное время нарушение строгого канона и показалось суровому иерусалимскому предстоятелю предосудительным и «отдающим Киев Москве», в подлинности самой грамоты Парфения IV Досифей не сомневался. Но когда же в таком случае произошло это тайное подписание грамоты, из-за которого патриарх так возмущался?

⁴⁸ Воссоединение. С. 752; Ченцова В. Г. Киевская митрополия... С. 256.

⁴⁹ Παλαδόπουλος-Κεραμέυς Α. Ανάλεκτα... Σ. 276.

⁵⁰ Ibid. Σ. 277–278.

⁵¹ Решения константинопольского патриарха о прерогативах филадельфийского митрополита вне его епархии, на Ионических островах, также предусматривали неопределенный срок действия: Ченцова В. Г. 1) Синодальное решение 1686 г. о Киевской митрополии // ДРВМ. 2017. Вып. 2 (68). С. 94–98; 2) Киевская митрополия... С. 149–155, 158–168.

Подписи

Итак, все известия о появлении грамоты — причем появлении в руках заинтересованных лиц, то есть гетмана Самойловича и московского правительства, — обнаруживаются лишь с лета 1685 г. Никого при этом не смущает, что Гизель уже давно к тому времени скончался — важна не особа избираемого на киевскую кафедру, а сам прецедент, возможность передачи права рукоположения от константинопольского патриарха московскому, которым позже и воспользовался патриарх Дионисий. Казалось бы, остается лишь предположить, что гонец, отправившийся к патриарху от имени «електоров», в самом деле просто слишком медленно ехал, а сведения о кончине кандидата за год и несколько месяцев, как ни странно, но все же не успели дойти до Константинопольского патриархата. Однако это объяснение наталкивается еще на одно препятствие, которое не так-то просто обойти: часть перечисленных в переводе грамоты Парфения подписей участвовавших в заседании синода архиереев невозможно отнести к 1685 г.

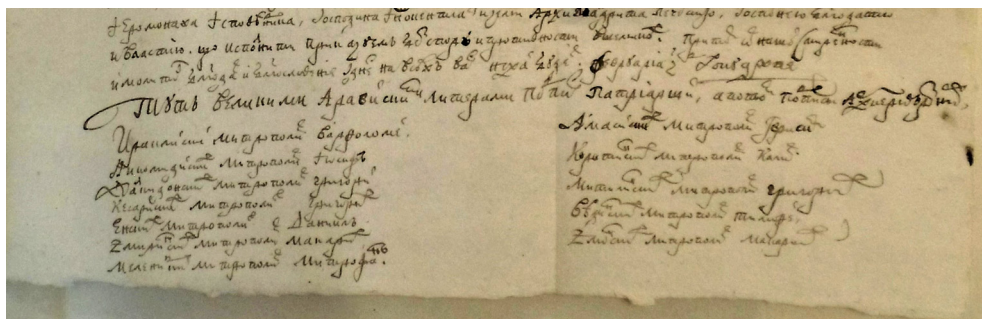
Читать подписи архиереев на греческих синодальных грамотах подчас нелегко, и даже современные исследователи оказываются в затруднении перед иным сложным «монокондилионом» (т. е. подписью в «один росчерк» или попыткой приблизить к таковому ее начертание). Понятно поэтому, что в такие переводы подписей в документах XVII в. закрадываются и ошибки прочтения имен, и ошибки отождествления той или иной кафедры. Но несмотря на ошибки, переводчики обычно все-таки старались ничего не исказить. В грамоте патриарха Парфения IV и синода неизвестный переводчик перечислил 12 имен архиереев, переписанных в два столбца в строках 30–37 документа (Ил. 3):⁵²

Тутъ великими аравийскими литерами подпис(ъ) патриарший, а потом(ъ) подписы архиеревъ розних(ъ):

Ираклийский митрополит(ъ) Варфоломей.	Амасийский митрополит(ъ) Герасим(ъ).
Никомидийский митрополит(ъ) Юсифъ.	Коритинский митрополит(ъ) Калист(ъ).
Халкидонский митрополит(ъ) Григорий.	Митилинский митрополит(ъ) Григорий.
Кесарийский митрополит(ъ) Григорий.	Въдинский митрополит(ъ) Тимофей.
Енский митрополит(ъ) Данииль.	Змонский митрополит(ъ) Макарий.
Змиринский митрополит(ъ) Макарий.	
Меленикский митрополит(ъ) Митрофанъ.	

Разумеется, предположение издателей «Воссоединения», что оставшаяся непереведенной подпись патриарха Парфения была написана «арабским письмом», которое «лежало в основе письменности турец-

⁵² Курсивом обозначены надписные буквы.

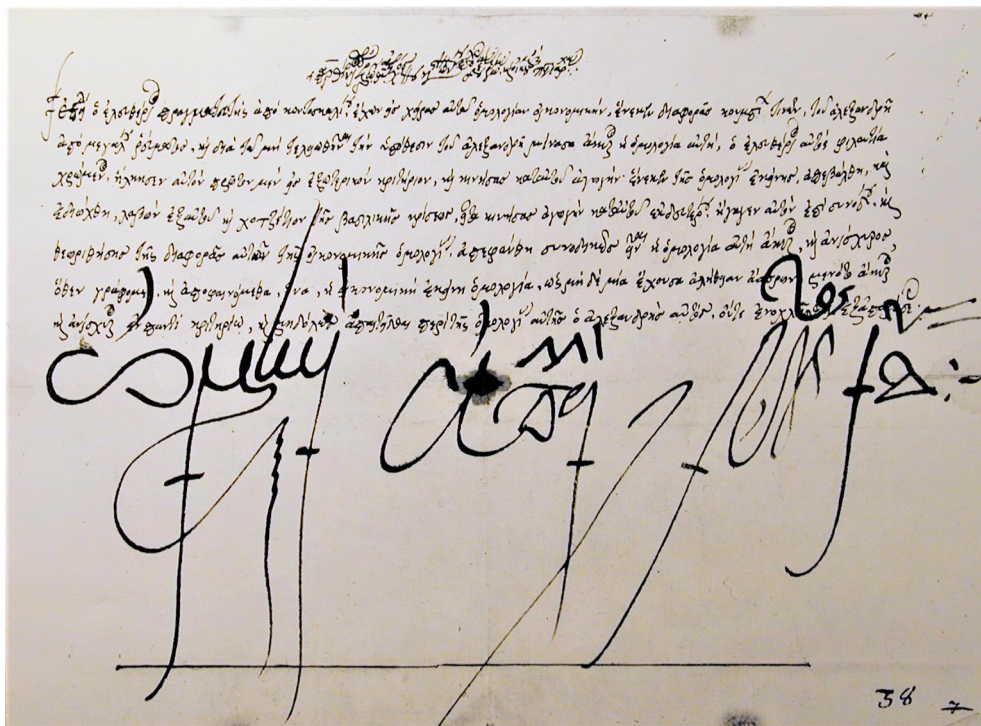

Ил. 3. РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 460. Л. 1. Фрагмент

кого (османского) языка»,⁵³ представляется совершенно фантастическим. Если же грамота была подписана монокондилионом, то странно, что переводчик, относительно успешно разобравший подписи-монокондилионы архиереев, не сумел прочитать подпись патриарха при том, что его имя было ему известно и по надписанию грамоты, и по указанию на оттиске печати, изображенной в правом верхнем углу листа.

Следует, однако, отметить, что подобные грамоты патриархи часто подписывали не полной подписью, а «минологионом», то есть лишь указанием месяца и номера индикта (15-летнего цикла) как раз в виде «великих литер». Такой минологион позволял легко вычислить год написания документа (имя же патриарха и так указывалось в надписании титула перед текстом). Если предположить, что реальная дата подлинника грамоты отличалась от указанной переписчиком перевода, то написать в этом переводе правильный минологион оказывалось невозможно: даты бы противоречили друг другу. Не с этим ли связано указание на некие «великие аравийские литеры» в подписи, которые переводчику не удалось прочесть? Ведь имеющиеся примеры грамот патриарха Парфения свидетельствуют о том, что он подписывался по-гречески, причем вовсе не «аравийскими литерами». Такая подпись-минологион Парфения IV — «месяца апреля, индикта 14», — например, имеется на предоставленной греку Александру патриаршей

⁵³ Воссоединение. С. 418. См.: Ченцова В. Г. «Воссоединение» // ВАА. Вып. 30. М.; СПб., 2019. С. 92. Некоторые исследователи даже подумали, что все подписи архиереев на этой грамоте в подлиннике были поставлены «аравийскими литерами»: Зинько М. А. Проблема частичной подлинности исторических источников: опыт научного комментирования при подготовке сборника документов к публикации // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. Вып. 6. М., 2019 (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 163. Сер. II. Исторические исследования: 102). С. 159.

Ил. 4. РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 643. Л. 1.
Грамота патриарха Парфения IV греку Александру

грамоте, освобождающей его от уплаты денег по расписке некоему Елевферию (Ил. 4).⁵⁴

Другие примеры подписи патриарха Парфения на греческом языке имеются на подтверждении им займов — собственного, полученного от великого скевофилака Великой церкви (а также великого драгомана Порты) Александра Маврокордата,⁵⁵ и другого, полученного патриархом Дионисием IV, который Парфений обязывался выплатить

⁵⁴ РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 2. Д. 643. Л. 1 (апрель 1661 или 1676 г.).

⁵⁵ Yale University. Beinecke Rare Book and Manuscript Library, 303 (olim Ziskind 22) / Vaporis N. M. A study of the Ziskind MS no. 22 of the Yale University Library: some aspects of the history of the ecumenical patriarchate of Constantinople in the seventeenth and eighteenth centuries // The Greek Orthodox Theological Review. 1967–1969. Vol. 12–14. No. 19. P. 51–52. Н. М. Вапорис предполагал, что документ написан рукой самого бывшего патриарха Парфения. Рукопись собрания Библиотеки редких книг и рукописей Бейнеке не имеет нумерации листов, поэтому для примерного обозначения расположения документов в рукописном сборнике здесь используются номера регестов документов публикации Н. М. Вапориса.

Ласкаракису Росету.⁵⁶ Первый документ датирован 24 ноября 1677 г., а второй — 1 марта 1685 г., и составлен, таким образом, менее чем месяц спустя после той даты, которая предположительно обнаруживается на списке перевода синодальной грамоты об Иннокентии Гизеле. На обоих документах есть оттиски печати, стоявшей, возможно, также на грамоте об Иннокентии Гизеле и даже схематично изображенной переписчиком ее перевода.⁵⁷ Оттиск подлинной печати Парфения позволяет прочесть двуязычную надпись на греческом и турецко-османском языках с именем и титулом патриарха (Ил. 5):

[† Παρθένιος ἐλέ]Ω Θ(ε)ΟΥ ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟ(ς) ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΕΟΣ ΝΕΑΣ ΡΟΜΗΣ
[καὶ] ΟΙΚΟΥΜΕΝΙΚΟΣ ΠΑΤΡΙΑΡΧΗΣ

(Перевод: Парфений, божьей милостью архиепископ Константинополя Нового Рима и вселенский патриарх)

Hüdā bandah Pārtīniyūs Patrīq Qustantīniyyah

(Перевод: Раб божий патриарх Парфений Константинопольский).⁵⁸

Возможно, присутствие легенды в арабографичном написании на оттиске печати навело переводивших грамоту на мысль указать присутствие на ней также и арабографичной подписи. Но если «аравийские литеры» патриаршей подписи остаются на совести гетманского переводчика, то за целым рядом имен архиереев в переводе грамоты издателям «Воссоединения» удалось обнаружить реальных людей. Среди этих архиереев и примерных дат занятия ими кафедр были названы следующие имена и даты: Варфоломей Ираклийский (1672–1681, 1686, 1690, 1695), Григорий Кесарийский (1672–1674 и конец 1680-х годов), Герасим Амасийский (1656–1665, 1668–1672), Григорий Митилинский (1676–1692), Тимофей Видинский (1676).⁵⁹ Издателям пришлось, разумеется, отметить, что даты пребывания иерархов на престолах точно не известны, однако, сомнений в занятии ими кафедр не возникало за исключением лишь нескольких случаев. Так, на никомидийской кафедре в 1685 г. точно был не Иосиф, а Мелетий (1680–1691), на халкидонской же — Иеремия (1671–1685)

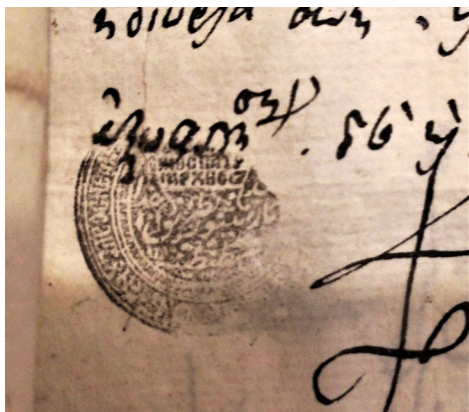
⁵⁶ Beinecke 303 (Ziskind 22) / *Vaporis N. M.* A study of the Ziskind MS. No. 34. P. 65–66.

⁵⁷ Впрочем, существует и иной образец печати патриарха Парфения IV с надписью только на греческом языке: *Μπρούσκαρη Έ.* Πατριαρχικά γράμματα του Μουσείου Κανελλοπούλου // *Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας*. 1983. Т. 11. Σ. 250.

⁵⁸ Благодарю за помощь в прочтении печати М. Кравец (Торонто) и Д. А. Морозова (Москва). О двуязычных печатях, на которых легенды написаны на греческом и османско-турецком языках см.: *Buket Y., Kravets M., Tchentsova V., Zakharchenko R.* A Bilingual Greek-Ottoman Turkish Seal of Daniel II, Orthodox Metropolitan of Brăila (1751) // *International Journal of Turkology*. 2021. Vol. 14. P. 4–21.

⁵⁹ Воссоединение. С. 418. В комментариях к документу не указано, откуда были взяты сведения о времени занятия архиереями их кафедр.

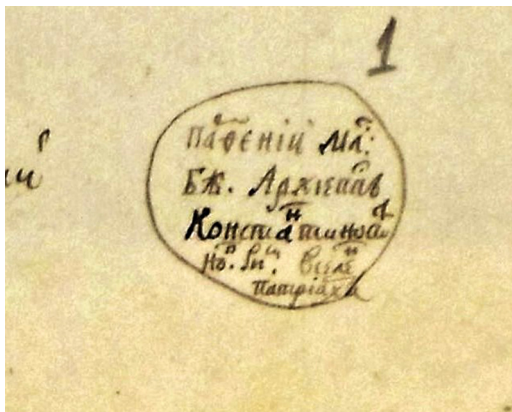

Ил. 5а. Beinecke 303 (Ziskind 22) / *Vaporis N. M. A study of the Ziskind MS.*

No. 19. P. 51–52

(24 ноября 1677 г.). Фрагмент

Ил. 5б. РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 460. Л. 1. Фрагмент

и позже Дионисий (1685–1686), а вовсе не Григорий, имя которого обнаруживается в переводе.⁶⁰

Издатели «Воссоединения», убедившись, таким образом, в подлинности по меньшей мере части имен подписавших грамоту Парфения IV архиереев, сделали вывод и о подлинности самого документа: «...Ряд митрополитов, которые помимо Парфения IV подписали соборную грамоту, реально существовали в указанное время, а несоответствия в написании имен других могут быть объяснены ошибкой переводчиков и переписчиков». Впрочем, гипотеза, будто документ мог быть «на самом деле изготовлен в канцелярии гетмана специально в преддверии Киевского собора лета 1685 г.», также рассматривалась, но при этом было отмечено, что «знания о структуре и персональном составе» Константинопольского патриархата у составителей грамоты были весьма точными и детальными. Источником их информации в этом случае могли стать «выходцы из Греции», проживающие в «Малороссии», в частности, поддерживавшая контакты с Константинополем греческая община Нежина.

Исследуя грамоту Парфения IV, издатели «Воссоединения» решили, что, во-первых, ее текст «должен считаться подлинным, пока не доказано иное»; во-вторых, даже если этот текст и был «изготовлен в канцелярии гетмана», то все равно «мы имеем дело с не менее важным свидетельством серьезности настроя Ивана Самойловича и наиболее влиятельной части казаков по поддержке перехода Киевской

⁶⁰ Воссоединение. С. 418.

митрополии под власть патриарха Московского».⁶¹ При любом раскладе, таким образом, грамота Парфения оказывалась важным аргументом в пользу того, что гетману Самойловичу очень хотелось, чтобы Киевская митрополия перешла под власть московского патриарха, и он предпринимал для этого все усилия по меньшей мере с 1682–1683 гг. вплоть до того, как этот проект увенчался успехом в 1685–1686 гг.

Казалось бы, вполне логичные предположения, сделанные издателями грамоты Парфения в сборнике «Воссоединение» по поводу подписавших ее членов константинопольского синода, однако, наталкиваются на препятствие, никак не позволяющее датировать ее 1685 г., а, следовательно, ставят под сомнение всю историю внезапного «обретения» ее Самойловичем.

Неверная датировка документа издателями «Воссоединения», прежде всего, связана с ошибочным пониманием ими имевшейся в переводе грамоты Парфения подписи коринфского митрополита Каллиста. Это имя, «коритинский митрополит Калист», было почему-то отождествлено ими с критским митрополитом Каллиником, упоминаемым в более поздних документах.⁶² Поскольку именно даты пребывания на кафедре коринфского митрополита Каллиста можно было установить легче остальных, то это имя оказалось самым неудобным в списке подписавших синодальное решение архиереев. Ведь Каллист, который еще в начале осени 1676 г. был митрополитом, совершенно точно не занимал коринфской кафедры в феврале 1685 г. Замена этого имени на другое, а названия коринфской кафедры на «критскую» и позволили издателям перенести датировку синодального решения на февраль 1685 г. Однако, если исправить эту ошибку, то присутствие среди подписавших документ Каллиста Коринфского никак не позволит считать ее написанной в 1685 г.

Именно из-за сделанного указания на неверную интерпретацию в «Воссоединении» подписи коринфского митрополита К. А. Кочегаров в недавней публикации недовольно отметил, что вся «сомнительная аргументация Ченцовой» о том, что «гетман Самойлович почти десять лет утаивал грамоту от русского правительства», была построена только «на одной митрополичьей подписи».⁶³ В результате этого чрезмерного доверия В. Г. Ченцовой к «единственной подписи» и гетман Самойлович получил «отрицательную», как выразился

---

⁶¹ Воссоединение. С. 64 и примеч. 169. Новая датировка грамоты Парфения IV, сделанная издателями «Воссоединения», признается и другими учеными: *Заболотный Е. А.* Парфений IV. С. 658–659.

⁶² Воссоединение. С. 418.

⁶³ *Кочегаров К. А.* Несколько предварительных замечаний... С. 252.

Б. Н. Флоря,⁶⁴ характеристику: имея в руках грамоту Парфения с 1676 г., он долго не желал, предъявив ее, добиться поставления законного православного митрополита на киевскую кафедру. Такое предательство интересов православных, очевидно, показалось и Б. Н. Флоре, и другим исследователям, сторонникам новой датировки грамоты 1685 годом, совершенно невозможным.

Но пытаясь насмеяться над «детективной историей» с грамотой Парфения IV и синода, К. А. Кочегаров, кажется, так и не прочитал эту историю до конца. Ведь аргументами стала отнюдь не только «одна митрополичья подпись», но и кончина Иннокентия Гизеля, случившаяся задолго до написания упоминавшей его имя грамоты. Напрасно, как кажется, издатели «Воссоединения» и сторонники высказанных ими предположений считали возможной столь сильную задержку известия о смерти Гизеля. Кончину архимандрита патриаршего ставропигиального монастыря — главной святыни Киева — вряд ли можно было сохранить в секрете от Константинопольского патриархата и его предстоятелей.

Так, уже в 1684 г. поминальная запись с именем «Иннокентия Гизеля, архимандрита киевопечерского, со всей яже о Христе братию, помяни их господь» появилась в помяннике Синайского монастыря.⁶⁵ В это время синайские монахи возвращались из Москвы, где побывали в 1682 — начале 1683 г.⁶⁶ В 1683–1684 гг. они посетили ряд украинских городов,⁶⁷ оставив в помяннике записи о членах семей представителей казацкой элиты, в том числе и семьи гетмана Самойловича.⁶⁸ В том же 1684 г. синаиты продолжали собирать пожертвования, записывая их в том же помяннике, уже в Константинополе,⁶⁹ добрав-

---

⁶⁴ Флоря Б. Н. О критике В. Г. Ченцовой сборника документов «Воссоединение Киевской митрополии с Русской Православной Церковью» // ВЦИ. 2021. № 1/2 (61/62). С. 347.

⁶⁵ Saint Catherine's Monastery, Mount Sinai. An Orthodox Pomjanyk of the Seventeenth-Eighteenth Centuries / Ed. by M. Altbauer with the collaboration of I. Ševčenko and B. Struminsky. Cambridge (Mass.), 1989. P. 60 (fol. 32r); Altbauer M. An East Slavic Sinodik from the Sinai. Köln; Weimar; Wien, 1992. (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A. Neue Folge. Bd. 5/65). P. 45.

⁶⁶ Чеснокова Н. П. Синайский архиепископ Анания: заметки к просопографии // Каптеревские чтения. Сб. 12. М., 2014. С. 66–71.

⁶⁷ Altbauer M. An East Slavic Sinodik... P. 41–46. Ср.: Фонкич Б. Л. Синайский помянник // Россия и Христианский Восток. Вып. 1. М., 1997. С. 260.

⁶⁸ О семье Ивана Самойловича см.: Saint Catherine's Monastery, Mount Sinai. An Orthodox Pomjanyk. P. 56–58 (fol. 29r–30v); Altbauer M. An East Slavic Sinodik... P. 42–43.

⁶⁹ Saint Catherine's Monastery, Mount Sinai. An Orthodox Pomjanyk. P. 168–173 (fol. 102r–104v). Altbauer M. An East Slavic Sinodik... P. 48–50.

шись туда через Крым (часть записей была сделана в Каффе⁷⁰). Неужели при таких достаточно свободных передвижениях православного духовенства (ведь не только синаиты могли путешествовать по разным странам) можно было столь надолго скрыть кончину киевского архимандрита?

Стоит также вспомнить и об отсутствии каких-либо указаний на то, что приехавший летом 1685 г. в Османскую империю греческий купец Зафирий-«Захарий Иванов», получивший в Москве поручение провести переговоры о возможной передаче Киевской митрополии московскому патриарху, хоть что-то услышал о только что выданной константинопольским предстоятелем грамоте с разрешением на рукоположение митрополита в Москве. Более того, от всех своих соотечественников грек получил одинаковый ответ — в настоящий момент это сделать невозможно.⁷¹

Но если грамота была подписана «тайно» (что отметил иерусалимский патриарх Досифей), то нельзя ли предположить, что от Зафирия-Захария будущее рукоположение митрополита в Москве, решенное в присутствии членов синода, оказалось сохранено в строжайшем секрете? И не могли ли приезжавшие в Османскую империю из польско-литовских и украинских земель путешественники (подобные монахам-синаитам) также сохранять в строгой тайне смерть архимандрита Киево-Печерского монастыря от константинопольского патриарха и его окружения? Именно такую версию, как кажется, сочли наиболее правдоподобной украинские исследователи С. Ф. Михеев и С. Н. Остапенко.⁷² Их взгляды, видимо, разделяет и К. А. Кочегаров, который специально отметил, что несерьезная «детективная история» Ченцовой «удостоилась подробного разбора» в их публикации, в которой была показана сомнительность всей ее аргументации.

Чтобы эту сомнительную аргументацию опровергнуть, ученые выдвигают целых две гипотезы. Первая гипотеза сводится к тому, что подписям нельзя доверять, поскольку их могли неправильно понять переводчики грамоты с греческого.⁷³ Вторая же гипотеза состоит в том,

---

⁷⁰ Saint Catherine's Monastery, Mount Sinai. An Orthodox Pomjanyk. P. 160–167 (fol. 97v–101r). При этом уже в 1686 г. рукописный помянник попадает во Львов, где синаиты продолжали собирать пожертвования от верующих.

⁷¹ Воссоединение. С. 70–75; Ченцова В. Г. Киевская митрополия... С. 103–107.

⁷² Михеев С. Ф., Остапенко С. Н. Неконструктивность исторической аргументации в статье В. Г. Ченцовой «Воссоединение» // ВЦИ. 2021. № 1/2 (61/62). С. 330–336. Имена двух соавторов, «С. Ф. Михеева» и «С. Н. Остапенко» из «г. Днепр», являются псевдонимом, который употребляет украинский автор, живущий, впрочем, в другом украинском городе и давно принадлежащий к редакционному коллективу «Православной энциклопедии».

⁷³ Михеев С. Ф., Остапенко С. Н. Неконструктивность... С. 331–332.

что подписи на грамоте патриарха Парфения могли быть списаны с более ранних грамот. Таким образом, вычисления даты грамоты, «построенные на подписях митрополитов», оказываются совершенно обесцененными: где гарантия, что патриарший писец не составлял набор подписей, переписывая их с грамот, «оставшихся с предыдущих синодов»? При этом такой предприимчивый писец мог заимствовать подписи с синодальных грамот разных лет, выбирая их произвольно. Делалось это, надо думать, для большей секретности и для того, чтобы было сложнее догадаться, когда написана грамота. Иную логику в подобном предположении обнаружить трудно. Невозможно отказать себе в удовольствии полностью процитировать это оригинальное заключение: «Приходится делать вывод, что даже если догадка В. Г. Ченцовой относительно „Коритинского митрополита Каллиста“ верна, и на грамоту действительно могли поместить подпись именно того самого коринфского Каллиста, это еще не означает, что включение подписи строго связывалось писцом с реальными временными рамками правления данного митрополита, поскольку состав митрополичьих подписей он мог формировать путем заимствования их из грамот (причем не с одной, а из нескольких), относящихся к разным годам того десятилетия. Поэтому составленные таким путем подписи на грамоте ни в коем случае не могут служить надежным основанием для ее точной датировки».⁷⁴ Казалось бы, шах и мат всем, занимающимся греческими документами и исследованиями работы патриаршей канцелярии, до сих пор не понявшим, что все подписи там были подделаны и ставились писцами произвольно. Хорошо еще, что они заимствовались только из документов «того десятилетия», а не начиная с первых вселенских соборов.

Впрочем, пока что это предположение остается без каких-либо доказательств. Читателю так и остается совершенно неясным, имеем ли мы все-таки дело с отдельными ошибками незадачливых переводчиков, сделанными непреднамеренно, или же это писец, копировавший подписи с давних документов, переписал на синодальную грамоту имена тех, кто когда-то был митрополитом, но уже несколько лет как не занимал кафедру. И, главное, читатель так и остается в недоумении: зачем подделывать подписи именно *не* занимающих кафедры архиереев, если можно подделать подписи тех, кто находится на своих престолах? Не придаст ли это большей достоверности документу? Если же «подделывать подписи» для придания достоверности и веса, то почему занявшись тайным (и, если верить Досифею Иерусалимскому, оплаченным «дарами») написанием синодальной гра-

---

⁷⁴ Михеев С. Ф., Остапенко С. Н. Неконструктивность... С. 332.

моты, патриарх и его предприимчивый писец все-таки не поинтересовались, кто в текущий момент находился на архиерейских кафедрах собственной епархии Парфения (и был членом его синода)?

Так и не ответив на вопрос, зачем неизвестный писец подделывал подписи не занимавших в то время кафедры архиереев, С. Ф. Михеев и С. Н. Остапенко (а также, по-видимому, разделявший эту смелую гипотезу К. А. Кочегаров) сделали вывод, будто изучение подписей на синодальных грамотах — занятие совершенно бесполезное, а те, кто пытается это делать, наталкиваются то ли на «досадное обстоятельство» — подделку подписей, — что полностью «обесценивает изыскания и вычисления», основанные на столь сомнительном материале; то ли на переводчиков-непрофессионалов, которые в любом случае все прочитают и переведут неверно.

Патриарший синод с 1676 по 1685 г.

Но только ли о какой-то «одной митрополичьей подписи», почему-то упрямо не встраивающейся в стройную концепцию датировки документа 1685 годом, идет речь? Перед исследователями, таким образом, стоят три вопроса:

1. Могли ли все подписи быть подделаны и переписаны с документов разного времени, как предположили украинские ученые, но грамоту все равно надо датировать 1685 г.?

2. Были ли правы издатели «Воссоединения», которые сочли их принадлежавшими реальным представителям константинопольского духовенства, занимавшим кафедры в феврале 1685 г.? Соответственно, и грамоту следует датировать этим временем.

3. Или же грамоту следует все-таки датировать иным временем, и каким именно?

Для ответа разобьем подписи с перевода грамоты Парфения IV и синода на несколько групп, выделенных на основе сопоставления с другими документами, происходящими из канцелярии константинопольских патриархов.

1. Подписи архиереев, не занимавших кафедры в феврале 1685 г.

а) Каллист Коринфский

Проще всего было разобраться с Каллистом «Коритинским», то есть «Коринфским», о котором уже шла речь выше.⁷⁵ Каллист Коринфский

---

⁷⁵ Ченцова В. Г. «Воссоединение». С. 95–96.

определенно занимал кафедру в 1668–1672 г., а имена его преемников и время их управления церковью Коринфа известны, хотя и с лакунами.⁷⁶ Имя Каллиста стоит на подписанном вселенским патриархом Дионисием IV исповедании веры 1672 г.⁷⁷ В грамоте-сигиллионе женскому монастырю Святых Феодоров епископства Сервии и Козани того же патриарха Дионисия, датированной ноябрем 1676 г., расписался уже Захария Коринфский.⁷⁸ В 1678 г. на коринфской кафедре также был Захария, принявший мученическую смерть в 1684 г., когда османские власти заподозрили его в измене.⁷⁹ Преемником Захарии стал Григорий II Нотара, находившийся на своем престоле до 1715 г.⁸⁰ Таким образом, Каллист совершенно точно не был коринфским митрополитом в феврале 1685 г., но мог занимать кафедру до осени 1676 г.

б) Герасим Амасийский

Митрополит Герасим был избран на амасийскую кафедру в ноябре 1656 г. и оставался на ней до 1665 г.⁸¹ В 1665 г. его сменил Косьма, хотя Герасим вновь вернулся на свой престол в 1666 г. (в связи с объединением митрополии с кафедрой Каффы и Фулл для совместной уплаты взносов и хараджа⁸²) и находился на нем в 1668, в 1671–1675 гг. и в феврале 1676 г.⁸³ В ноябре 1676 г., судя по подписям

⁷⁶ *Αποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ.* Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ... Νο. 185. См.: Ченцова В. Г. Киевская митрополия... С. 346–347.

⁷⁷ *Bibliothèque nationale de France. Paris. Grec. 431. Fol. 1r* (Далее: BnF). Изд.: *Arnauld A., Nicole P.* La Perpetuité de la foy de l'Eglise catholique touchant l'Eucharistie, défendue contre les Livres du Sieur Claude, Ministre de Charenton. Paris, 1713. Т. 3. Р. 630.

⁷⁸ *Δελιάλης Ν. Π.* Δύο πατριαρχικά σιγίλλια Διονυσίου του Δ' και Γρηγορίου του Ε' // *Μακεδονικά*. 2017. Т. 1. Σ. 112.

⁷⁹ *Κωνσταντινίδης Ι. Χ.* Κόρινθος // *Θρησκευτική και ήθική έγκυκλοπαίδεια*. Αθήναι, 1965. Т. 7. Ст. 858.

⁸⁰ *Γριτσόπουλος Τ.* Εκκλησιαστική ιστορία και χριστιανικά μνημεία Κορινθίας. Τ. Α': Ιστορία. Αθήναι, 1973. Σ. 263.

⁸¹ *Σάθας Κ.* Μεσαιωνική βιβλιοθήκη ή Συλλογή άνεκδότων μνημείων της Έλληνικής ιστορίας. Έν Βενετία, 1872. Т. 3. Σ. 593; *Γριτσόπουλος Τ.* Αμάσεια // *Θρησκευτική και ήθική έγκυκλοπαίδεια*. Αθήναι, 1963. Т. 2. Ст. 265; *Αποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ.* Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ... Νο. 195. Подпись Герасима имеется также на исповедании веры вселенского патриарха Дионисия IV, датированном 1672 г.: BnF. Paris. Grec. 431. Fol. 1r (*Arnauld A., Nicole P.* La Perpetuité de la foy. Т. 3. Р. 630). См. также: Воссоединение. С. 418.

⁸² *Αποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ.* Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ... Νο. 120.

⁸³ *Αρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης.* Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ ἀρχιεοφυλακίου σωζόμενα ἐπίσημα ἐκκλησιαστικά ἔγγραφα. Έν Κωνσταντινουπόλει, 1904. Т. 2. Σ. 389 (январь 1671 г.); *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948. No. 90. S. 91 (май 1675 г.); *Γριτσόπουλος Τ.* Αμάσεια. Κολ. 265; Beinecke 303 (Ziskind 22) / *Vaporis N. M.* A study of the Ziskind MS. No. XI. P. 37, 38, 116; *Biblioteca apostolica vaticana.* Vat. gr. 2424. Fol. 189r (февраль 1676 г.).

на сигиллионе Дионисия IV монастырю Св. Феодоров, Герасим Амазийский продолжал занимать свою кафедру.⁸⁴ Однако не позже конца 1684 г.⁸⁵ и, видимо, до 20 мая 1693 г. на ней пребывает другой владыка — Иоасаф.⁸⁶ Иоасаф же, судя по его подписям на документах, определенно занимал кафедру 1 марта и 1 мая 1685 г.⁸⁷ Таким образом, можно с уверенностью заключить, что и в феврале 1685 г. амазийскую кафедру уже занимал Иоасаф, а не Герасим, имя которого обнаруживается в переводе грамоты патриарха Парфения IV о будущем рукоположении Иннокентия Гизеля. Зато Герасим наверняка был на кафедре в 1676 г.

в) Тимофей Видинский

«Вѣдинский» Тимофей, то есть митрополит Видина, был поставлен на кафедру 20 мая 1676 г.⁸⁸ Он определенно занимал ее в мае 1681 г., поскольку расписался на грамоте патриарха Иакова о ставропигиальном статусе монастыря Марджинени.⁸⁹ В марте 1685 г. видинская митрополия была передана смещенному патриарху Парфению IV.⁹⁰ Таким образом, весьма маловероятно, что Тимофей продолжал занимать видинскую кафедру в феврале 1685 г., хотя точно был на ней в 1676 г.

г) Иосиф (Неофит?) Никомидийский

Издатели «Воссоединения» уже отметили, что в 1680-е годы на никомидийской кафедре находился не Иосиф, а Мелетий. Митрополит с именем Иосиф на этом престоле до сих пор никому не был известен.⁹¹ При этом Мелетий Никомидийский обнаруживается среди расписавшихся на документах февраля 1681 г., 1 марта и 1 мая 1685 г. (а также

⁸⁴ Δελιάλης Ν. Π. Δύο πατριαρχικά σιγίλλια... Σ. 112.

⁸⁵ Αρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης. Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι... Τ. 2. Σ. 393 (1684 г., инд. 7). См. также: Αποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ. Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ... Νο. 120, 195.

⁸⁶ Αρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης. Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι... Τ. 2. Σ. 393 (1684 г., индикт 7); Beinecke 303 (Ziskind 22) / Vaporis N. M. A study of the Ziskind MS. No. 34–36. P. 65–67; No. 48. P. 79, 118–119.

⁸⁷ Beinecke 303 (Ziskind 22) / Vaporis N. M. A study of the Ziskind MS. No. 35–36. P. 66–67.

⁸⁸ Αποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ. Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ... Νο. 646 (копия текста постановлений от 20 мая и от июня 1676 г.: Vat. gr. 2424. Fol. 205r, 213r); Λάμπρος Σ. Δύο συνοδικὰ σιγίλλια περὶ τῆς ἐν Οὐγγροβλαχίᾳ μονῆς Μαρτζινανίου // Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος. 1901. Τ. 6. Σ. 111.

⁸⁹ Hurmuzaki E., de. Documente privitoare la Istoria Românilor. Vol. XIV (1): Documente Grecești / Publ. de N. Iorga. București, 1915. P. 244.

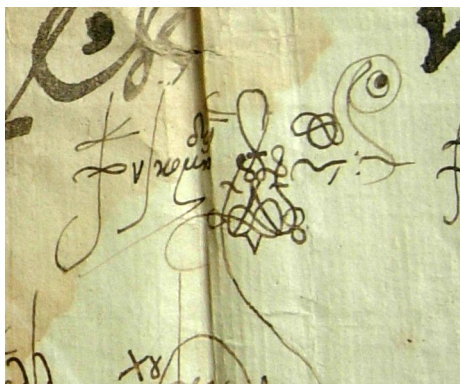
⁹⁰ Μητροπολίτης Γερμανὸς Σάρδεων. Ἐπισκοπικοὶ κατάλογοι τῶν ἐπαρχιῶν τῆς Βορείου Θράκης καὶ ἐν γένει τῆς Βουλγαρίας ἀπὸ τῆς Αἰώσεως καὶ ἐξῆς // Θρακικά. 1937. Τ. 8. Σ. 132.

⁹¹ Κωνσταντινίδης Ε. Ι. Νικομήδεια // Ὁρησκειτικὴ καὶ ἡθικὴ ἐγκυκλοπαίδεια. Ἀθῆναι, 1966. Τ. 9. Στ. 543.

и на более поздних, в 1687 г.).⁹² Таким образом, вряд ли в феврале 1685 г. митрополитом мог быть никому не известный Иосиф, в то время как уже с 1681 г. им был Мелетий.

Относительно же «Иосифа» на никомидийской кафедре может быть предложена следующая гипотеза. В ноябре 1676 г. на грамоте-сигиллионе патриарха Дионисия IV монастырю Святых Феодоров расписался митрополит Неофит.⁹³ Свою кафедру он занимал с 1667 и по меньшей мере до 1680 г.⁹⁴ Подпись Неофита имеется на сохранившейся в подлиннике грамоте константинопольского патриарха Мефодия III, датированной апрелем 1670 г., о подтверждении законности поставления на львовскую кафедру епископа Иосифа Шумлянського (Ил. 6).⁹⁵

Ил. 6. Национальная библиотека Украины имени В. И. Вернадского. Институт рукописи. Ф. 18. № 98.

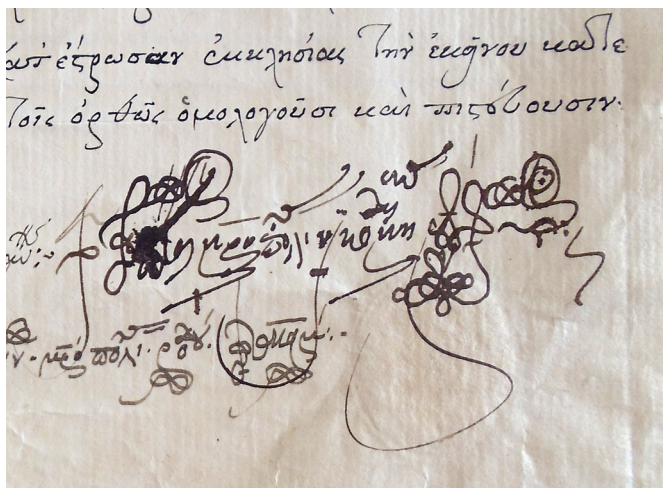
Фрагмент: подпись никомидийского митрополита Неофита

⁹² Vat. gr. 2425. Fol. 58r (февраль 1681 г.), 70r (октябрь 1681 г.); Beinecke 303 (Ziskind 22) / *Vaporis N. M. A study of the Ziskind MS. No. 34. P. 65* (1 мая 1685 г.); No. 35. P. 66, 118 (1 марта 1685 г.); No. 36. P. 67, 119 (15 мая 1685 г.); No. 39. P. 70, 120 (1 мая 1687 г.); No. 40. P. 72 (15 июня 1687 г.). См. также подпись Мелетия в документах 1686–1687 гг.: *Архм. Καλλίνικος Δελικάνης. Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι...* Т. 2. Σ. 399 (октябрь 1686 г.), 405 (февраль 1687 г.).

⁹³ *Δελιάλης Ν. Π. Δύο πατριαρχικά σιγίλλια...* Σ. 112.

⁹⁴ *Νεοκλῆς Π. Τὸ κανονικὸν δίκαιον τοῦ Πατριαρχικοῦ Θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων ἐπὶ τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Σινῶ, ἐπιμαρτυρούμενον ὑπὸ ἐπισήμων ἐκκλησιαστικῶν ἐγγράφων. Κωνσταντινούπολη, 1868. Σ. 39* (1668 г.), 54 (1671 г.); *Γεδεών Μ. Χρονικὰ τοῦ Πατριαρχικοῦ Οἴκου καὶ τοῦ Ναοῦ. Κωνσταντινούπολη, 1884. Σ. 114; Αρχμ. Καλλίνικος Δελικάνης. Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι...* Т. 2. Σ. 388–389 (январь 1671 г.) *Архм. Καλλίνικος Δελικάνης. Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι...* 1905. Т. 3. Σ. 339 (ноябрь 1670 г.), 342 (октябрь 1672 г.); *Dölger F. Aus den Schatzkammern...* S. 91 (май 1675 г.); *Κωνσταντινίδης Ε. Ι. Νικομήδεια. Στ. 543; Δελιάλης Ν. Π. Δύο πατριαρχικά σιγίλλια...* Σ. 112; Vat. gr. 2424. Fol. 189r (февраль 1676 г.), 361v (1678 г.), 378v (июль 1678 г.). См. также: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1686 г. Д. 11. Л. 77 (1679 г., синодальная и патриаршая грамота Дионисия IV об охридском архиепископе Мелетии).

⁹⁵ Национальная библиотека Украины имени В. И. Вернадского. Институт рукописи. Ф. 18. № 98 (Далее: НБУВ ИР).

Ил. 7. BnF. Paris. Armen. 145 (pt. 2). Fol. 32r.
Фрагмент: подпись никомидийского митрополита Неофита

Текст этого документа без некоторых подписей и с ошибочным указанием даты (надо не 8 апреля, а апрель, 8 индикт) был некогда издан Е. К. Чернухиным.⁹⁶

То обстоятельство, что подпись Неофита Никомидийского не была прочитана современным исследователем, оставившим вместо нее пропуск,⁹⁷ вполне позволяет предположить, что затруднения мог испытать и переводчик документа в XVII столетии, прочитав Ἰωσήφ (Иосиф) вместо Νεόφυτος (Неофит).

Еще один автограф Неофита стоит на заверенном подписями константинопольского патриарха Мефодия III и нескольких архиереев исповедании веры, датированном 18 июля 1671 г.⁹⁸ Этот документ, подготовленный для французского посла Шарля Олье де Нуантеля, был опубликован в издании «Присносущность веры Католической церкви» А. Арно и П. Николя.⁹⁹ Подписи митрополита на документе 1671 г. и на киевской грамоте о епископе Иосифе Шумлянском 1670 г. явно написаны одной рукой. Нельзя ли предположить, что именно Неофит Никомидийский поставил свою подпись также и на грамоте Парфения, а переводчик перепутал имя «Неофита» с несколько похожим по начертанию именем «Иосиф»?

⁹⁶ Чернухін Є. Грамоти вселенських патріархів XVI–XVII ст. у фондах Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені І. В. Вернадського. Київ, 2016. С. 45–51.

⁹⁷ Там же. С. 49.

⁹⁸ BnF. Armen. 145 [pt. 2], fol. 32r, см. ил. 7.

⁹⁹ Arnauld A., Nicole P. La Perpétuité de la foy... Т. 3. Р. 571.

2. Подписи архиереев, занимавших кафедры в 1676–1685 г.

а) Варфоломей Ираклийский

Варфоломей Ираклийский занял ираклийский престол, освободившийся после возведения на патриаршество Мефодия III, в 1668 г. и оставался на нем, по меньшей мере, до 1688 г.¹⁰⁰ В ноябре 1676 г., как свидетельствует все та же грамота-сигиллион патриарха Дионисия IV монастырю Святых Феодоров, Варфоломей по-прежнему был митрополитом.¹⁰¹

б) Григорий Митилинский

Митилинский владыка Григорий, некогда — протосинкелл Великой церкви, был, судя по всему, настоящим долгожителем на архиерейском поприще, управляя церковью Митилины с 1654 по 1693 г.¹⁰² Подпись Григория Митилинского стоит и на ставленной грамоте киевского митрополита Иосифа Нелюбовича-Тукальского 1668 г.¹⁰³ В октябре 1676 г. вместе с подписавшим грамоту Парфения IV об Иннокентии Гизеле митрополитом Макарием Смирнским он вошел в состав группы архиереев, осуществлявших контроль за доходами и расходами Великой церкви.¹⁰⁴

в) Григорий Кесарийский

Григорий (II-ой) Кесарийский, митрополит Кесарии Каппадокийской, в октябре 1674 г. был отрешен от своей кафедры.¹⁰⁵ Впрочем,

¹⁰⁰ *Νεοκλής Π.* Τὸ κανονικὸν δίκαιον... Σ. 39 (1668 г.), 54 (1671 г.), 72 (февраль 1687 г.), 77 (1687 г.); *Архм. Καλλίνικος Δελικάνης.* Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι... Т. 2. Σ. 388–389 (январь 1671 г.), 399 (октябрь 1686 г.), 405 (февраль 1687 г.); Т. 3. Σ. 339 (ноябрь 1670 г.); *Μητροπολίτης Γερμανὸς Σάρδεων.* Ἐπισκοπικοὶ κατάλογοι τῶν ἐπαρχιῶν Ἀνατολικῆς καὶ Δυτικῆς Θράκης // *Θρακικά.* 1935. Т. 6. Σ. 76; Воссоединение. С. 418. См. также: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1686 г. Д. 11. Л. 77 (1679 г., синодальная и патриаршая грамота Дионисия IV об охридском архиепископе Мелетии); Beinecke 303 (Ziskind 22) / *Vaporis N. M.* A study of the Ziskind MS. No. 9. P. 30, 33; No. 28–28v. P. 60–61; No. 34–38. P. 65–69 (p. 118–119); No. 40. P. 72; *Arnauld A., Nicole P.* La Perpetuité de la foy... Т. 3. P. 571; *Hurtmuzaki E., de.* Documente privitoare la Istoria Românilor. Vol. XIV (1). P. 244; Vat. gr. 2424. Fol. 145v (май 1675 г.), 162r (12 августа 1675 г.), 189r (февраль 1676 г.), 361v (1678 г.), 378v (июль 1678 г.); Vat. gr. 2425. Fol. 4v (1680 г.), 65r (апрель 1681 г.), 86r (июль 1682 г.), 115v (май 1683 г.).

¹⁰¹ *Δελιάλης Ν. Π.* Δύο патриарχικά σιγίλλια... Σ. 112.

¹⁰² Beinecke 303 (Ziskind 22) / *Vaporis N. M.* A study of the Ziskind MS. No. 35. P. 66, 118 (1 марта 1685 г.); No. 36. P. 67, 118–119 (май 1685 г.); *Αποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ.* Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ... No. 151, 702, 704–705; *Κωνσταντινίδης Ε. Ι.* Μυτιλήνης, Ἐρεσοῦ καὶ Πλωμαρίου, μητρόπολις // *Θρησκευτικὴ καὶ ἠθικὴ ἐγκυκλοπαίδεια.* Ἀθήναι, 1966. Т. 9. Στ. 272; Vat. gr. 2424. Fol. 133r–133v (о кончине владыки Григория), 421r–422r (октябрь 1679 г.); Vat. gr. 2425. Fol. 4v (1680 г.); Vat. gr. 2425. Fol. 31r (июнь 1680 г.). См. также: Воссоединение. С. 418; РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1686 г. Д. 11. Л. 77 (1679 г.).

¹⁰³ АЗР. Т. 5. СПб., 1853. С. 116.

¹⁰⁴ *Αποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ.* Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ... No. 151. Σ. 155–156.

¹⁰⁵ Ibid. No. 143, 836–837. См. также: Воссоединение. С. 418.

его подпись имеется на датированной январем 1676 г. патриаршей и синодальной грамоте о решениях, принятых в митрополии Фессалоники,¹⁰⁶ и в мае 1676 г. владыка Григорий уже вновь определенно и официально занимал свою кафедру.¹⁰⁷ Его имя как действующего архиерея упоминается также в 1689 г.¹⁰⁸ Не исключено, что все это время он оставался митрополитом.

3. Подписи архиереев, точное время пребывания которых на кафедрах не известно

а) Макарий Смирнский

Еще одним архиереем, долгое время находившимся на кафедре, был упомянутый Макарий Смирнский, избранный в мае 1653 г. и определенно занимавший свой престол в 1662 г., 1676 г. и, предположительно, пребывавший на нем вплоть до 1681 г.¹⁰⁹ В мае 1681 г. он расписался на грамоте патриарха Иакова о ставропигиальном статусе монастыря Марджинени.¹¹⁰ Когда Макарий покинул кафедру и занимал ли он ее в 1685 г. — не известно. В 1688 г. он уже определенно не был смирнским митрополитом.¹¹¹

Еще один Макарий, расписавшийся на грамоте, занимал кафедру «Змонской» митрополии. Это название — по-видимому, ошибка неуверенного в прочтении греческого слова переводчика.

4. Подписи архиереев, имена которых не обнаружены в иных источниках

а) Григорий Халкидонский

Григорий не известен в списках иерархов Халкидона этого времени. В грамоте патриарха Мефодия III от апреля 1670 г. об утверждении рукоположения львовского епископа Иосифа Шумлянського имеется

¹⁰⁶ Vat. gr. 2424. Fol. 176v.

¹⁰⁷ *Αποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ.* Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ... Νο. 677.

¹⁰⁸ *Μυστακίδης Β.* Ἐπισκοπικοὶ κατάλογοι // Ἐπετηρὶς ἐταιρείας βυζαντινῶν σπουδῶν. 1936. Τ. 12. Σ. 180.

¹⁰⁹ *Λάμπρος Σ.* Δύο συνοδικὰ σιγίλλια... Σ. 111; Акты русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873. С. 220 (март 1677 г.); Beinecke 303 (Ziskind 22) / *Vaporis N. M.* A study of the Ziskind MS. No. 17. P. 49–50 (1 августа 1677 г.); *Αποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ.* Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ... Νο. 106, 126, 135, 151, 598, 689–690, 754; *Δελιάλης Ν. Π.* Δύο πατριαρχικά σιγίλλια... Σ. 112.

¹¹⁰ *Hurmuzaki E., de.* Documente privitoare la Istoria Românilor. Vol. XIV (1). P. 244.

¹¹¹ *Δράκος Εὐ.* Ἐκκλησιαστικαὶ σελίδες: ἥτοι Σμύρνης ἱεράρχαι ἀπὸ τῆς ἀποστολικῆς ἐποχῆς μέχρι σήμερον, ἐπτά μοναστήρια Μοσχονησίων καὶ ἐπίσημα ἔγγραφα ἐν οἷς σιγίλλια, ὑπομνήματα καὶ χρυσόβουλλα, Αθήναι, 1891. Σ. 6, 9; *Γριτσόπουλος Τ., Χαϊρέτη Μ. Κ.* Σμύρνης, Μητρόπολις // Ὁρησκειτικὴ καὶ ἠθικὴ ἐγκυκλοπαίδεια. Αθήναι, 1967. Τ. 11. Στ. 253.

подпись митрополита Евфимия Халкидонского.¹¹² А в 1671 г. и позже на протяжении долгих лет кафедрю занимал владыка Иеремия, известный по целому ряду документов.¹¹³ В мае 1681 г. Иеремия поставил подпись на грамоте патриарха Иакова о ставропигиальном статусе монастыря Марджинени.¹¹⁴ Предположительно, владыка скончался вскоре после 1 мая 1685 г., после чего проедром Халкидонской епархии стал бывший патриарх Дионисий IV (до апреля 1686 г., когда он снова вззошел на патриарший престол).¹¹⁵ Подпись Иеремии стоит на подписанном вселенским патриархом Дионисием IV исповедании веры 1672 г.,¹¹⁶ а также на исповедании веры вселенского патриарха Мефодия 1671 г.¹¹⁷ По-видимому, в этом случае переводчик неверно прочитал имя архиерея.

б) Митрофан Меленикский

О Митрофане Меленикском пока не удалось обнаружить никаких сведений. В 1689 г. на документе, датированном 15 мая этого года, расписался владыка Макарий Меленикский, пообещав великому логофету Иоанну Кариофиллису выплатить долг своего предшественника Дионисия (II-го).¹¹⁸ Дионисий и Кирилл сменялись на кафедре в 1683–1685 гг. Еще ранее, в мае 1667 г., меленикскую кафедрю вынужден был оставить Григорий.¹¹⁹ Предшественниками Дионисия были также Сильвестр (известный в 1661–1667 гг.) и Захария (занимавший кафедрю между 1667 и 1677 гг.).¹²⁰ Таким образом, был ли такой архиерей на кафедре, или же речь вновь идет об ошибочном прочтении ее названия переводчиком, с точностью установить не удается.

¹¹² НБУВ ИР. Ф. 18. № 98. См.: Чернухин С. Грамоти... С. 49.

¹¹³ Αποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαήλάρης Π. Δ. Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ... Νο. 151, 274; Σταυρίδης Β. Χαλκηδόνος, μητρόπολις // Ὁρθόδοξη καὶ ἠθικὴ ἐγκυκλοπαίδεια. Αθήναι, 1968. Τ. 12. Στ. 54. См. также: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1686 г. Д. 11. Л. 77 (1679 г.).

¹¹⁴ Hurmuzaki E., de. Documente privitoare la Istoria Românilor. Vol. XIV (1). P. 244.

¹¹⁵ Beinecke 303 (Ziskind 22) / Vaporis N. M. A study of the Ziskind MS. No. 9. P. 30, 34 (25 апреля 1671 г.); No. 28. P. 60 (15 октября 1682 г.); No. 33–34. P. 64–65 (1 сентября 1684 г. и 1 мая 1685 г.).

¹¹⁶ BnF. Paris. Grec. 431. Fol. 1r (Arnauld A., Nicole P. La Perpetuité de la foy... Т. 3. P. 630).

¹¹⁷ BnF. Paris. Armen. 145 [pt. 1]. Fol. 32r (Arnauld A., Nicole P. La Perpetuité de la foy... Т. 3. P. 571).

¹¹⁸ Beinecke 303 (Ziskind 22) / Vaporis N. M. A study of the Ziskind MS. No. 43. P. 74.

¹¹⁹ Αποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαήλάρης Π. Δ. Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ... Νο. 575. Σ. 287.

¹²⁰ Ταπεινός Έλ. Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία τῆς ἐπαρχίας Μελενίκου // Ἐκκλησιαστικὴ ἀλήθεια. 1892. Τ. 12 (7). Σ. 54–55; Μπάκας Ι. Θ. Ἡ ἐκκλησιαστικὴ ἐπαρχία Μελενίκου. Συμβολὴ στὴν ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία τῆς Σιντικής // Δήμος Σιντικής. Ο Χώρος καὶ ἡ ἱστορία του. Σιδηρόκαστρο. Δήμος Σιντικής, 2013. Σ. 305.

в) Даниил «Енский»

Перевод названия кафедры, «Енский», более всего напоминает «Энос», и первой гипотезой было то, что в этом случае речь идет именно о митрополии Эноса. Однако с 1672 и, предположительно, до 1704 г. кафедре Эноса занимал Гедеон (возможно, два владыки с одинаковым именем, занимавшие кафедру друг за другом).¹²¹ Таким образом, либо переводчик ошибся в названии кафедры, либо неверно понял имя архиерея. В 1670-е — 1680-е годы несколько архиереев с именем Даниил занимали церковные кафедры и могли участвовать в заседании синода. Поэтому выяснить, кто из иерархов расписался на грамоте о рукоположении Иннокентия Гизеля, можно лишь предположительно.¹²²

5. Датировка

Итак, после проделанного небольшого исследования уже три подписи архиереев-членов константинопольского синода, а вовсе не одна позволяют предполагать, что грамота относится ко времени четвертого пребывания Парфения IV на патриаршем престоле в 1675–1676 гг. Синодальное решение заверили, по меньшей мере, трое из тех, кто наверняка *не* занимал митрополичьих кафедр в феврале 1685 г., но зато были на них ранее, в 1676 г. Остальные имена в тех случаях, когда занимавших кафедры архиереев удастся отождествить, также свидетельствуют о том, что на основании подписей грамоту можно датировать предыдущим патриаршеством Парфения IV, продолжавшимся до 19 июля 1676 г.

Изучение греческих документов второй половины 1670-х — первой половины 1680-х годов, подписанных архиереями Константинопольского патриархата, позволило обнаружить копию грамоты с очень близким составом подписей архиереев-членов синода. Этой грамотой-сигиллионом, датированной июнем 1676 г., патриарх Парфений IV подтвердил ставропигиальный статус монастыря Татарна в Эвритании. Ее текст был давно издан по подлиннику из монастырского архива П. Пулицасом, но, к сожалению, лишь с указанием имеющихся в документе «четырнадцати или пятнадцати подписей», не воспроизведенных в публикации.¹²³ Список грамоты, причем со всеми подписями,

¹²¹ Σταμούλης Μ. Συμβολή εις τὴν ἱστορίαν τῶν Ἐκκλησιῶν τῆς Θράκης // Θρακικά. 1940. Τ. 14. Σ. 81. См. также: *Μητροπολίτης Γερμανὸς Σάρδεων*. Ἐπισκοπικοὶ κατάλογοι τῶν ἐπαρχιῶν Ἀνατολικῆς καὶ Δυτικῆς Θράκης. Σ. 47.

¹²² О том, кто из иерархов по имени Даниил мог занимать на самом деле эту кафедру, см. далее.

¹²³ Πουλίτσας Π. Ἐπιγραφαί, ἐνθυμήσεις καὶ σιγίλια ἐξ Εὐρυτανίας // Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1926. Τ. 3. Σ. 289–292; *Ἀποστολόπουλος Δ. Γ., Μιχαηλάρης Π. Δ.* Ἡ Νομικὴ Συναγωγὴ... Νο. 657. Σ. 311–312.

удалось обнаружить в одном из хранящихся в Ватиканской апостольской библиотеке сборников копий материалов по истории Великой церкви из коллекции великого логофета Ставракиса Аристархиса.¹²⁴ Фотография подлинника грамоты, доступная для исследования, хранится в Историческом и палеографическом архиве Образовательного фонда Национального банка Греции.¹²⁵

Помимо патриарха Парфения этот документ подписали митрополиты *Варфоломей Ираклийский*, *Неофит Никомидийский*, *Григорий Кесарийский*, *Иеремия Халкидонский*, Каллиник Прусский, *Григорий Митилинский*, *Макарий Смирнский*, *Даниил Анхиалский*, *Макарий Деркский*, Гедеон Эносский, архиепископ Феодосий Литицкий, *Каллиник Коринфский*, Анфим Месемврийский, Григорий Диррахийский, Мефодий Готский.¹²⁶ Курсивом отмечены имена и кафедры, которые упоминаются и в грамоте об Иннокентии Гизеле; подчеркнуты — имена или кафедры, которые в ней оказались неверно поняты переводчиком. Из 15 архиереев, подписи которых стоят на документе, семеро занимали те же кафедры, которые занимали и подписавшие грамоту об Иннокентии Гизеле. При этом никомидийскую кафедру занимал и в самом деле не Иосиф, которого не удалось обнаружить в других документах времени двух патриаршеств Парфения IV, а Неофит, а халкидонскую — не Григорий, а Иеремия. Оба архиерея присутствовали на заседании синода в июне 1676 г., когда принималось решение о Татарне, и они же, очевидно, подписали грамоту об Иннокентии Гизеле.

Помощнику великого логофета Аристархиса, копировавшему грамоту, не удалось прочесть имя занимавшего коринфскую кафедру владыки. Фотография подлинника грамоты, несмотря на не очень хорошее качество, дала возможность установить, что это был Каллиник, подписавший и грамоту об Иннокентии Гизеле. Макарий Деркский — это, вероятно, тот самый Макарий, кафедра которого была определена переводчиком XVII в. как «Змонская».

¹²⁴ Vat. gr. 2424. Fol. 209r, 210r–211r. См. о коллекции: Nicolopoulos P. G. L'inventario dei codici vaticani greci 2403–2631 // *Ἑλληνικὴ Ἐταιρεία Βυζαντινῶν Σπουδῶν*. 1966–1967. Т. 35. Σ. 129–130.

¹²⁵ Μορφωτικὸ Ἰδρυμα Ἑθνικῆς Τραπεζῆς. Ἱστορικὸ καὶ Παλαιογραφικὸ Ἀρχεῖο. Μικροφωτογραφίσεις χειρογράφων καὶ ἀρχείων. Αθήνα, 1985. Т. 3: 1981–1983. Σ. 37. За предоставление фотографии для исследования и помощь в изучении подписей архиереев сердечно благодарю Ст. Гриманиса (Афины) и Н. Хриссидиса (Нью-Хейвен). Фотография, к сожалению, не очень хорошего качества. В будущем необходимо обратиться в монастырь Богородицы Татарны для получения лучшего изображения и разрешения на его публикацию.

¹²⁶ Vat. gr. 2424. Fol. 211r.

Скопировавший грамоту для Ставракиса Аристархиса не смог прочитать название кафедры митрополита, имя которого было Даниил. Видимо, речь идет о том самом митрополите Данииле «Енском», который подписал и грамоту о Гизеле, а переводчик XVII в., как и переписавший грамоту для великого логофета, оказался в затруднении, передавая название кафедры. По фотографии подлинника установлено, что этот Даниил был митрополитом Анхиала. В январе 1676 г. Макарий Деркский вместе с Иеремией Халкидонским и Григорием Кесарийским подписал еще одну синодальную грамоту — об утверждении принятого митрополитом Фессалоники решения, касающегося некоей Палки, тещи Димоса. При этом перед владыкой Макарием на документе также расписался Даниил, митрополит Анхиала.¹²⁷ О том, что отождествления митрополитов «Змонского» и «Енского» с Макарием Деркским и Даниилом Анхиалским верны, свидетельствует также и порядок подписания документов занимавшими кафедры архиереями, примерно соответствующий иерархии церковных престолов. Таким образом, по-видимому, даже 9 из 12 подписавших грамоту об Иннокентии Гизеле архиереев приблизительно в то же самое время, в июне 1676 г., присутствовали и во время принятия решения о подтверждении ставропигиального статуса монастыря Татарны.

Стоит ли предполагать, что патриарх специально просил списать имена архиереев времени своего предыдущего патриаршества, причем именно лета 1676 г.? Подчеркнем еще раз, что случаев, когда патриархи специально в своей же канцелярии просили заполнить грамоту подписями архиереев, которые уже *не* занимали кафедры, пока что никому обнаружить не удалось. Не получается ли история, созданная вокруг грамоты патриарха Парфения С. Ф. Михеевым, С. Н. Остапенко и К. А. Кочегаровым, куда более фантастической, нежели предложение вернуться к прежней датировке документа? Ведь если этого не сделать, то придется признать возможным и значительное опоздание посланного к патриарху вестника об избрании Иннокентия Гизеля, и строгую секретность, в которой хранилась от всех кончина архимандрита, и тайное подписание переданной анонимному гонцу (очевидно, продолжавшему оставаться в неведении относительно кончины Гизеля) грамоты с именами, списанными писцом почему-то с грамот 1676 года, и сохранение секрета об уже подписанной грамоте с разрешением хиротонии в Москве от грека Зафирия.

Если же согласиться с тем, что грамота была написана при жизни Гизеля и подписана занимавшими тогда кафедру архиереями, то по под-

---

¹²⁷ Vat. gr. 2424. Fol. 176v. См. также: Γεδεών Μ. Χρονικὰ τοῦ Πατριαρχικοῦ Οἴκου... Σ. 114 (1672 г.); *Архм. Καλλίνικος Δελικάνης. Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι...* Τ. 2. Σ. 405 (февраль 1687 г.).

писям удастся даже уточнить ее датировку с точностью до двух месяцев лета 1676 г. *Terminus ante quem* при этом — смещение с престола патриарха Парфения IV 19 июля 1676 г., а *terminus post quem* — 20 мая, дата занятия кафедры Тимофеем Видинским. Грамоту, в которой упоминается киевский архимандрит, скончавшийся в конце 1683 г., а подписи архиереев во всей их совокупности можно датировать периодом между концом мая и 19 июля 1676 г., пожалуй, есть смысл датировать именно этим временем.

Но определив время написания грамоты, мы вновь оказываемся перед необходимостью ответа на вопрос: кто и где мог предложить избрать Иннокентия Гизеля киевским митрополитом? Если документ датируется летом 1676 г., то, выходит, что и обсуждение, и выборы митрополита также должны были произойти не в 1682–1683 г., а раньше, то есть после кончины митрополита Иосифа Нелюбовича-Тукальского в 1675 г. и определенно до мая 1676 г. Следует также учитывать то, что в таких выборах участвовало не только духовенство, но и представители светской власти. В тексте грамоты Парфения прямо сказано: «Однак от повету Киевского, албо от епархии оной, объявленную нашої смиренности от всех *духовных и свецких електоров* повесть таковую, же не маш архиерея на митрополии Киевской...».¹²⁸ Некие «светские выборщики», таким образом, также участвовали в подготовке обращения к константинопольскому патриарху.

С. Ф. Михеев с С. Н. Остапенко укоряют В. Г. Ченцову в том, что она «не объясняет, каким образом происходило избрание Иннокентия (Гизеля) в конце 1675 г. или в начале 1676 г., и состоялось ли оно с ведома гетмана Самойловича». Они считают подобные выборы без согласия гетмана невозможными, а «из рассуждений Ченцовой складывается впечатление, что духовенство действовало как бы вопреки воле гетмана».¹²⁹ С точки зрения украинских ученых, «в этой связи важно отметить, что выдвижение представителями киевского духовенства своего претендента без ведома гетмана должно было представляться весьма бесперспективной затеей с их стороны, потому что роль гетманов в утверждении митрополичьей власти на Киевской кафедре была тогда очень весомой...», так что подобное «секретное выдвижение» Иннокентия Гизеля — «крайне сомнительно».¹³⁰ И надо признать, что эти рассуждения представляются вполне справедливыми: чтобы понять, как имя Иннокентия Гизеля появилось в патриаршей грамоте летом 1676 г., необходимо разобраться, каким же образом и кто выбрал именно его на митрополичью кафедру.

¹²⁸ Ченцова В. Г. Киевская митрополия... С. 344.

¹²⁹ Михеев С. Ф., Остапенко С. Н. Неконструктивность... С. 98.

¹³⁰ Там же. С. 333.

Нельзя не отметить, что возвращение к датировке грамоты 1676 г. делает картину еще более противоречивой. С одной стороны, выбор «електоров» явно не был направлен против интересов московского двора — ведь поставление митрополита предполагалось провести в Москве, и осуществить его должен был московский патриарх. С другой стороны, если в конце 1675 и начале 1676 г. Иван Самойлович был готов к тому, что Иннокентий Гизель станет киевским митрополитом (поскольку без ведома и согласия гетмана выборы были бы невозможны), почему потом, когда он получил грамоту, то решил утаить ее? Кто отправился после «выборов» или хотя бы предварительных обсуждений будущего кандидата к константинопольскому патриарху, причем не позже весны или самого начала лета 1676 г.? Если грамота была подписана в начале лета 1676 г., то в середине-конце лета того же года она уже должна была попасть к адресату. Куда же она пропала вплоть до 1685 г., когда обнаружилась в руках у Ивана Самойловича?

Для ответа на эти вопросы придется и в самом деле предпринять расследование всей этой странной «детективной истории». Началом ее стала кончина 26 июля 1675 г. (ст. ст.) владыки Иосифа Нелюбовича-Тукальского, кафедру которого Иннокентию Гизелю так и не удалось унаследовать.

После похорон

1. Паисий Лигарид и Мефодий Филимонович

Появление именно в самом конце весны или летом 1676 г. грамоты патриарха Парфения IV в ответ на обращение к нему неких киевских выборщиков, просивших за своего кандидата в митрополиты, было вполне ожидаемо. Ведь незамедлительно после смерти Иосифа Нелюбовича-Тукальского развернулась напряженная борьба за киевский митрополичий престол. Приславшие к константинопольскому патриарху своих посланцев «електоры» были явно не единственными, искавшими возможность рукоположить митрополита законным путем. Еще В. О. Эйнгорн считал, что появление на свет грамоты патриарха Парфения IV могло быть связано именно с этой борьбой разных кандидатов на кафедру. По его мнению, она была написана после того, как киевское духовенство провело выборы митрополита, остановившись на Иннокентии Гизеле с тем, чтобы кафедру не получил газский митрополит Паисий Лигарид.¹³¹

---

¹³¹ Эйнгорн В. О. Очерки из истории Малороссии... С. 999.

Это предположение не столь уж неправдоподобно. Знаменитый ученый грек к тому времени уже два года как жил в киевском Братском монастыре, приехав из Москвы в конце мая 1673 г.¹³² Сразу же после кончины митрополита Иосифа Тукальского Паисий Лигарид написал письмо возглавлявшему Малороссийский и Посольский приказы боярину Артамону Сергеевичу Матвееву. В нем газский владыка просил позволить ему служить по архиерейскому чину (очевидно, до этого ему это не было разрешено, поскольку Лигарид был отрешен от своей газской кафедры иерусалимским патриархом Досифеем¹³³) и заодно обвинял местное духовенство (то есть, в первую очередь, видимо, тогдашнего местоблюстителя Киевской митрополии, черниговского архиепископа Лазаря Барановича) в растратах средств, выделенных на ремонт храма Св. Софии Киевской.¹³⁴ Тут же он высказал и свое беспокойство известиями о возможном поставлении на киевскую кафедру мстиславского епископа Мефодия Филимоновича, бывшего местоблюстителя митрополии, некогда назначенного в Москве.

Владыка Мефодий после обвинений в том, что он был союзником левобережного казацкого гетмана Ивана Брюховецкого, выступившего на стороне правобережного гетмана Петра Дорошенко против царской власти, уже давно находился «под началом» в московском Новоспасском монастыре. Лигарид явно испугался, что времена меняются и что Мефодий сможет претендовать на киевскую кафедру, предупреждая Матвеева о необходимости не терять бдительности и не отпускать епископа из его заключения: «Здесь слышать, будто епископ Мефодий свободен, а наипаче будто он митрополитом Киевским постановлен. Стереги крепко и радей, чтоб не был, потому что великая будет смута и замешанина меж духовными и мирскими, потому что еще остается по се время жив раздор, и измена учинена недавно, которая была причиною толь великого побоища. Вопиет, вопиет и Святая София, на которой починку взял 14000 рублей от царского величества, и иные своевольства, о которых умолчеваю».¹³⁵

Беспокойство Лигарида о том, что в Москве могут решиться на поставление епископа Мефодия Филимоновича киевским митрополитом, также не случайно. В сложном с канонической точки зрения

---

¹³² Тимошина Л. А. Газский митрополит Паисий Лигарид: о некоторых датах и событиях // Каптеревские чтения. Вып. 10. М., 2012. С. 114–133.

¹³³ Ченцова В. Г. Паисий Лигарид в Киеве // Київська Академія. 2021. Т. 18. С. 53–55.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1675 г. Д. 4. (авг. 1). Л. 2–2 об. См.: Эйнгорн В. О. Очерки из истории Малороссии... С. 998–1000; Ченцова В. Г. Паисий Лигарид... С. 59–60.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1675 г. Д. 4. Л. 2 об.–3; Багро С. Відновлення Софії Київської єпископом Методієм: суперечності у свідченнях джерел // Byzantinoucrainica. 2022. Т. I. С. 67–69, 77–78; Ченцова В. Г. Паисий Лигарид... С. 59–60.

положении владыка Мефодий оказался еще в 1661 г., когда был рукоположен Питиримом, митрополитом Сарским и Подонским, в то время — местоблюстителем московского патриаршего престола, на кафедру епископа Мстиславского и Оршанского.¹³⁶ Вскоре после этого епископ Мефодий был отправлен местоблюстителем в Киев. Такое самоуправство на территории чужой епархии — Киевской, находящейся в юрисдикции константинопольских патриархов, — и презрение к канонам вызвало конфликт с новоизбранным тогда киевским митрополитом Дионисием Балабаном, который тут же рукоположил на мстиславскую кафедру будущего киевского митрополита Иосифа Нелюбовича-Тукальского. А константинопольский патриарх Парфений IV (тот самый, который позже дал разрешение на поставление в Москве Иннокентия Гизеля) наложил на незаконно занявшего кафедру Мефодия анафему.¹³⁷ Этот конфликт, связанный с правами администрирования в Киевской митрополии, был весьма неприятен царскому двору. Во время подготовки церковного собора 1666–1667 гг. с участием восточных патриархов и суда над московским патриархом Никоном московские власти начали беспокоиться также о том, чтобы положение епископа Мефодия было каким-то образом урегулировано.

История получения Мефодием Филимоновичем прощения за незаконное поставление кажется довольно запутанной. Отправившийся в конце 1662 г. к восточным патриархам для их приглашения на московский собор иеродиакон Мелетий Грек,¹³⁸ возвращаясь назад, в апреле 1664 г., будучи в Черкасах, был ограблен казаками, которыми командовал левобережный гетман Иван Брюховецкий. Позже Мелетию пришлось довольно долго добиваться возвращения захваченных документов и прочего имущества, причем вернуть он сумел далеко не все. В конце мая Мелетий Грек встречался с московским подъячим Перфилием Оловенниковым, которому предоставил «роспись» пропавшего, сообщив, что «животы» обнаружались у гетмана Брюховецкого и у стольника Василия Кикина.¹³⁹ В конце этой «росписи» было приписано: «Да послано было от патриарха к епископу Мефодию Киевскому благословение: посох, манатья, сак, 6 кушаков золотных турецких».¹⁴⁰ То есть патриарх Дионисий III, занявший престол после Парфения IV, не просто простил Мефодия (который со своей стороны также старался вернуть пропавшие патриаршие послания), но даже

¹³⁶ Флоря Б. Н. Мефодий Филимонович // ПЭ. Т. 45. М., 2017. С. 129.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Фонкич Б. Л., Парфентьев Н. П. Мелетий Грек // ПЭ. Т. 44. М., 2016. С. 585–587.

¹³⁹ Гиббенет Н. А. Историческое исследование... Ч. 2. С. 664–665.

¹⁴⁰ Там же. С. 666.

прислал ему обычные для архиерея атрибуты духовной власти, в числе которых — саккос и архиерейский посох.¹⁴¹

Что мог означать такой дар? Пастырские атрибуты были присланы Мефодию после кончины киевского митрополита Дионисия Балабана († 1663 г.), когда киевская кафедра уже была вакантна. В мае 1664 г. Мелетий Грек привез в Москву письмо от киевского воеводы Ивана Ивановича Чаадаева с известием о происшедшем ограблении. Воевода, который пытался разыскать пропавшие письма восточных патриархов, сообщал, будто бы константинопольский патриарх написал молдавскому господарю Еустрацию Дабиже, «что от него благословения митрополиту киевскому дано, о котором ты, великий государь, писал, а иным де мима того им дать никому нельзя, и чтоб воевода [т. е. Еустратий Дабижа. — В. Ч.] о том к ним послов не допускал... Да в то ж де время был в Волоской земле патриарх ерусалимский [Нектарий. — В. Ч.] и сказывал ему, Ивану Сербину [казацкому полковнику. — В. Ч.], те ж речи, что дано благословение на Киевскую митрополию митрополиту, о котором писано от тебя, великаго государя».¹⁴²

Этот слух о полученном от патриарха благословении некоему «митрополиту» удивительным образом соответствует известию о присылке саккоса и архиерейского посоха епископу Мефодию Филимоновичу, причем в тот самый момент, когда у него появились конкуренты — избранные в 1663 г. на митрополичью кафедру Иосиф Нелюбович-Тукальский и Антоний Винницкий. Бывший брацлавский полковник Иван Сербин, помимо удивительного известия о полученном от патриарха благословении, рассказал в Киеве, «что посылал его, Ивана, во Царьгород к патриарху изменник Панка Тетеря [гетман Павел Тетеря. — В. Ч.] для благословения новообранному от них киевскому митрополиту Тукальскому, а на промысл де ему, Ивану, дал своих тысячу червонных золотых, и его де, Ивана, воевода волоской по челобитью дьякона Мелетия у себя задержал и писал о том во Царьгород к патриарху...».¹⁴³ Не с этой ли начавшейся борьбой за митрополичий престол связано и похищение у Мелетия Грека привезенных им тогда от патриархов писем? Найдены они были не все, и никаких грамот о патриаршем благословении некоего московского кандидата на митрополию до заинтересованных лиц он так и не довез.

¹⁴¹ Морозов О. Ніжинський протопоп Максим Филимонович. Ніжин, 2000. С. 94.

¹⁴² Гиббенет Н. А. Историческое исследование... Ч. 2. С. 702–703.

¹⁴³ Там же. С. 702. Р. Шиян, впрочем, считает, что речь шла лишь о согласии патриарха назначить Мефодия Филимоновича местоблюстителем киевской кафедры, из-за чего Иосифу Тукальскому так и не было дано патриаршее благословение: *Shiyan R. I. Between Faith and Country: The Predicament of Metropolitan Iosyf Neliubovych Tukul's'kyi // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. September-December 2010. Vol. 52, No. 3/4. P. 377.*

Не исключено, что похищение писем людьми Брюховецкого объяснялось тем, что в том же году, как жаловался владыка Мефодий, «с ним, епископом, у гетмана стало розвратно, и ни в чем его гетман не слушает».¹⁴⁴ Брюховецкий тогда явно не хотел бы видеть на митрополичьем престоле киевского местоблюстителя Мефодия Филимоновича и писал на него доносы в Москву.¹⁴⁵ Позже, впрочем, ситуация изменилась, и уже как сторонник изменника-гетмана Мефодий оказался в опале, вынужденный провести остаток своих дней в московском Новоспасском монастыре.¹⁴⁶

Если верно предположение, что неизвестный «царский кандидат», некогда (якобы) получивший благословение от вселенского патриарха Дионисия III, был тем самым Мефодием Филимоновичем, то Паисий Лигарид волновался небеспочвенно. Ведь московские власти, которые, несмотря на водившиеся за Мефодием провинности, держали его в Москве хотя и под надзором, но и без каких-либо утеснений,¹⁴⁷ вполне могли счесть бывшего местоблюстителя возможным кандидатом на киевскую кафедру. Причем этот кандидат был явно предпочтительнее самого газского митрополита. Во всяком случае ни нелестные отзывы о Мефодии Филимоновиче, ни высказанные сомнения в том, что «митрополитские доходы» (уже, впрочем, при местоблюстительстве черниговского архиепископа Лазаря Барановича) трактуются надлежащим образом, никак не способствовали укреплению положения самого Лигарида в Киеве.¹⁴⁸ Тогда же, в августе 1675 г., владыка был вызван царским указом в Москву, и оказался вынужден вернуться в русскую столицу в начале ноября. Указ был весьма неожиданным и строгим: отправить Лигарида из Киева требовалось «не мешкав», а если сам митрополит «не похочет», то и просто выслать с приставом, подводами и «кормом».¹⁴⁹

В. О. Эйнгорн полагал, что духовенство митрополии уже тогда опасалось, что для царских властей рукоположение киевских митропо-

¹⁴⁴ Гиббенет Н. А. Историческое исследование... Ч. 2. С. 734.

¹⁴⁵ Морозов О. Ніжинський протопоп Максим Филимонович. С. 94–99, 101–102.

¹⁴⁶ Об этом московском периоде жизни Мефодия Филимоновича см.: Кочегаров К. А. Ссылный епископ Мефодий Филимонович: из истории последних десяти лет жизни в Москве // Славяноведение. 2020. № 6. С. 75–82.

¹⁴⁷ Там же. С. 77–79.

¹⁴⁸ Ченцова В. Г. Паисий Лигарид... С. 59. В. О. Эйнгорн полагал, что просьба Лигарида о разрешении на архиерейское служение в Киеве предполагала на самом деле получение управления Киевской митрополией (Эйнгорн В. О. Очерки из истории Малороссии... С. 998–999). Однако нельзя не отметить, что он тогда все еще пытался урегулировать свои отношения с иерусалимским патриархом, отрешившим его от кафедры.

¹⁴⁹ Ченцова В. Г. Паисий Лигарид... С. 58.

литов вселенским патриархом окажется неприемлемым. По мнению ученого, «киевские игумены, зная, что московское правительство не разрешит новому митрополиту посвящаться от константинопольского патриарха, обратились к этому патриарху с просьбою уладить дело».¹⁵⁰ Поэтому патриарх Парфений и прислал грамоту, в соответствии с которой Иннокентию Гизелю давалось разрешение на рукоположение в Москве. Но, как известно, запрет на рукоположение в Константинополе исходил не от московских властей, а от властей Речи Посполитой, и принят он был явно в связи с началом «избирательной кампании» будущих кандидатов в митрополиты. Ведь отнюдь не только загадочные «духовные и свецкие електоры» были озабочены в 1675–1676 гг. проблемой вакантности киевской кафедры, и не только Паисий Лигарид или Мефодий Филимонович могли питать надежды ее занять.

2. Иосиф Шумлянський и Антоній Винницький

Претендовать на киевскую кафедру мог и львовский епископ Иосиф Шумлянський. Примечательно, что сразу после кончины Иосифа Тукальского, Шумлянський, как и Паисий Лигарид, попытался установить контакты с московским двором: 9 августа 1675 г. он написал письма царю¹⁵¹ и главе Посольского приказа А. С. Матвееву,¹⁵² напоминая о себе и стремясь засвидетельствовать свою верность. Однако в Москве не могли не понимать, что епископ был тесно связан с польскими властями. Ведь еще в начале 1670-х годов именно ему было поручено вести переговоры с правобережным казацким гетманом Петром Дорошенко, склоняя того отказаться от присяги османскому султану и вернуться под власть короля Речи Посполитой.¹⁵³ Окончательно утвержденный на львовской кафедре Яном III Собеским, Иосиф Шумлянський в марте 1675 г., еще при жизни Иосифа Тукальского, был назначен «администратором» Киевской митрополии.¹⁵⁴ В мае, после кончины митрополита, король предписал передать Иосифу Шумлянскому облачения покойного.¹⁵⁵ Деятельность епископа вызывала сильные опасения у константинопольских патриархов, которые стремились защитить свои прерогативы в епархии и опасались энергичного и пользовавшегося поддержкой в Речи Посполитой архиерея (а позже,

---

¹⁵⁰ Эйнгорн В. О. Очерки из истории Малороссии... С. 999.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1675 г. Д. 10. Л. 1–3.

¹⁵² Там же. Л. 4–8.

¹⁵³ Пидгайко В. Г., Скочиляс И. Я. Иосиф Шумлянський // ПЭ. Т. 25. М., 2011. С. 684.

¹⁵⁴ Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. 10. Киев, 1904. С. 723–725. См.: Пидгайко В. Г., Скочиляс И. Я. Иосиф Шумлянський. С. 684.

¹⁵⁵ Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. 10. С. 725–726.

в 1677 г., распространился и слух о тайном переходе Шумлянського в униатство).¹⁵⁶

Но не только львовский владыка рассчитывал занять освободившуюся кафедру в Киеве. На подвластных Речи Посполитой территориях Киевской митрополии имелись и иные претенденты, причем их энергичные действия даже вызвали недовольство папского нунция в Варшаве. В коллекции Музея Русского археологического общества имеется копия протеста нунция против выданного королем Яном III Собеским разрешения на созыв некогда избранным киевским митрополитом Антонием Винницким православного собора во Львове, датированная 1676 г.¹⁵⁷ Краковский сейм, таким образом, не случайно поспешил принять решение о запрете каких-либо связей с Константинополем для получения церковных поставлений (и прежде всего — рукоположения митрополита на вакантную кафедру) без разрешения короля. Но если нунций мог порадоваться этому запрету, то, как уже в начале августа сообщал в Киеве почаевский иеродиакон Вассиан (пришедший «по обещанию» помолиться в Печерском монастыре), «архиепископы де и епископы и архимандриты и игумены и весь церковной причет, которые в полских городех благочестивой веры, печальны для того, как де после коронации королевского величества был сейм в Кракове, и на сейме де положили гетманы и сенаторы и вся Речь Посполитая, чтоб православным архиепископом и епископом и архимандритом и игуменом и всему причету церковному, которые в их Полской земли, быть в послушании и благословение имать у папы римского, а от вселенских бы владык отстать и благословение бы у них ни о чем не имать, и в послушании у них не быть, и от того многие иноки из монастырей врознь идут».¹⁵⁸

Таким образом, введенный сеймом запрет уже летом 1676 г. казался православному духовенству весьма действенным, ставящим

---

¹⁵⁶ *Скочилас І. Я.* «Нічия територія»: юрисдикційний статус і суспільно-правове становище Київської православної митрополії на Правобережній Україні (1675–1714 роки) // *Іван Мазепа і мазепинці. Історія та культура України останньої третини XVII — початку XVIII століть.* Львів, 2011. С. 170–178; *Пидгайко В. Г., Скочилас І. Я.* Іосиф Шумлянський. С. 684–685.

¹⁵⁷ *Прозоровский Д. И.* Описание древних рукописей, хранящихся в Музее Русского археологического общества. СПб., 1879. С. 253. № 294; Путеводитель по Архиву Ленинградского Отделения Института истории. М.; Л., 1958. С. 186. Документ происходит из Полоцка, где был обнаружен историком К. А. Говорским. Нунций — Франческо Мартелли, перед поездкой по назначению нунцием в Польшу (1675–1681 гг.) получивший титул коринфского архиепископа. Мальябеки (Magliabechi) он, видимо, назван в описании документа ошибочно. Описание см.: *Известия Императорского археологического общества.* Т. 1. Вып. 3. СПб., 1859. Стб. 172.

¹⁵⁸ АЮЗР. Т. 12. СПб., 1882. Стб. 715–716.

на пути дальнейших рукоположений значительные сложности и вынуждающим к церковной унии с Римом. В то же время упоминание предполагавшегося королевского разрешения на проведение съезда свидетельствует о том, что если контакты с Константинополем и оказались под запретом для православных Речи Посполитой, то королевский двор был вполне настроен на сотрудничество с ними и готов был делать все необходимые послабления.

Перемышльский епископ Антоний Винницкий, избранный митрополитом в ноябре 1663 г., в те времена получил поддержку лишь части духовенства в западной части Речи Посполитой. Он стал соперником избранного на кафедру в мае того же года мстиславского епископа Иосифа Нелюбовича-Тукальского, который тогда же попытался получить патриаршее благословение.¹⁵⁹ При этом оба нареченных митрополита, Иосиф и Антоний, получили королевские «привилеи» для занятия кафедры, но затем Тукальский оказался в заключении в Мариенбурге (Мальборке), а его «привилей» в 1667 г. был аннулирован.¹⁶⁰ В результате Антоний стал единственным утвержденным королем нареченным митрополитом Киевским, впрочем, так и не получившим грамоты с благословением из Константинополя.

В 1667 г. Иосифу Тукальскому удалось освободиться из заключения, и он перебрался на Правобережье Днепра. Обосновавшись в Каневе и в Чигирине, где располагалась резиденция Дорошенко, владыка стал одним из наиболее преданных сторонников проосманского курса гетмана.¹⁶¹ А в 1668 г. ему, наконец, была дана ставленая грамота от константинопольского патриарха Мефодия III, и Иосиф Тукальский стал единственным митрополитом, возведенным на киевскую кафедру в соответствии с церковными канонами, т. е. получив благословение от вселенского патриарха.

Антоний, однако, не признал законности утверждения Тукальского на киевском престоле. Как позже писал запорожский гетман Иван Самойлович черниговскому архиепископу Лазарю Барановичу, владыка Антоний даже забрал саккос, оставшийся после кончины ми-

---

¹⁵⁹ *Shiyan R. I. Between Faith and Country...* P. 376–377.

¹⁶⁰ *Ibid.* P. 378–379; *Флоря Б. Н.* 1) Антоний (Винницкий) // ПЭ. Т. 2. М., 2001. С. 625; 2) Православная шляхта и православные иерархи на Правобережье во 2-й половине XVII в. // ВЦИ. 2015. № 1/2 (37/38). С. 304–305.

¹⁶¹ *Флоря Б. Н.* 1) Митрополит Иосиф (Тукальский)... С. 129–143; 2) Иосиф (Нелюбович-Тукальский). С. 640–645; *Michels G. Replacing Tsar, King, and Emperor with the Sultan: Ukrainians, Hungarians, and the Ottomans (1660–1680)* // *Central European History*. June 2024. No. 57. P. 151–153; *Kohut Z. E. The Making of Cossack Ukraine...* P. 89, 116. О дате освобождения Иосифа Тукальского см.: *Shiyan R. I. Between Faith and Country...* P. 379–380.

трополита Дионисия Балабана, на котором велел заменить его имя на свое, и надевал его «для чести митрополии Киевской».¹⁶² В 1670 г. константинопольский патриарх Мефодий своей грамотой прямо запретил Антонию Винницкому рукополагать епископов, еще раз подтвердив права владыки Иосифа и законность его поставления.¹⁶³ «Летопись Самовидца» свидетельствует, что в 1670 г. при султане находились «резиденты козацкие», и тогда же брацлавский протопоп Роман Ракушка ездил к константинопольскому патриарху от киевского митрополита «о потверження сакри на метрополию киевскую» из-за продолжавшегося конфликта с перемышльским епископом Антонием.¹⁶⁴ Соперничество двух иерархов-претендентов на кафедру продолжалось.

Уже после кончины Иосифа Тукальского, на сейме 1676 г., Антоний Винницкий вновь попытался добиться утверждения на освобожденную кафедру.¹⁶⁵ Но не исключено, что испорченная в Константинополе репутация Антония заставила тогда и польско-литовские власти оставить местоблюстительство за Иосифом Шумлянским.¹⁶⁶

¹⁶² Воссоединение. С. 252.

¹⁶³ Свидетельство об этом содержится в ставленной грамоте Иосифу Шумлянскому на львовскую кафедру: *Чернухін Є. К.* 1) Грецькі рукописи у зібраннях Києва. Каталог. Київ; Вашингтон, 2000. С. 210–211; 2) Колекція рукописів та архів митрополита Андрея Шептицького. Каталог фонду XVIII Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського. Київ, 2011. С. 38. № 139 (98).

¹⁶⁴ Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти. М., 1846. С. 56; Літопис самовидця. Київ, 1971. С. 110.

¹⁶⁵ *Флоря Б. Н.* Антоний (Винницкий). С. 624–625.

¹⁶⁶ О связях Иосифа Шумлянського с польскими властями см. также: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние... С. 212–213; *Чухліб Т. В.* Львівський єпископ Йосиф Шумлянський — військовий діяч та дипломат Корони Польської (60-ті роки XVII — початок XVIII ст.) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2012. № 21. С. 787–801. Стремление патриарха Парфения IV решить вопрос о Киевской митрополии заставляло его и иными способами способствовать усилиям османских властей по удержанию днепровского Правобережья после капитуляции гетмана Петра Дорошенко перед московскими войсками. В 1677 г., по сообщению секретаря французского посольства Пети де ла Круа, когда некий греческий священник, вернувшись в Константинополь, сообщил патриарху Парфению новости о переходе Дорошенко и местного населения на сторону московского правительства, патриарх, в свою очередь, радуясь возможности оказать услугу, сообщил эти важные политические новости Александру Маврокордату и великому визирю. Именно этот анонимный священник, сопровождавший Парфения на аудиенцию, по мнению Пети де ла Круа, высказал предложение о возможном призвании на гетманство Юрия Хмельницкого, некогда унаследовавшего власть своего отца, но постриженного в монахи. Патриарх Парфений и освободил его тогда от монашеских обетов. См.: *Pétit de la Croix. Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie par le Sr. de la Croix, cy-devant secretaire de l'Ambassade de France a la Porte. A la Haye, 1689. P. 101–103.* Впрочем, в конце 1685 г. Юрий Хмельницкий был арестован османскими властями

Тем не менее, Антоний упорно продолжал именоваться киевским митрополитом, а среди духовенства распространялись слухи, будто бы Антония и в самом деле благословил константинопольский патриарх.¹⁶⁷ Примечательно, что в декабре 1678 г. деражицкий игумен Иннокентий Монастырский¹⁶⁸ привез письма от владыки Антония к царю Федору Алексеевичу, киевскому воеводе князю М. А. Голицыну и бывшему московскому резиденту в Речи Посполитой, стольнику В. М. Тяпкину, в которых Антоний называл себя «митрополитом». Но при этом он либо деликатно опускал название кафедры, либо назывался «митрополитом Премышльским» по названию своей епископской кафедры.¹⁶⁹

Также и черниговский архиепископ Лазарь Баранович в письме гетману Самойловичу, сообщая о переживаемых духовенством Киевской митрополии на польско-литовских землях гонениях, называл Антония Винницкого митрополитом, «на епископии Перемышльской пребывающем».¹⁷⁰ Об «отце митрополите» писал и архимандрит Иннокентий Монастырский в поданной тогда в Посольский приказ жалобе на притеснения православных в Речи Посполитой.¹⁷¹ В качестве «митрополита Винницкого» и «преосвященного митрополита» владыка Антоний фигурирует в царской грамоте, в документах Посольского

и приговорен к смертной казни. О Пети де ла Круа и его сочинении см.: *Sebag P. Sur deux orientalistes franzaais du XVIIe siècle: F. Petis de la Croix et le sieur de la Croix // Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. 1978. Т. 25. Р. 89–117; Луняк Є. М. Козацька Україна XVI–XVIII ст. у французьких історичних дослідженнях. Київ; Ніжин, 2012. С. 140–146. И. Я. Скочиляс отметил, что именно проосманская политика константинопольских патриархов подтолкнула Иосифа Шумлянского к унии: *Скочиляс І. Я. Територіальне розміщення організаційних структур Галицької (Львівської) православної єпархії на Поділлі // Історичне картознавство України. Львів; Київ; Нью-Йорк, 2004. С. 437–438, 455.**

¹⁶⁷ АЮЗР. Т. 7. СПб., 1872. С. 92: «И тот епископ Иосиф покамест был на Руси Белой, писался епископом Белоруским, архимаритом Лещинским, а как пришел в Чигирин, учал писатися митрополитом Киевским, Галицким и всеа Руси; а на Белой Руси не писался митрополитом для того, что на Подгорьи Антоней Виницкий, бывшей епископ Премышльской, освящен на митрополию Киевскую, а благословен Дионисием, патриархом Костянтинополским, и привилий ему дан от короля Полского и от Речи Посполитой, и пишется совершенною титулою митрополитом Киевским, экзархоу Костянтинополским».

¹⁶⁸ Об Иннокентии Монастырском см.: *Синкевич Н. А. Иннокентий (Монастырский) // ПЭ. Т. 23. М., 2010. С. 9–10; Марголіна І., Ульяновський В. Київська обитель святого Кирила. Київ, 2005. С. 174–175; Воссоединение. С. 148, 150, 175, 177–180, 182, 184–185, 187, 189, 193–194, 197, 200, 212–213 и др. Иннокентий был архимандритом в Деражицкой («Деражитцкой», «Деражицкий») обители и игуменом Преображенского монастыря в Люблине.*

¹⁶⁹ Воссоединение. С. 177, 179–180.

¹⁷⁰ Там же. С. 194.

¹⁷¹ Там же. С. 201.

приказа и в статейном списке московского посла в Речь Посполитую боярина И. В. Бутурлина.¹⁷² Бутурлин специально отметил, что среди «доброхотных людей» особенно «многое доброхотенье и услугу чинил Антоний Винницкий, митрополит православной».¹⁷³

Не исключено, что столь уверенное именование в письмах Антония митрополитом (хотя и не Киевским) было связано с тем, что среди духовенства стало известно об оказываемом в Москве покровительстве владыке Антонию, который и до кончины митрополита Иосифа Тукальского, и после нее старался поддерживать контакты с царским двором. В начале 1674 г. от него в Москву приезжал «для объявления ведомостей» некий шляхтич Степан Сокальский, получивший для Антония 150 рублей жалованья соболями и книгу «Пролог».¹⁷⁴ В царском «милостивом слове» — грамоте, датированной 1 марта 1674 г. (ст. ст.), — Антония также именовали митрополитом, хотя и не обозначая «киевским», а жалованье ему было дано по присланной владыкой просьбе: «Бил челом ты, преосвященный митрополит, что от нападеней и от истиснения неверных турков пребываєте ныне в великих недостатках и в церковных употреблених имеете нужды».¹⁷⁵ Столь же любезно был принят в начале 1677 г. посланный от Антония «нареченный епископ» Перемышля Афанасий Мокочевский: сопровождающие епископа получили царское жалование, самому Афанасию было дано 60 рублей, а еще 150 рублей было передано для митрополита Антония.¹⁷⁶ При этом обращает на себя внимание то, что при Антонии, который создал вокруг себя в Перемышле «митрополичий двор», уже появился свой «нареченный епископ», рукоположенный им на его собственную перемышльскую кафедру.¹⁷⁷

---

¹⁷² Воссоединение. С. 208, 211, 224–229. Князь Голицын в отписке в Москву, впрочем, даже назвал Антония Винницкого «митрополитом Киевским» (Там же. С. 187–188).

¹⁷³ Там же. С. 229. Иосиф Шумлянский в это время был послан польским королем на переговоры с назначенным османским правительством вместо Дорошенко гетманом Юрием Хмельницким в надежде склонить его к переходу на польскую сторону. Практика использования урезанных титулов в сомнительных случаях является давней, известной еще в XIV столетии: *Pliguzov A. On the Title «Metropolitan of Kiev and All Rus'» // Harvard Ukrainian Studies. December 1991. Vol. 15, No. 3/4. P. 340–353.*

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1679 г. Д. 1. Л. 103–104.

¹⁷⁵ Там же. Л. 105.

¹⁷⁶ Там же. Л. 106–109.

¹⁷⁷ Поездка нареченного перемышльского епископа в Москву состоялась с ведома властей: «В прошлом же во 185-м году к великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, присылал города Премышля митрополит Антоний Винницкий с листом своим премышльского нареченного епископа Афонасья Мокочевского, а в листу своем к великому государю писал он, Виницкой, о милостыне. Из Киева отпущен тот Афонасей Мокочевской к Москве по проезжей грамоте королевского величества полского и с отпиской столника и полковника Василья Тяпкина, как он был в Полше на резиденции. А в отписке

Однако активная деятельность самого Антония по закреплению за собой киевского престола, благосклонность к нему в Москве и именованье владыки «митрополитом» в письмах, отнюдь не означали того, что киевское духовенство в самом деле признавало его таковым в своей среде. Осенью 1679 г. от короля Яна Собеского был разослан универсал с призывом к духовенству явиться в январе 1680 г. в Люблин для переговоров о церковных вопросах и прекращения церковного разделения.¹⁷⁸ Несмотря на то, что надежды привести всех христиан Речи Посполитой к единству впоследствии оказались тщетны, обсуждение будущей дискуссии и общей стратегии действий у православных шло весьма активно. При этом оставались насущными и вопросы о том, кого же православное духовенство считает преемником Иосифа Тукальского и как следует называть владыку Антония. Об этом свидетельствует письмо печерского архимандрита Иннокентия Гизеля Лазарю Барановичу, написанное 10 декабря 1679 г. (ст. ст.): «Причитати ли имеем титулу и сущее достоинство митрополие пречесному отцу Антонию Винницкому на розговоре с униятами или ни?».¹⁷⁹

Тогда же, в декабре, Лазарю Барановичу писал и луцкий епископ Геден Святополк-Четвертинский, указывавший, что «отец Винницкий, епископ Перемышлский, титулом митрополии (и) эксархии величается и пишется тем, не имея от святейшего патриарха нашего сакоса».¹⁸⁰ По сведениям Гедена, Антоний даже не намеревался просить ставленую грамоту у константинопольского патриарха: «...Когда я его вопрошал на прошлом сейме Гроденском,¹⁸¹ тогда он отвечал, что уж

Василья Тяпкина к великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, писано с тем Мокочевским о челобитье Антония Винницкого об отпуске того Мокочевского для милостыни к Москве» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1679 г. Д. 1. Л. 106). Незадолго до кончины, впрочем, Антоний Винницкий добился передачи своей перемышльской кафедры своему племяннику Иннокентию: *Мороз В.* Єпископські свячення Інокентія Винницького в Галичі 1680 року: історична подія в контексті «нової унії» і взаємин Львівської, Перемишльської та Мукачівської єпархій // Галич. 2023. Вип. 8. С. 133.

¹⁷⁸ *Антонович В. Б.* Очерк состояния Православной церкви в Юго-Западной России по актам (1650–1798). Киев, 1871. С. 18–20. См. о «новой унии»: *Флоря Б. Н.* Россия и попытки установления «новой унии» в Речи Посполитой (1678–1681 годы) // Славяноведение. 2015. № 2. С. 3–18.

¹⁷⁹ Воссоединение. С. 246.

¹⁸⁰ Там же. С. 244.

¹⁸¹ Речь идет о съезде в Гродно в 1678 г., куда предполагалось пригласить представителей православной и униатской церковных иерархий для обсуждения церковного объединения: *Флоря Б. Н.* Россия и попытки установления «новой унии»... С. 4–15. Геден в это время вместе с другими представителями православного духовенства обратился к польскому королю с просьбой разрешить послать делегацию к восточным патриархам с тем, чтобы те прислали своих «легатов» для обсуждения вопроса о соединении церквей: АЮЗР. Ч. 2. Т. 2. Киев, 1888. С. 384–387.

не пошлю по него [т. е. за саккосом. — В. Ч.] и не буду толико злата за него давати, что ми потребно будет, и здесь сыщу себе».¹⁸² Епископ Геден прекрасно понимал, что Антоний «сакоса не имеет», а потому не намеревался его «тем чином нарицати», то есть признавать за владыкой титул митрополита.¹⁸³ Антоний же явно пошел на окончательный отказ от связей с Константинополем (как и предписывало принятое на сейме постановление 1676 г.), понимая, что вряд ли получит оттуда грамоту и атрибуты архиерейской власти.

Несмотря на демонстрацию со стороны киевского духовенства перед московскими властями своей готовности называть владыку Антония митрополитом в 1678–1679 гг., по собственно «внутрикиевской» переписке заметно, что все обстояло не столь просто. Духовенство (даже те, кто намеревался просить поддержки московских властей ради недопущения унии) отнюдь не собиралось признавать митрополитом того, кто не получил благословения и ставленой грамоты от константинопольского патриарха. В письме к Лазарю Барановичу епископ Геден сделал относительно этого весьма категоричное заключение: «Яко он [Антоний Винницкий. — В. Ч.], его милость, от своего пастьря сакоса не имеет, також и нам не подобает его митрополитом называти».¹⁸⁴ Трудно сказать, как бы могли далее развиваться события, связанные с соперничеством между Антонием Винницким, Иосифом Шумлянским и Геденом Святополк-Четвертинским, о претензиях которого на киевскую кафедру уже начали разноситься слухи.¹⁸⁵ Письма к черниговскому архиепископу, в которых и Геден, и Иннокентий Гизель выражали свои сомнения в правах Антония на митрополичий титул, были написаны в самом начале декабря. Никто из них, видимо, еще не знал, что 26 ноября 1679 г. (ст. ст.?) Антоний Винницкий скончался.

Среди разнообразных свидетельств о начавшихся в 1675–1676 гг. и продолжавшихся в 1679 г. обсуждениях претендующих на киевскую кафедру и их попытках получить митрополичий титул нет никаких известий о притязаниях на митрополию или о попытках избрания на кафедру Иннокентия Гизеля. Это несколько удивляет: если некие делегаты от «електоров» добрались до константинопольского патриарха весной-летом 1676 г., то, видимо, именно Иннокентий Гизель незадолго до этих переговоров получил поддержку и светских

---

¹⁸² Воссоединение. С. 244. Незадолго до кончины Антонию Винницкому, по-видимому, удалось достичь успехов в налаживании отношений с королевской администрацией: Мороз В. Єпископські свячення Інокентія Винницького... С. 133.

¹⁸³ Воссоединение. С. 244.

¹⁸⁴ Там же. С. 245.

¹⁸⁵ Там же. С. 244–245.

властей, и какой-то части духовенства. Вряд ли такую поддержку мог оказать ему король Ян III Собеский, ведь его кандидатом явно был львовский епископ Иосиф Шумлянский, ставший местоблюстителем киевского престола. Предпочтения московской стороны, скорее, были на стороне Антония Винницкого, которого позже, хоть и неуверенно, но в переписке с Москвой даже киевское духовенство именovalo «митрополитом». Отношение же к печерскому архимандриту со стороны московских властей некогда попытался подытожить Н. Ф. Сумцов: «В Москве знали, что Гизель вовсе не расположен подчиниться московскому патриарху, знали, что он не продаст малорусския вольности ни за какие сороки соболей, и потому не совсем ему доверяли и не выдвигали его на первое иерархическое место в Малороссии, Киевскую митрополию».¹⁸⁶ Хотя это суждение кажется излишне категоричным, нельзя не признать, что с московской стороны, несмотря на долгие и постоянные контакты с архимандритом, действительно не заметно какого-либо предпочтения в отношении Гизеля как возможного будущего предстоятеля киевской кафедры.

Печерскому архимандриту не оказывал предпочтения и левобережный гетман Иван Самойлович. Ведь если бы его выбор пал на Гизеля в 1675–1676 гг., то было бы странно, что он не пытался оказать ему в дальнейшем поддержку для занятия престола. В письме в Москву, написанном в декабре 1678 г., гетман Самойлович, сообщая о жалобах «зарубежного» духовенства, находящегося на территории Польско-Литовского государства, также именует владыку Антония «господином отцом Виницким, митрополитом, на епископии Премыслской обретающимся».¹⁸⁷

Примечательно, что никто даже в преддверии предполагавшегося польско-литовскими властями съезда, задуманного ради заключения «новой унии», не вспомнил об избрании Гизеля кандидатом на митрополию. Не только в многочисленных письмах духовенства Киевской митрополии 1678–1679 гг., но и в письмах самого печерского архимандрита этого времени нет никаких аллюзий на то, что еще совсем недавно сам он претендовал на киевскую кафедру, а кто-то даже

---

¹⁸⁶ Сумцов Н. Ф. Иннокентий Гизель. С. 13.

¹⁸⁷ Воссоединение. С. 197. Гетман с недоверием относился к жалобам православных архиереев на претерпеваемые ими гонения в Польско-Литовском государстве. В написанном 31 января 1679 г. (ст. ст.) письме в Москву к думному дьяку Лариону Иванову он прямо обвиняет их в сговоре с польскими королевскими властями: под предлогом необходимости заплатить за отказ от дальнейшего распространения унии они, якобы, «с наговору ляцкого» намеревались получить от царя деньги и передать их «ляхам». Однако, несмотря на это, он готов был именовать Антония Винницкого митрополитом. См.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1679 г. Д. 1. Л. 136–140.

вел переговоры о получении им патриаршего благословения.¹⁸⁸ Мог ли Гизель, писавший в 1678 г. письма гетману Ивану Самойловичу, в которых называл его единственным прибежищем православных, их милостивым заступником, и просил ходатайствовать о защите веры в Польско-Литовском государстве,¹⁸⁹ никак не упомянуть о полученном разрешении на свое собственное рукоположение? Ни малейших намеков на избрание архимандрита на митрополию нет и в письме Гизеля царю Федору Алексеевичу, написанном в ноябре 1679 г.¹⁹⁰ А Геден Святополк-Четвертинский заметил, что «унияты» на будущем съезде в Люблине могут укорить православных в том, что они пребывают «без совершенного митрополита».¹⁹¹ Но ведь стоило лишь поставить печерского архимандрита с разрешения константинопольского патриарха законным митрополитом в Москве, как вопрос с подобными укорами и с соперничеством между православными архиереями был бы решен!

Если никаких известий о возможном рукоположении Гизеля в митрополиты нигде не обнаруживается, то неужели грамота Парфения IV все же должна датироваться более поздним временем? Не могут же все приведенные наблюдения относительно ее датировки на самом деле быть совершенно неверными? Ведь в таком случае, почему и в 1682–1683 гг., когда гетман Самойлович действительно задумался о выборах митрополита, в документах не имеется никаких намеков на то, что на кафедру можно было бы рукоположить Иннокентия Гизеля? Каким же образом имя печерского архимандрита появилось в загадочной грамоте, и кто мог все-таки выбрать именно его кандидатом на киевский престол? Прежде чем предложить возможный ответ на этот вопрос, стоит вернуться назад еще дальше и разобраться, каким образом предыдущий киевский митрополит Иосиф Нелюбович-Тукальский получил ставленую грамоту от константинопольского патриарха.

Ставленная грамота владыки Иосифа Тукальского

Иосиф Нелюбович-Тукальский очень долго, с 1663 г., ожидал получения патриаршей благословенной грамоты для законной интронизации, оставаясь в положении «нареченного митрополита» — т. е.

---

¹⁸⁸ См., например, письма игумена Иакова Карасинского: *Воссоединение*. С. 147–149.

¹⁸⁹ Там же. С. 151–152, 191.

¹⁹⁰ Там же. С. 240–241.

¹⁹¹ Там же. С. 245.

избранного, но не получившего патриаршего благословения. Первая попытка, как уже говорилось выше, сделанная сразу после избрания, не удалась. Позже, когда, возможно, константинопольский патриарх принял какое-то иное решение, отправив некие грамоты Мефодию Филимоновичу — они затерялись. В результате киевский престол в течение нескольких лет оставался без митрополита, рукоположенного или интронизированного константинопольским патриархом в соответствии с канонами. Среди тех, кто был обеспокоен отсутствием законного иерарха на кафедре, видную роль играл печерский архимандрит Иннокентий Гизель.

3 мая 1666 г. (ст. ст.) в Киево-Печерском монастыре произошла примечательная встреча духовенства с московским дьяком Евстратием Фроловым, который в конце мая информировал приказное начальство о положении дел в Киеве.¹⁹² После трапезы узкий круг лиц, в числе которых и киевский местоблюститель Мефодий Филимонович, были приглашены в «архимаричью келью», где в узком кругу собранных Иннокентием Гизелем гостей они продолжили свои разговоры, а также «пили бояр и околничих про здоровья». На предложение же дьяка Фролова выпить за здоровье гетмана Ивана Брюховецкого, пожалованного в Москве боярским титулом, компания внезапно ответила твердым отказом. Из этого дьяк сделал неутешительный вывод, что здесь «боярина и гетмана конечно не любят и добра ему не хотят». По объяснениям, полученным от присутствующих, выходило, что их отношение к гетману было обусловлено распространившимся среди духовенства слухом, будто бы гетман «великому государю бил челом и в статьях подал, чтоб в Киеве быть московскому митрополиту».¹⁹³

Особенное недовольство высказывал Гизель: не только на этом небольшом приеме в своей келье, но и 5 мая, в храме Святой Софии прямо «во время божественные литургии» (если верить свидетельству дьяка Фролова) архимандрит сказал целую «речь», выражая свое недоумение: «Для де чего боярин и гетман великому государю бил челом в Киеве быть митрополиту московскому? И тем де он их к великому государю ставит неверными. А в Киеве де искони московского митрополита не было, потому что Киевская митрополия под благословением у константинопольского патриарха, и ныне де они послали о том у великого государя милости просить Кириловского монастыря игумена, чтоб великий государь пожаловал их, поволил им на Киевскую митрополию обрать меж себя из киевского духовен-

¹⁹² АЮЗР. Т. 6. СПб., 1869. С. 103–104.

¹⁹³ Там же. С. 103.

ства».¹⁹⁴ Гизель же еще и жаловался, что казаки разоряют и грабят владения монастыря, а со стороны гетмана не проводится никаких разбирательств и наказания виновных.

В узком кругу собравшихся в «архимаричьей келье» многие не только были недовольны гетманом Брюховецким, но и высказывали свое намерение служить Москве. В обсуждениях их планов часто упоминались и переговоры с правобережным гетманом Петром Дорошенко, который также, как кажется, склонялся на сторону московского царя. Среди приглашенных тогда присутствовал киевский полковник Василий Дворецкий, который разделял взгляды собравшихся: он не желал более служить Брюховецкому, а намеревался перейти под непосредственное командование московского воеводы Шереметева.¹⁹⁵ При этом Дворецкий сообщил дьяку, что епископ Мефодий Филимонович посылал в Чигирин (то есть к Петру Дорошенко) «сговаривать людей, чтоб великому государю вины свои принесли и учились под его, великого государя, высокодержавною рукою по-прежнему. И чигиринские де жители к тому склонны. Да и Дорошенко де говорил, что он тому рад был, да опасно боярина и гетмана [Брюховецкого. — В. Ч.], сделает его без головы или к Москве отошлет; добро б де его епископ, боярин и гетман листами обнадежили, что ему лиха не будет, то б де они над лехами и промыслять стали».¹⁹⁶

Этот узкий круг людей, состоящий из представителей казацкой элиты (подобных Дворецкому) и из киевского духовенства, среди которых Гизель был, возможно, одной из самых влиятельных персон, уже в то время был в курсе ведущихся переговоров с гетманом Дорошенко с целью склонить его на сторону московского царя. Примечательно при этом, что владыка Мефодий Филимонович, который, если верить Дворецкому, вел переговоры с Чигирином, именно Гизеля обвинял перед московским правительством в связях с Дорошенко. Гизель же оправдывался тем, что с Дорошенко он поддерживал контакты лишь ради того, чтобы обеспечить безопасность монастырских владений от казацких грабежей.¹⁹⁷

---

¹⁹⁴ АЮЗР. Т. 6. С. 104–105. См. об этой встрече: *Сумцов Н. Ф.* Иннокентий Гизель. С. 12–13; *Морозов О.* Ніжинський протопоп Максим Филимонович. С. 102–103. Об известной угрозе Иннокентия Гизеля и киевского духовенства запереться в монастырях в случае, если митрополита пришлют из Москвы, и не принять его, см.: *Сумцов Н. Ф.* Иннокентий Гизель. С. 194; *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние... С. 194–195; *Kohut Z. E.* Servant of the Tsar... P. 440; *Морозов О.* Ніжинський протопоп Максим Филимонович. С. 100.

¹⁹⁵ АЮЗР. Т. 6. С. 104. См. также: *Морозов О.* Ніжинський протопоп Максим Филимонович. С. 102–103.

¹⁹⁶ АЮЗР. Т. 6. С. 104.

¹⁹⁷ *Сумцов Н. Ф.* Иннокентий Гизель. С. 15.

Некоторые тогда возлагали надежды на готовившийся в Москве собор 1666–1667 гг.: собравшиеся в русской столице для суда над московским патриархом Никоном восточные патриархи могли бы решить и вопрос о киевской кафедре. В марте 1667 г. архимандриту Иннокентию Гизелю было обещано, что «о выборе митрополита на митрополию Киевскую его, великого государя, указ будет им впредь, как вселенские и московские святейшие патриархи на освященном соборе учинят».¹⁹⁸ Однако Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский, прибывшие в Москву на собор, не решились в отсутствие константинопольского патриарха (им тогда был тот же Парфений IV) обсуждать вопрос о его епархии, тем более что этому воспротивились присутствовавшие там черниговский архиепископ Лазарь Баранович и местоблюститель митрополии Мефодий Филимонович.¹⁹⁹ Киевская кафедра, таким образом, продолжала оставаться без утвержденного в соответствии с канонами митрополита.

А в конце 1667 г. гетман Брюховецкий, которым была так недовольна часть киевского духовенства, и сам перешел на сторону Петра Дорошенко. Как и правобережный гетман, он был разочарован заключением Андрусовского перемирия между Московским государством и Речью Посполитой, предполагавшим раздел между ними украинских земель.²⁰⁰ Планы Брюховецкого, до сих пор тесно сотрудничавшего с московским правительством, в союзе с Дорошенко воспрепятствовать этому договору, перейдя в подданство османского султана, сказались и на судьбах киевской митрополичьей кафедры.²⁰¹ В результате соперничества между двумя гетманами за власть уже летом 1668 г. Брюховецкий был убит,²⁰² а владыка Мефодий Филимонович, как подстрекавший к мятежам (по доносам самого же Брюховецкого) и как подозреваемый по делу об измене гетмана царю, оказался в заключении в московском Новоспасском монастыре.²⁰³ Но если этот кан-

¹⁹⁸ Воссоединение. С. 361.

¹⁹⁹ *Эйнгорн В. О.* Очерки из истории Малороссии... С. 389–395; *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние... С. 199–200; *Морозов О.* Ніжинський протопоп Максим Филимонович. С. 105.

²⁰⁰ *Kohut Z. E.* The Making of Cossack Ukraine... P. 77–78. См. подробнее об антипольских и антимосковских настроениях в это время: *Michels G.* Replacing Tsar, King, and Emperor... P. 156–157.

²⁰¹ *Горобець В.* Гетьман Руїни. Іван Брюховецький та Москва. Київ, 2017. С. 220–222.

²⁰² *Кравець М., Остапчук В., Ченцова В.* Додатковий лист... С. 291, 320.

²⁰³ *Морозов О.* Ніжинський протопоп Максим Филимонович. С. 109–119; *Кочегаров К. А.* Ссылный епископ Мефодий Филимонович... С. 75–82. О том, как Мефодий Филимонович, обеспокоенный окончательной утратой для себя киевской кафедры и местоблюстительства, в 1667 г. пытался вести переговоры с А. Л. Ординым-Нащокиным, предупреждая его об опасном росте влияния Дорошенко, см.: *Kohut Z. E.* Servant of the Tsar... P. 442.

дидат на митрополичью кафедру оказался выведен из игры, то другие претенденты продолжили борьбу за получение ставленной грамоты от константинопольского патриарха.

В 1667 г. в Адрианополе вместе с польским посольством оказался «бывший архидьякон отца митрополита Виницкого». Этот архидьякон, как сообщал анонимный автор реляции о пребывании при султанском дворе присланного гетманом Петром Дорошенко посланца Радкевича-Портянки, «приехал с послом к патриарху по благословение новому митрополиту».²⁰⁴ Однако никакого благословения Антоний тогда не получил, а само посольство было принято хуже, чем тогда же находившееся в городе посольство гетмана Дорошенко.²⁰⁵ И вскоре после неудачной попытки польского посольства получить патриаршее благословение константинопольский патриарх Мефодий дал свою ставленную грамоту на митрополию Иосифу Нелюбовичу-Тукальскому. В марте 1668 г. к султанскому двору от гетмана Дорошенко прибыли послы Иван Васильковский и Григорий Снитковский.²⁰⁶ Тогда же, 6 марта 1668 г. (ст. ст.), вселенский патриарх Мефодий грамотой, подписанной членами синода, утвердил Иосифа Тукальского митрополитом Киевским, Галицким и всея Руси, экзархом Константинопольского престола. Грамота была адресована духовенству и «всем православным христианом», «в пресветлой Короне Польской и Великом князьстве Литовском и Руском обретающимся, к святейшей же митрополии Киевской прислушающим», «также и ясневельможному его милости пану Петру Дорошенку, великому гетману, и всему правоверному и славному воинству его Запорожскому».²⁰⁷ Упоминание в тексте имени гетмана следует признать на-

---

²⁰⁴ Кочегаров К. А. Казацкое посольство М. Радкевича-Портянки к турецкому султану в 1667 году // Славяноведение. 2014. № 4. С. 70.

²⁰⁵ Там же. С. 66–68.

²⁰⁶ Григор'єва Т. Турецьке підданство гетьмана Петра Дорошенка: умови та церемоніал його визнання // Записки НТШ. Т. 270: Праці Історично-філо-софської секції. Львів, 2017. С. 454–456; Кравець М., Остапчук В., Ченцова В. Додатковий лист... С. 289, 318–319.

²⁰⁷ АЗР. Т. 5. С. 114–116. № 71. О грамоте подробнее см.: Кравець М., Остапчук В., Ченцова В. Додатковий лист... С. 289–290. Пока загадкой остается то, каким образом известный историк и архивист Д. И. Зубрицкий, обнаруживший текст перевода патриаршей ставленной грамоты Иосифа Нелюбовича-Тукальского 1668 г. во Львове, в собрании Львовского Ставропигийного института, мог там же видеть и греческий оригинал документа. Это указано в примечании к сделанной Археографической комиссией на основе переданного им перевода публикации: «Доставлен в Археографическую комиссию г. корреспондентом Зубрыцким, который замечает, что греческий подлинник этой грамоты, писанный на большом александрийском листе, с подписями патриарха и 18 архиереев и с печатью, вытиснутою на черновосковой массе, хранится в библиотеке Львовского Ставропигияльного института» (АЗР. Т. 5. С. 116).

стоящим переворотом в принятом порядке поставления киевских митрополитов.

Выборы киевских митрополитов по «древнему обычаю» проходили на соборе при участии не только местного духовенства, но и светских лиц. На практике их исход зависел прежде всего от правителя государства. В XVI–XVII вв. своим «привилеем» кандидата должен был утвердить король Речи Посполитой, после чего митрополит мог получить ставленую грамоту от константинопольского патриарха.²⁰⁸

Судя по этому примечанию, ученый не счел нужным копировать или пересылать подлинник в Санкт-Петербург, и грамота должна была остаться в библиотеке Института. В собрании Центрального государственного исторического архива Украины во Львове (ф. 129), где хранятся документы Успенского ставропигиального братства (Ставропигийского института), ее обнаружить не удалось, несмотря на хорошую сохранность фонда. Не удалось найти документ и в коллекции Д. И. Зубрицкого в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. См.: Путеводитель по Архиву Ленинградского Отделения Института истории. С. 185, 398; *Курдюмов М. Г.* Описание актов, хранящихся в архиве Археографической комиссии: Коллекции. Пг., 1923. (ЛЗАК за 1918 г. Вып. 31). С. 154–162. Грамота, очевидно, должна была быть прислана к самому Иосифу Тукальскому. Перевод ее, который был обнаружен Д. И. Зубрицким во Львове, был получен также, предположительно, в апреле 1669 г. и через московскую посольскую миссию в Мигновичах близ Смоленска от А. Л. Ордина-Нащокина, попав в архив приказа Тайных дел (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1669 г. Д. 10. Л. 17–27, сравн. л. 1. Издание этого списка: АЮЗР. Т. 9. СПб., 1877. Стб. 1–7). Московский список хранится вместе с запиской о политическом положении и необходимости подчинения Киевской митрополии московскому патриарху от А. Л. Ордина-Нащокина (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1669 г. Д. 10. Л. 1–16 об. Издание: АЮЗР. Т. 9. Стб. 7–20). Опубликованная копия из львовского собрания лишь незначительно отличается от списка из московского архива: в ряде случаев изменена орфография отдельных слов, константинопольская кафедра названа «престолом», а не «троном». Самым же любопытным отличием является то, что подписи в том переводе, с которого были переписаны и львовская копия, и московская, видимо, были расположены двумя столбцами. В издании подписи архиереев оказались не в том порядке, в котором они помещены в московской копии документа, а «через одну». Это свидетельствует о том, что во львовской копии оба столбика могли быть переданы «в строчку» единым текстом, а в документе московского архива был переписан сначала один столбик подписей, а потом второй. Перевод ставленной грамоты Иосифа Тукальского, видимо, распространялся среди православных Киевской митрополии, поскольку он был нужен для их информирования о признании его прав на митрополию Константинопольским патриархатом. Мог ли во Львов для той же цели быть передан и греческий подлинник? Однако кем и в какое время — остается неясным.

²⁰⁸ Н. А. Синкевич отметила, что вопрос о легитимизации предстоятелей Киевской митрополии польским королем был настолько важен, что в «Патериконе» киевского митрополита Сильвестра Косова подчеркивается избрание на кафедру Иова Борецкого с согласия короля Сигизмунда III. При том, что, разумеется, это не было правдой — Иов Борецкий был поставлен тайно от польских властей иерусалимским патриархом Феофаном III в 1620 г.: *Синкевич Н. А.* 1) Два вектора православной идентичности в Украине XVII в.? Москва и москвиты в двух произведениях могиллянского времени // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского

С 1663 г. константинопольские патриархи не давали благословения ни одному из претендентов, избранных на митрополию. Не желая утверждать пропольского кандидата, патриарх не мог дать свою грамоту и его сопернику, поскольку тот не имел бы согласия на свое избрание со стороны светских властей Речи Посполитой.

Признание со стороны Константинопольского патриархата запорожского гетмана, которому направлялась грамота, законной «светской властью», утверждающей избранного архиерея, позволяло разрешить сложившуюся тупиковую ситуацию. Разумеется, оно было невозможно без содействия османского правительства, стремившегося в 1668 г. к тому, чтобы Дорошенко закрепил свою власть на территории по обе стороны Днепра в связи с начавшимися переговорами о его подданстве султану.²⁰⁹ Не случайно нежинский протопоп Симеон Адамович в октябре 1668 г. сообщил в Москву о том, что Иосиф Тукальский по просьбе Дорошенко получил не только патриаршую грамоту, но и султанский «привилей» на Киевскую митрополию.²¹⁰ Это известие подтверждает и «Летопись Самовидца»: патриарх Мефодий, как там сказано, утвердил Иосифа Тукальского митрополитом с разрешения султана, и «соборно» было решено, «жеби нехто инший не отзивался метрополитом и архиепископом киевским».²¹¹

В 1668 г., таким образом, имел место важный прецедент: впервые константинопольский патриарх дал свою ставленную грамоту киевскому митрополиту, указав гетмана Дорошенко в качестве светского правителя-«гаранта» законности выбора предстоятеля киевской кафедры. Благословение владыке Иосифу не согласовывалось с королем, хотя речь в грамоте шла о православных, «в пресветлой Короне Польской и Великом княжестве Литовском и Руском обретающимся» —

(не)единства. М., 2017. С. 286–287; 2) «Изобретение традиции»: агиографические и исторические нарративы православной Киевской митрополии XVII в. // Нарративы Руси конца XV — середины XVIII в.: в поисках своей истории. М., 2018. С. 280. Возможно, окончательное утверждение этого обычая следует связывать с падением Византийской империи: вместо византийского императора избрание митрополитов вне Османской империи стали утверждать местные правители. См.: *Chentsova V. Orthodoxie slave // Annuaire de l'École pratique des hautes études. Section des sciences religieuses. 2025. Т. 132. Р. 485–486.* Обычай избрания епископов (но не митрополита!), впрочем, существовал на территории Киевской митрополии и в византийское время: *Чибисов Б. И. Избрание епископов на Руси: каноны и практика // Труды Института российской истории. Вып. 12. М., 2014. С. 30, 37–39.*

²⁰⁹ *Кравець М., Остапчук В., Ченцова В.* Додатковий лист... С. 288–293.

²¹⁰ АЮЗР. Т. 7. С. 92; *Флоря Б. Н.* Иосиф (Нелюбович-Тукальский). С. 642; *Кравець М., Остапчук В., Ченцова В.* Додатковий лист... С. 290.

²¹¹ Летопись самовидца о войнах... С. 56; Литопис самовидця. С. 110.

то есть обо всей территории епархии.²¹² В мае 1668 г., видимо, уже получив патриаршее благословение, Тукальский разослал свою окружную грамоту духовенству и пастве, «их милостям паном обывателям коронным и великаго княжества Литовского», ко всем православным, находящимся «в послушании святейшаго архиепископа Константинопольа Новаго Рима и вселеньскаго патриарха нашего, а под щастливым панованием его королевской милости, пана нашего милостиваго, пребывающим», призывая быть «послушным» ему как законному владыке. Весьма примечательно, что в своей окружной грамоте он все-таки не ссылается на гетмана, а утверждает, что это послушание ему следует оказывать, как «могутством его королевской милости, пана моего милостиваго, утвержденному» на Киевскую митрополию и получившему благословение патриарха.²¹³ Это было неправдой лишь отчасти: изначально король действительно утвердил избрание Иосифа Тукальского на митрополию, хотя позже и предпочел дать свой «привилей» Антонию Винницкому.

Не удивительно, что митрополит Иосиф, несмотря на получение от патриарха Мефодия ставленной грамоты, вынужден был продолжать борьбу за киевский престол. Это явно было следствием не вполне «законного», с точки зрения бытовавшей традиции, поставления не по королевскому, а по гетманскому разрешению, с которым далеко не все готовы были согласиться. Дорошенко же начал добиваться признания нового порядка от польско-литовских властей. В феврале 1670 г. запорожские делегаты на польский сейм получили от него инструкцию, в которой имелось также требование изменения порядка выбора киевского предстоятеля, в котором участвовали бы «все духовные и мирские руского православного украинского народа чины с гетманом и с Войском Запорожским». Право утверждать владыку должно было быть предоставлено именно Войску, причем оговаривалось специально, чтоб «за украинскою границею нарицатися митрополитом киевским никому не допускали».²¹⁴

---

²¹² *Кравець М., Остапчук В., Ченцова В.* Додатковий лист... С. 289–290. Это произошло тогда впервые со времени поставления Феофаном III Иерусалимским в 1620–1621 гг. архиереев на митрополичью и епископские кафедры Киевской митрополии. Тогда конфликт с королем удалось урегулировать лишь после возвращения к прежнему порядку поставления православных иерархов при избрании киевским митрополитом Петра Могилы и смещения незаконно, с точки зрения принятой практики, возведенных на кафедры архиереев.

²¹³ АЗР. Т. 5. С. 117.

²¹⁴ АЮЗР. Т. 9. Стб. 204. См.: *Крикун М.* Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ, 2006. С. 214–215; *Shiyan R. I.* Between Faith and Country... Р. 379; *Kohut Z. E.* The Making of Cossack Ukraine... Р. 100. Король Ян Собеский, со своей стороны, продолжал твердо

Патриаршее благословение Иосифу Тукальскому стало важным прецедентом. Позже, когда в 1686 г. константинопольский патриарх и синод дали свое разрешение на рукоположение киевских митрополитов в Москве, в роли светской власти, обеспечивающей выборы митрополита, вновь выступил гетман, на сей раз — Иван Самойлович, имя которого также было прямо названо в грамотах. Синодальные решения 1686 г., таким образом, являются продолжением заложенной в 1668 г. при Дорошенко новой практики и нового понимания «обычая». В их тексте закреплялось признаваемое патриархами право именно казацких гетманов на проведение собора для избрания митрополита на вакантную кафедру: «увещеванием и позволением тамошняго великого преславного гетмана», «позволением и увещеванием по времени сущу прясного и благочестивого гетмана Запорожского Войска и обоих стран Днепра».²¹⁵

Грамоты 1668 г. и, позже, 1686 г., таким образом, называют имя правителя-адресата документа, грамота же патриарха Парфения IV (или, во всяком случае, ее перевод) обозначает избравших Иннокентия Гизеля на вакантную кафедру лишь «духовными и свецкими електорами», не уточняя имени того, кто был их главой. Мы можем, впрочем, с уверенностью предполагать, что речь идет не о короле Речи Посполитой, который вряд ли мог согласиться на избрание митрополитом печерского архимандрита и на обращение к константинопольскому патриарху ради его поставления. Этим главой «електоров», таким образом, определенно был гетман. Один из тогдашних гетманов.

Иннокентий Гизель, Иосиф Тукальский, Петр Дорошенко

Как уже было сказано выше, не все духовенство Киевской митрополии было готово признать Иосифа Тукальского законным митрополитом, несмотря на полученную им ставленную грамоту. Но среди этих признавших, по утверждению самого владыки Иосифа Тукальского, все же было несколько влиятельных представителей духовенства — черниговский архиепископ Лазарь Баранович и «Печерского

стоять на том, что в соответствии с «коронными правами и конституциями» кандидат на киевскую кафедру должен быть «жителем Короны» (Воссоединение. С. 320–321). Считая тогда необходимым для «элекции» митрополита духовными и светскими выборщиками возвращение Киева под власть Речи Посполитой, король явно не намеревался отказываться от своего права контролировать такие выборы.

²¹⁵ Ченцова В. Г. 1) Синодальное решение 1686 г. ... С. 101–106; 2) Киевская митрополия... С. 394, 398, 403, 406.

монастыря архимарит» Иннокентий Гизель, а также некоторые «прочие игумены Киевских монастырей». ²¹⁶

То, что среди них оказался печерский архимандрит — не удивительно. С Иосифом Тукальским Гизель поддерживал связи с давнего времени: в 1658 г. печерский архимандрит вместе с будущим киевским митрополитом (а в те времена — лещинским архимандритом) обратились с посланием-проповедью к царю Алексею Михайловичу, призывая его защитить православных в Польско-Литовском государстве от «злохитрых врагов» и стать для всех «истинным христианским цесарем». ²¹⁷ В 1669 г. между Московским государством и Речью Посполитой продолжались переговоры о судьбе Киева и о переезде митрополита Иосифа Тукальского на свою кафедру. Иннокентий Гизель тогда энергично хлопотал о признании в Москве получившего ставленую грамоту киевского митрополита: «...Из давних лет мне и всем есть се достоверно, что преосвященный Иосиф Нелюбович-Тукальский, иже от православных прежде лет пяти в архиепископа и митрополита Киевскаго избран, а сего году святейшим Мефодием, патриархом Константинопольским, присланною сакрою и ексаршеством благословен, муж мудрый, благочестивый, во всем искусный, православия презелный ревнитель, веры святыя восточныя столп непоколебимый, вашему же царскому пресветлому величеству от всего сердца временных и вечных благ желатель и работати вечно добротен... Достоверно бо есть нам его по бозе житие, и надеемся, что и тем казаки шатости и с турки соединятися не похотят, егда сей митрополит в Киеве по своему сану сидеть будет, который и вашему царскому величеству не безпотребен обрящется». ²¹⁸ При этом оба представителя киевского духовенства, как было известно, «великую любовь меж собою и в народах силу имеют», ²¹⁹ поддерживая переписку, в которой обсуждались и перспективы перехода Дорошенко на сторону Москвы. ²²⁰

²¹⁶ АЮЗР. Т. 7. С. 77.

²¹⁷ АЮЗР. Т. 4. СПб., 1863. С. 83–87. См.: *Shiyan R I. Between Faith and Country...* Р. 375–376, 380.

²¹⁸ АЮЗР. Т. 8. СПб., 1873. С. 131–132. См.: *Сумцов Н. Ф.* Иннокентий Гизель. С. 14–15. *Когут З.* Вплив політики на Інокентія Гізеля... С. 17–19; *Kohut Z. E.* 1) *Servant of the Tsar...* Р. 444–445; 2) *The Making of Cossack Ukraine...* Р. 82; *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 295–296.

²¹⁹ АЮЗР. Т. 6. С. 245.

²²⁰ АЮЗР. Т. 6. С. 258; *Эйнгорн В. О.* Очерки из истории Малороссии... С. 576–599, 915–921; *Сумцов Н. Ф.* Иннокентий Гизель. С. 14; *Kohut Z. E.* 1) *Servant of the Tsar...* Р. 443; 2) *The Making of Cossack Ukraine...* Р. 87–88; *Michels G.* *Replacing Tsar, King, and Emperor...* Р. 152. После получения Иосифом Тукальским ставленой грамоты

Несмотря на усилия архимандрита Гизеля добиться разрешения на приезд владыки в Киев, московские власти не желали принимать и признавать ставшего благодаря патриаршей грамоте законным киевским митрополитом Иосифа Тукальского. Отношения с новым митрополитом оказались более чем холодные: в корреспонденции Тукальского называли не полным его титулом, а просто «митрополитом», давая понять, что пока не собираются ни признавать его предстоятелем киевской кафедры, ни допускать в Киев.²²¹ По мнению Н. Ф. Сумцова, столь сдержанное отношение к новопоставленному митрополиту объяснялось тем, что «в Москве не знали ни прощения, ни снисхождения. Здесь признавали только наличную услугу и расплачивались за нее соболями».²²² Однако только ли столь патетически обозначенным жестокосердием руководствовались при царском дворе?

Как представляется, в Москве прекрасно понимали, что Дорошенко, лавируя между несколькими возможными союзниками и покровителями, пытается сохранить свою власть, и киевский митрополит, который с ним тесно связан, отнюдь не намерен заботиться о царских интересах. На призывы Гизеля допустить киевского митрополита на его кафедру 19 апреля 1669 г. (ст. ст.) он получил ответ со ссылкой на польские власти: «Да ты же писал о митрополите Тукальском, что он нам, великому государю, нашему царскому величеству служит и во всем радеет, и чтоб ево пожаловать ныне в Киев на митрополию. И мы, великий государь, наше царское величество, вам, архимариту Инокентию Гизелю, ведомо чиним, что митрополиту Тукальскому ныне в Киев за некоторыми меры ехать и быть на митрополии невоз-

---

от константинопольского патриарха (о чем сообщил местоблюститель киевского престола Мефодий Филимонович) московские власти начали требовать от киевского духовенства дать разъяснения относительно своего отношения к новому митрополиту. Несколько влиятельных его представителей вынуждены были послать в Москву объяснения, считают ли они Тукальского законным митрополитом или нет и имеют ли какие-либо контакты с гетманом Дорошенко. Не только Иннокентий Гизель, но и игумен киевского Никольского монастыря Алексей Тур, игумен Михайловского Златоверхого монастыря Феодосий Софонович, игумен Кирилловского монастыря Мелетий Дзик, игумен Братского монастыря Варлаам Ясинский, выдубецкий игумен Феодосий, межигорский игумен Иоанн Станиславский утверждали, будто не брали благословения у Иосифа Тукальского как у митрополита, но лишь как у архиерея (до своего избрания митрополитом Иосиф был мстиславским и оршанским епископом): АЮЗР. Т. 7. С. 71–74. Это не означает, впрочем, что все они в самом деле не признали владыку Иосифа законным митрополитом.

²²¹ АЮЗР. Т. 11. СПб., 1879. Стб. 203, 207. О планах А. Л. Ордина-Нащокина, предлагавшего в это время переход киевского митрополита в юрисдикцию московского патриарха см.: *Эйнгорн В. О.* Очерки из истории Малороссии... С. 578–601; *Kohut Z. E.* 1) *Servant of the Tsar*... P. 443; 2) *The Making of Cossack Ukraine*... P. 156.

²²² *Сумцов Н. Ф.* Иннокентий Гизель. С. 15.

можно, потому что у нашего царского величества договорено с Корунною польскою о Киеве и о иных наших государских делах быти общему съезду. А что на том общем съезде договорят и постаноят, и в то время ему, митрополиту, наш, великого государя, нашего царского величества указ будет».²²³

Такой же холодный отказ получил и Иосиф Тукальский, названный в обращении просто «митрополитом», без «киевского»: «В нынешнем во 177-м году апреля в 12 день писал ты к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, чтоб тебе поволити ехать в Киев и быти на митрополии и маестностями, которыми прежние владыки владели, тебе бы владеть. И мы, великий государь, наше царское величество, ведомо тебе чиним, что ныне в Киев за некоторыми мерами ехать и быть на митрополии тебе невозможно».²²⁴ Объяснение причин отказа дословно повторяло то, что было дано Иннокентию Гизелю. Московская сторона в переговорах о приезде митрополита в Киев, таким образом, довольно определенно высказалась в том смысле, что союзнические отношения с польским королем не позволяют ей пренебречь договоренностями и признать Иосифа Тукальского законным киевским владыкой. Формальным поводом непризнания в Москве могло также стать и отсутствие королевского согласия на поставление Иосифа Тукальского в митрополиты, хотя о нем и не было упомянуто. Такой явный отказ «защищать православие», казалось бы, должен удивлять. Однако нет никакого сомнения в том, что в Москве хотели сохранить за собой контроль над Киевской митрополией, и царский двор совсем не устраивал митрополит, ориентирующийся на Дорошенко и его османских союзников (несмотря на начатые гетманом еще до заключения Андрусовского мира переговоры о переходе в царское подданство).

Владыка Иосиф не случайно поддерживал тесные связи с Иннокентием Гизелем, который так хлопотал о его допуске на киевский престол. Судя по всему, печерский архимандрит, как и митрополит, также был в контакте с гетманом Дорошенко, но при этом имел совершенно иные политические планы. Еще с того времени, когда в «архимаричьей келье» собрались сторонники московских властей

---

²²³ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. 1669 г. Д. 70. Л. 19–20. Далее в тексте зачеркнуто: «И о том бы тебе отписать к нему, митрополиту, чтобы он тово себе во оскорбление не поставил и подождал до тех мест, покаместа посольские съезды минутца». Таким образом, предложение не обижаться на царские власти хотя и было зачеркнуто, но, видимо, подразумевалось в ответе. Все, якобы, зависело от договоренности с польской стороной.

²²⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. 1669 г. Д. 70. Л. 20а (Изд.: АЮЗР. Т. 8. № 41. С. 145–146).

и переговоров с чигиринским гетманом, Иннокентий Гизель не оставлял надежд на то, что Дорошенко в конечном счете перейдет на сторону царя.²²⁵ В 1667 г., когда Дорошенко после Андрусовского договора между Московским государством и Речью Посполитой начал склоняться к союзу с Портой, киевский воевода Шереметев советовал московским властям именно через Гизеля вести переговоры с Дорошенко о том, чтобы тот не вступал в союз с иноверными — с османским султаном.²²⁶ Тогда архимандрит призвал гетмана оставить союз с татарами, и как в древности, когда «сие наши славные народы крайние российские украинские в славе доброй, в вере православной, в крепости и во всяком изобилии пребывали и всему свету страшны бывали», вновь обратиться за защитой «православных христианских монархов, великих князей российских».²²⁷ Однако начавшиеся после ратификации Андрусовского договора переговоры кончились тем, что недовольный гетман Дорошенко решил ориентироваться в политике на союз с Османской империей и подданство султану.

Владыка Иосиф Нелюбович-Тукальский скончался 26 июля 1675 г. (ст. ст.) там же, где и прожил последние годы — в Чигирине, городерезиденции Дорошенко. До последних дней он поддерживал проосманский курс гетмана. В «Продолжении истории великих визирей» парижский правовед Франсуа де Шассполь описал переговоры Петра Дорошенко с запорожским кошевым атаманом Иваном Серко, которые привели к принесению гетманом в октябре 1675 г. присяги московскому царю. Тогда Дорошенко растоптал некий заключенный им «договор» с султаном и «завещание греческого митрополита» («le testament du Metropolitan Grec»), который призывал его оставаться верным Порте.²²⁸ Речь здесь идет, разумеется, об Иосифе Нелюбовиче-Тукальском, к тому времени уже покойном. Однако в 1675 г. капитуляция гетмана еще не положила окончательного конца его политической карьере. В январе следующего, 1676, года умер царь Алексей Михайлович, и Дорошенко попытался продолжать лавирование между Османской империей и Московским государством, надеясь выйти победителем в борьбе со своими политическими соперниками.

²²⁵ Kohut Z. E. The Making of Cossack Ukraine... P. 76–77, 86–88, 99.

²²⁶ Эйнгорн В. О. Очерки из истории Малороссии... С. 421–425, 448–449; Kohut Z. E. 1) Servant of the Tsar... P. 441; 2) The Making of Cossack Ukraine... P. 76–77.

²²⁷ АЮЗР. Т. 6. С. 229; Kohut Z. E. 1) Servant of the Tsar... P. 441; 2) The Making of Cossack Ukraine... P. 77. Отметим созвучность этого обращения изложению «Синописа», изданного «по благословению» Иннокентия Гизеля в 1674 г. См. далее.

²²⁸ Chassepol F. de. Continuation de l'histoire du grand vizir Acmet Coprogli Pacha, et du Grand Seigneur Mahomet IV a present regnant. Paris, 1679. Т. 3. Р. 260. О капитуляции Дорошенко см.: Кравець М., Остапчук В., Ченцова В. Додатковий лист... С. 297–300.

Чем же был занят Иннокентий Гизель, давно поддерживавший связи с Дорошенко и осуществлявший посредничество в переговорах с Москвой, в последние месяцы пребывания гетмана в Чигирине? В августе 1676 г., т. е. чуть позже того времени, когда предположительно могла быть подписана синодальная грамота (если датировать ее периодом с конца мая до 19 июля 1676 г.), печерский архимандрит получил довольно интересные письма, впрочем, совсем не связанные с церковными делами. 6 августа 1676 г. (ст. ст.?) немировский староста (подстароста) Степан Куницкий²²⁹ писал архимандриту Иннокентию Гизелю о недовольстве османских властей гетманом Дорошенко и для чего-то отправил ему список с написанного по-польски в Яссах письма Игната (Гната) Шулги, одного из близких к гетману полковников.²³⁰ Как указано в послании к архимандриту, подлинник письма Шулги был переслан отправителем в Чигирин, в ставку к самому Дорошенко. Письмо к Гизелю и список с письма Шулги попали в Москву 25 августа 1676 г. (ст. ст.), привезенные стрельцом Ивашкой Ивановым «Максимова приказу Лупандина» с отпиской московского воеводы Алексея Андреевича Голицына из Киева.²³¹

Содержание письма Куницкого к Гизелю весьма неожиданно: речь идет о перемещениях польских коронных войск к Каменцу-Подольскому, о переписке с «великим боярином и воеводой киевским», имя которого он пытается узнать у Гизеля, поскольку оно ему оказалось неизвестно (речь, видимо, идет о Голицыне). Также Куницкий просит архимандрита, «чтоб честность твоя отписал к Петру Дорошенку, дабы, отменив свои первые мысли, истинною царскому величеству московскому и желателно служил».²³² Примечательно, что Куницкий не решается писать о том же к Самойловичу: «Также писал бы я и к господину гетману заднепрскому, к Самойловичю, но сомневаюсь, приятелно ли примет, или ни».²³³ Судя по всему, Куницкий не сомневается, что Гизель поддерживает контакты с Дорошенко, и есть смысл, чтобы он подал гетману свой совет «желателно служить» московскому царю.

---

²²⁹ См. о нем: *Кривошея В.* Генеалогія українського козацтва. Білоцерківський полк. Київ, 2002. С. 51–52; *Чухліб Т.* Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи. Київ, 2004. С. 172–188; *Кочегаров К. А.* Неизвестная грамота сучавского митрополита Досифея о расторжении брака гетмана правобережных казаков Стефана Куницкого (1683 г.) // *Славянский альманах*. 2021. № 3–4. С. 442–443.

²³⁰ *Флоря Б. Н.* Украинская старшина в контактах между Россией и Левобережным гетманством в годы правления Демьяна Многогрешного (1669–1672 гг.) // *Славянский альманах*. 2021. № 3–4. С. 19.

²³¹ АЮЗР. Т. 12. Стб. 710–711.

²³² Там же. Стб. 712.

²³³ Там же.

В «листе» от Шулги к Дорошенко, пересланном Гизелю, сообщалось о смерти возглавлявшего османскую армию на Дунае Ибрагим-паши²³⁴ и назначении нового командующего. Эта смерть привела к дезорганизации войск («воинское дело зело помешалось меж войском у Дуная») и начавшимся переговорам о мире «с поляки».²³⁵ Шулга предупреждал гетмана и о возможных попытках его убийства со стороны «бусурмана»: «Пребывай, милость твоя, во здравии, зело опасно от послов хановых и турецких».²³⁶ Эти предупреждения должны были стать серьезным аргументом, чтобы убедить гетмана в необходимости придерживаться в политике московской стороны, а не султана-«бусурмана», а также уверить московские власти в том, что Дорошенко уже готов перейти в царское подданство (предполагалось, видимо, что Гизель изыщет способ передать копию в Москву, что и случилось). В заключение своего письма к гетману Шулга высказывал надежду, что гетмана сохранит «господь бог... для целости церквей божиих и разоренные России христианские».²³⁷

В это же время свои известия (датированные 11 августа ст. ст.) отправил в Москву воевода Голицын. Информацию он получил, расспросив «киевопечерского местечка жителя» Александра Гурского, очевидно, и доставившего Гизелю письма. Гурский ездил по приказу архимандрита в монастырскую маетность в селе Бузуке (Бузукив) всего в 7 «милях» (т. е. примерно в 60 км) от Чигирина. Для возвращения в Киев он получил «проезжий лист» от Дорошенко.²³⁸ В самом ли деле Гурский ездил из-за «монастырского дела» в Бузукив так, что пришлось еще и сделать крюк, заехав к Дорошенко для «проезжего листа» от гетмана? И совершенно случайно там (или где-то еще?) в это время для Гизеля лежали письма, одно из которых — от 6 августа — совсем недавнее?

Конечно, не исключено, что в августе в монастырских владениях у архимандрита могли быть разные дела, связанные со сбором урожая или иными хозяйственными проблемами. Но нельзя ли предположить, что эта поездка была организована Иннокентием Гизелем также и для того, чтобы получить нужную информацию от гетмана и передать затем эти сведения московскому воеводе? А именно: 1) что Дорошенко уже находится в конфликте с османами и, будучи в тяжелом положении, готов перейти на сторону царя; 2) что османское правительство заинтересовано в заключении мирного договора

---

²³⁴ *Кравець М., Остапчук В., Ченцова В.* Додатковий лист... С. 299.

²³⁵ АЮЗР. Т. 12. Стб. 712–714.

²³⁶ Там же. Стб. 713.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же. Стб. 714.

с польским королем, так что следует решить вопрос со сдачей Дорошенко как можно быстрее, иначе султан, обеспечив тыл договором с Речью Посполитой, может двинуться отвоевывать земли своего подданного-гетмана;²³⁹ 3) что духовенство «России христианские» возлагает надежды на Дорошенко.

Примечательно, что в это же самое время левобережный гетман Иван Самойлович получил от бывшего генерального писаря Дорошенко Михайла Вуяхевича (вовремя начавшего оказывать ему услуги и ставшего затем генеральным судьей) известие о приверженности гетману Дорошенко целого ряда «знатных особ» с Левобережья. По словам Вуяхевича, нежинский протопоп Симеон Адамович предупредил правобережного гетмана даже о том, что «его, Петра Дорошенка, хотят все иметь за гетмана». В числе таких сторонников были названы имена стародубского полковника Петра Ивановича Рославца, прилуцкого полковника Лазаря Горленко, переяславского полковника Дмитрашки Райчи, бывшего генерального писаря Карпа Мокриевича. Причем эти «знатные особы», якобы, даже задумывались о возможном убийстве левобережного гетмана.²⁴⁰ Поездка Рославца в Москву для обвинения Ивана Самойловича в поборах и прочих нарушениях приходится как раз на начало августа 1676 г.²⁴¹ Весьма примечательно также, что протопоп Симеон Адамович и полковник Рославец были недовольны и местными церковными властями (из-за конфликтов с архиепископом Лазарем Барановичем), желая непосредственного духовного подчинения московскому патриарху.²⁴²

Август 1676 г. стал решающим месяцем в переговорах Дорошенко с Москвой. В конце сентября гетман сдал Чигирин, причем после этого московский воевода Ромодановский отошел от города со своими войсками, Самойлович же довольно внезапно направился «молитца в Киев чрез Переясловль».²⁴³ Видимо, первым делом «молитца» предполагалось в Киево-Печерском монастыре, архимандритом которого был Иннокентий Гизель. Об их возможной встрече ничего не известно,

---

²³⁹ Известия о намерении султана в августе 1676 г. двигаться на Киев доходили и через других информаторов. См., например: АЮЗР. Т. 12. Стб. 722.

²⁴⁰ Там же. Стб. 726. О популярности гетмана Дорошенко см.: *Michels G. Replacing Tsar, King, and Emperor...* P. 155.

²⁴¹ *Флоря Б. Н.* «Дело Рославца» и отношения Москвы и Батурина (1676–1677 годы) // Восточнославянские исследования. Вып. 3. М., 2024. С. 11–33. Б. Н. Флоря полагает, что объединившиеся вокруг Симеона Адамовича и Рославца недовольные представители казацкой элиты на самом деле не были связаны с гетманом Дорошенко, а были оговорены Иваном Самойловичем. Эта точка зрения ученого, впрочем, представляется недостаточно убедительной.

²⁴² Там же. С. 16.

²⁴³ АЮЗР. Т. 12. Стб. 724.

но, возможно, посещение тогда Самойловичем монастыря также не было случайным. Некогда В. О. Эйнгорн писал, что «Самойлович крайне подозрительно относился к обширной переписке печерского архимандрита и требовал, чтобы о содержании получаемых Гизелем писем сообщалось чинам гетманской канцелярии».²⁴⁴ Это недоверие, о котором писал ученый, видимо, вполне оправдано тем посредничеством между Дорошенко и Москвой, в котором принимал участие архимандрит, намеревавшийся привести правобережного гетмана в московское подданство, не лишая его власти. То обстоятельство, что Гизель, как отметил В. О. Эйнгорн, начал пересылать вести Самойловичу вместо того, чтобы самостоятельно отправлять их в Москву, также не удивляет: когда Дорошенко, сложив оружие, отправился с почетную ссылку, у Гизеля не оставалось иного политического выбора.

«Архив Дорошенко»

После кончины митрополита Иосифа Тукальского и перенесения его останков в 1678 г. во Мгарский монастырь начинает складываться почитание места захоронения владыки, что свидетельствует об его некогда большом авторитете у православных.²⁴⁵ Это почитание удалось прервать лишь по приказанию царя Петра I, потребовавшего заложить нишу с гробом Тукальского.²⁴⁶ Вряд ли гетман Дорошенко, привыкший к присутствию в своем окружении киевского митрополита, не озаботился сразу после его смерти, то есть уже в 1675–1676 гг., избранием нового архиерея, тем более что в митрополичьей ставленной грамоте 1668 г. упоминалось именно его имя. А судя по имеющимся свидетельствам долгих контактов печерского архимандрита с правобережным гетманом и его ближайшим окружением, не прекращавшихся даже летом 1676 г., Гизель мог представляться подходящим кандидатом на митрополию именно в глазах Дорошенко.

Но если предположить, что грамота патриарха Парфения IV была адресована Дорошенко, а доставить ее могли отправлявшиеся назад от константинопольского патриарха посланцы гетмана, то каким образом она очутилась у Самойловича летом 1685 г.? Ответ на этот вопрос позволяет, как представляется, дать московский «архив гетмана Дорошенко».

В сентябре 1676 г. Дорошенко сдался Ивану Самойловичу и московскому воеводе, князю Г. Г. Ромодановскому. После того как право-

²⁴⁴ Эйнгорн В. О. Очерки из истории Малороссии... С. 998.

²⁴⁵ Michels G. Replacing Tsar, King, and Emperor... P. 153.

²⁴⁶ Флоря Б. Н. Иосиф (Нелюбович-Тукальский). С. 645.

бережный гетман сложил оружие, в Москву сразу же были отправлены его гетманские инсигнии и несколько султанских «привилеев», которые затем в знак его капитуляции демонстрировали, развесив на перилах здания Посольского приказа.²⁴⁷ Сам гетман Дорошенко, впрочем, в церемонии капитуляции не участвовал, оставаясь пленником Самойловича, завладевшего и его архивом. Московским властям удалось настоять на приезде Дорошенко в русскую столицу лишь в марте следующего 1677 г.²⁴⁸

Обращение к сохранившимся в Российском государственном архиве древних актов материалам переписки Дорошенко позволило установить, что не все документы, которые можно условно отнести к «архиву Дорошенко», имеют одинаковое происхождение. Некоторые из оказавшихся в Москве писем были по разным причинам присланы самим же Дорошенко в ходе переговоров с московскими властями, другие перехвачены, и лишь часть представляла собой конфискованный в Чигирине архив. В настоящее время документы, связанные с гетманством Петра Дорошенко, находятся в разных фондах, причем османские подлинники попали в фонд «Сношения России с Турцией», переводы или пересказы документов — в число «Малороссийских дел» (ф. 124), отдельные включения находятся и в иных фондах.²⁴⁹ Султанские грамоты были сразу отделены от остальных документов архива с тем, чтобы использовать их во время церемонии капитуляции, и очутились в Москве уже в октябре 1676 г.²⁵⁰ Еще часть чигиринского архива была привезена позже, в ноябре, когда в Москву от Самойловича приехал войсковой канцелярист Иван Дорошевич: «Да с ним же гетман прислал взятых писем у Дорошенка: королевского величества 2 привилия, один на гетманство Дорошенку,

²⁴⁷ См. подробнее: *Кравець М., Остапчук В., Ченцова В.* Додатковий лист... С. 299–300.

²⁴⁸ Там же. С. 300. О том, как Самойлович пытался сохранить контроль над семьей Дорошенко, препятствуя выезду его супруги в Москву, см.: *Таирова-Яковлева Т. Г.* Отправка бывшего гетмана Петра Дорошенко в Москву // *Terra Cossacorum: Студії з давньої і нової історії України*. Науковий збірник на пошану доктора історичних наук, професора Валерія Степанкова. Київ, 2007. С. 223–232.

²⁴⁹ Из сохранившихся чистовых списков переводов многие были опубликованы уже в «Актах, относящиеся к истории Южной и Западной России», а недавно были изучены и также частично изданы киевской исследовательницей Т. Григорьевой: *Григор'єва Т.* Турецьке підданство гетьмана Петра Дорошенка... С. 449–475; *Grygorieva T.* Ottoman Protection of Cossack Ukraine under Hetman Petro Doroshenko: Between Legal Aspects and Actual Practice // *Tributaries and Peripheries of the Ottoman Empire* / Ed. G. Kármán. Leiden; Boston, 2020. P. 240–263.

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. 1676–1677 гг. Д. 127. Л. 43, 59, 76; АЮЗР. Т. 12. Стб. 751–752, 761–767.

а другой уневерсал Шулге, прислан был тайно, на шляхетство; а тот Шулга служил при Дорошенке охотным полковником с серденьятами, а ныне он в Полше; да турецкого салтана указные грамоты, писаны к Дорошенку, да везирьские и каймакана паши и иных пашей листы, писаны к Дорошенку ж, многое число, а сколько числом тех листов, того он сказать не ведает, потому что их он не считал; а писаны те листы и грамоты к Дорошенку из Андрианополя и из Волоской земли и из-под Каменца Подолского и из-под Лодыжина о походе под Киев и на сю сторону Днепра войною, и как бы Киев под свое владение достать, и о иных делах. И послал с ними те листы гетман, *розобрав, которые надобны и нужнее; а которые не надобны и нужды в них нет, оставил у себя, и будет их многое число*».²⁵¹

Трудно сказать, как велика была привезенная часть архива по сравнению с оставшимися у Самойловича документами. Не известно также, куда пропали подлинники части привезенных документов, от которых остались лишь сделанные уже в Москве переводы. Можно предположить, что эти подлинники были переданы переводчикам, после чего сами оригиналы не были возвращены, а впоследствии и вовсе оказались утрачены. Сохранившиеся чистовики переводов расположены не по хронологии и не в зависимости от того, с какого языка они были сделаны. Часть переводов с османских и крымских документов не датирована. Это позволяет предполагать либо такой же беспорядок в присланных Самойловичем документах, внесенный им при разборе архива, либо невнимание приказных служащих. В любом случае все эти материалы были сочтены достаточно важными для того, чтобы быть переведенными уже после того, как Дорошенко сложил оружие.

Существенно здесь, впрочем, то, что Самойлович послал в Москву не все документы конфискованного архива, а разобрал их, объявив, что передает лишь наиболее нужные и важные из них. Но можно ли ему верить? Ведь постоянно опасаясь, что Москва позволяет Дорошенко жить в почетной ссылке с тем, чтобы вновь когда-нибудь сделать его гетманом,²⁵² он вполне мог скрыть именно те документы, которые считал небезопасными для себя самого. При этом, как кажется, он предпочел оставить у себя документы, касающиеся именно церковных дел, о которых в «архиве Дорошенко» не обнаруживается и вовсе никаких известий.

---

²⁵¹ АЮЗР. Т. 12. Стб. 809–810. «Сердюки» («серденьята» — от тур. *sürtük*) — наемное казачье войско при гетмане Дорошенко.

²⁵² Кочегаров К. А. К истории пребывания в России гетмана П. Д. Дорошенко в 1677–1685 годах // Славяноведение. 2013. № 2. С. 23–28.

О том, что Самойлович внимательно ознакомился с документами чигиринского архива и кое-что держал у себя под рукой, свидетельствует его письмо черниговскому архиепископу Лазарю Барановичу, написанное еще 21 декабря 1679 г. (ст. ст.?) в преддверии люблинского съезда, на котором предполагалось обсуждение церковной унии. Гетман заверял архиепископа, что будет просить московского царя не допустить принуждения к унии православного духовенства Речи Посполитой. Как уже было сказано выше, в переписке накануне съезда обсуждалась выработка позиции православных по отношению к митрополичьему титулу владыки Антония Винницкого. Самойлович тогда подтвердил, что Антоний не был избран на митрополию как положено, и на это не было «соизволения всех чиновников», а константинопольский патриарх «от престола своего сакоса своего ему, Антонию Винницкому, не давал». Гетману, по его собственному признанию, это было известно из подлинных документов: «Понеже и чрез отца Ракушку, старца, от покойника митрополита Тукальского в Константинополь посланного, принесены есть от святейшаго Мефодия, патриарха вселенского, *листы, какие и ныне при нас есть*, в которых грозное написано отцу Винницкому запрещение, дабы он митрополитом Киевским нарицатися не дерзал и чтоб митрополичьи одежды, что он побрал, возвратил».²⁵³

Но как такие «листы», привезенные Романом Ракушкой в 1670 г. Иосифу Тукальскому, могли оказаться в руках Самойловича? Они должны были находиться в архиве покойного митрополита, скончавшегося в Чигирине. Все эти документы, по всей видимости, тогда остались там же, у Дорошенко, от него перейдя к Самойловичу.²⁵⁴ Понятно и то, почему Самойлович не рискнул отправить всю переписку в Москву. Если самые известные среди документов архива Дорошенко султанские грамоты были им незамедлительно переданы московским властям, поскольку уличали правобережного гетмана в сношениях с султаном, то документы, относящиеся к церковным делам, в сложившейся ситуации могли быть опасны. Ведь если в Москве еще думали, не вернуть ли Дорошенко на гетманство, то готовность Константинополя уступить поставление митрополита московскому патриарху, да еще и с Иннокентием Гизелем в качестве будущего владыки, Самойловичу была явно невыгодна.

Если бы Гизель получил патриаршее поставление на кафедру, то законным митрополитом в Киеве оказывался человек, который уже

---

²⁵³ Воссоединение. С. 252.

²⁵⁴ Примечательно, что среди имущества Самойловича обнаружился и некий «сундук с серебряною посудою бывшего киевского митрополита Иосифа Тукальского», также, очевидно, захваченный в Чигирине: РИБ. Т. 8. СПб., 1884. Стб. 1019–1020.

давно посредничал между Дорошенко и московским двором. Московское правительство могло поставить Дорошенко гетманом Войска Запорожского отныне уже «обеих сторон Днепра» (чего очень боялся Самойлович), а бывший печерский архимандрит при этом занял бы место Иосифа Тукальского. Вместо османского султана сувереном Дорошенко становился московский государь, у Войска Запорожского сохранялся его авторитетный гетман, а киевская кафедра обретала законного митрополита. Поскольку митрополит был бы рукоположен московским патриархом, то у польских властей не имелось бы оснований не признавать его духовной власти на своей территории. Ведь никаких явных контактов с Константинопольским патриархатом у поставленного в Москве владыки не было. А православным подданным по сеймовому решению 1676 г. запрещались лишь контакты с патриархом, пребывающем на территории враждебной Османской империи. Возможно, попытка избрания Гизеля на киевскую кафедру и план получения им благословения в Москве по разрешению константинопольского патриарха были связаны также с готовившимся заговором против Самойловича. Появление в Киеве законного митрополита значительно бы укрепило позиции Дорошенко, обеспечив и успех заговорщиков.

Могла ли грамота патриарха Парфения в случае, если Иннокентий Гизель был кандидатом Дорошенко на митрополичью кафедру, попасть в чигиринский архив? Судя по тому, что еще в августе архимандрит пытался отправлять своих посланцев к правобережному гетману и получал от близких ему людей политические новости, Дорошенко имел возможность продолжать переписку. Среди сохранившейся в его московском «архиве» корреспонденции есть письма, посланные из Османской империи в июне и даже июле 1676 г.²⁵⁵ Таким образом, контакты правобережного гетмана с его представителями при османском правительстве, хоть и ненадежные, но сохранялись. Если грамота патриарха Парфения была отправлена гетману между концом мая и 19 июля 1676 г., то не позже августа она должна была оказаться у своего адресата. И как раз в августе гонец от Иннокентия Гизеля побывал у Дорошенко, что вряд ли было простым совпадением.

Переговоры в Османской империи

Но кем могли быть отправившиеся к патриарху делегаты, если главным «електором» являлся гетман Дорошенко? В Османской империи в 1675–1676 гг. находились сразу несколько его представителей,

---

²⁵⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1670–1676 гг. Д. 25. Л. 47, 56, 57.

среди которых самым известным был грек Евстафий Гиновский, обычно фигурирующий в документах под именем Астаматий.²⁵⁶ Он уже, по-видимому, с 1667 г. стал посредником Дорошенко в сношениях с Портой, а позже продолжал служить его преемнику Юрию Хмельницкому.²⁵⁷ Но кроме него, Дорошенко поддерживал контакты с султанской администрацией и через других своих посланцев, в числе которых тогда был полковник Кальницкого полка Гаврила Коваленко (Ковалевский).²⁵⁸ В начале 1676 г. приехавшие от Дорошенко в Москву Павел Яненко и Семен Тихой назвали именно Гаврила Коваленко «резидентом» гетмана при Порте, который знает «все замыслы салтана турского».²⁵⁹

Среди документов «архива Дорошенко», переданных Самойловичем в Москву, обнаруживаются письма полковника Коваленко из Адрианополя и Константинополя, отправленные осенью 1675 г. и в мае 1676 г.²⁶⁰ Последнее письмо написано в то самое время, когда некие делегаты от «електоров» и должны были побывать у константинопольского патриарха и получить у него грамоту с разрешением рукоположения Иннокентия Гизеля в Москве. Несмотря на то, что Коваленко жалуется на долгое отсутствие вестей от Дорошенко и ненадежность связи, весной 1676 г. им было получено очередное письмо от гетмана.²⁶¹ Свой ответ ему полковник датировал 21 мая,²⁶² радуясь, что опасения, будто гетмана уже «Москва взяла», не подтвердились.²⁶³

---

²⁵⁶ *Крип'якевич І.* Остафій Астаматій (Остаматенко), український посол в Туреччині 1670-их рр. // *Україна. Науковий двухмісячник українознавства.* Київ, 1928. Кн. 6. С. 6–11; *Кочегаров К. А.* Евстафий Гиновский-Астаматий и османская власть над Правобережной Украиной в 1677–1678 годах // *Славяноведение.* 2017. № 2. С. 64–84.

²⁵⁷ *Кочегаров К. А.* Евстафий Гиновский-Астаматий... С. 64–84.

²⁵⁸ Гаврила Ковалевский происходил из известной казацкой семьи, представители которой играли важную роль в Войске Запорожском уже во времена гетмана Богдана Хмельницкого: *Кривошея В. В.* 1) Козацька старшина Правобережжя (1665 р. — кінець XVII ст.) // *Гілея.* 2008. Вип. 13. С. 17; 2) Козацька еліта Гетьманщини. Київ, 2008. С. 211 (см. также о Ковалевских: с. 65, 72, 119, 123, 127, 131, 140, 147–151, 168, 173–173, 181, 201, 288, 323, 336–339, 348); 3) Козацька старшина Гетьманщини: *Енциклопедія.* Київ, 2010. С. 21, 407–408.

²⁵⁹ АЮЗР. Т. 12. Стб. 433.

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1670 г. Д. 25. Л. 27, 47.

²⁶¹ Там же. Л. 40–41 («не имущи через долгий час ни ведомости, ни единого писменного слова и Порты наяснейшей Отаманской о вельможности вашей, хотя слух носился чрез розных людей, которые различно сказывали, что Москва взяла и к нездравью привлекла...»).

²⁶² Кстати, именно 20 мая 1676 г. (видимо, ст. ст.) состоялось поставление видинским митрополитом Тимофея, подписавшего в числе других членов синода грамоту патриарха Парфения Константинопольского (см. выше).

²⁶³ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1670 г. Д. 25. Л. 41.

Называвший себя «Дорошенковым ухом» Коваленко, в связи с распространяющимися известиями о совершившемся или готовящемся переходе гетмана под власть Москвы, упоминал о приезде в Османскую империю того самого Шулги, письмо которого из Ясс в начале августа того же года переслал Иннокентию Гизелю немировский староста Куницкий. Судя по пересказу Коваленко, Шулга тогда сообщил о переговорах гетмана и с Самойловичем, и с московскими властями через Ромодановского.²⁶⁴

В том же письме Коваленко особо останавливается на деятельности Астаматия, который вновь тогда прибыл к османскому двору. Он отмечает не совсем, как кажется, лояльные в отношении Дорошенко маневры «господина Астамакия», и передает циркулирующие в Крыму слухи, что, якобы, скоро Дорошенко отстранят от гетманства (последнее особенно интересно для понимания того, в какой обстановке произойдет скорая капитуляция гетмана). По словам Коваленко, Астаматий был уверен в том, что гетман уже перешел на сторону Москвы, и, помимо прочего, указал на нарочитую задержку греком полученного, судя по тексту, полковником от иерусалимского патриарха «благословения»: «И святейшаго патриарха Иеросалимского благословение, которое, испросив, послали есмы, задержал при себе. И то чрез ненадежных посланцов делаетца, а господин Астамакий для некакие прислуги Порте учинил то, и для своей чести и прихотей. Словесно же говорил мне, что я слышал изо уст Батырь-аги:²⁶⁵ весь Крым на том, что да будет цыганин гетманом, а не Дорошенко. Аще ли бы же Москва Чигирин осести имела, лутче б среди Крыму быти, нежели там».²⁶⁶ Пока неясно, кого Коваленко здесь называет «цыганином», которого османские власти рассчитывали сделать гетманом вместо Дорошенко. Мог ли это быть прозванный так по ка-

---

²⁶⁴ «...даже за приходом Шульги до Яс и за присланием до наяснейшей Порты, о котором и нам возвестили. Словесно же спрашивали: „Как ты от гетмана отшел?“, — который сказывал, будто гетман совершенно Москве склоняется, и хочет под защитением царя московского оставатца, чего ради протопопа уманского послал до поповича, гетмана заднепрского. Великого же боярина, который в замке сидел чигиринском, выпустив к царю московскому с листами, так ж и мать свою к дочери для большой веры за Днепр послал» (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1670 г. Д. 25. Л. 41). Речь в этом отрывке шла о состоявшейся еще год назад поездке уманского протопопа Иосифа к гетману Самойловичу с предложениями союза ради сохранения «сей страны» в целости и избавления от «междоусобной недружбы». См.: АЮЗР. Т. 12. Стб. 226–228. Самойлович назван «поповичем», поскольку был сыном православного священника. «Великий боярин» — вероятно, Г. Г. Ромодановский.

²⁶⁵ Видимо, речь идет о везире крымского хана. См.: Гуськов А. Г., Кочегаров Е. А., Шамин С. М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М., 2022. С. 37, 40, 114, 115.

²⁶⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1670 г. Д. 25. Л. 43.

ким-то причинам Юрий Хмельницкий, или же под этим прозвищем имеется в виду Георгий Дука, бывший молдавский и валахский господарь, его преемник на гетманстве?²⁶⁷ В отношении же церковных дел тут особенно любопытно упоминание о «благословении» патриарха Досифея, свидетельствующее о каких-то переговорах с ним, достаточно важных для того, чтобы Астаматий счел нужным это «благословение» (патриаршую грамоту?) задержать.

Вместе с этим письмом Коваленко было переслано еще три. В одном из них речь шла о том же самом патриаршем «благословении», которое еще один посланец от гетмана должен был получить у того же Астаматия: «Господин посол Дубенский, посланный от гетмана Войска Запорожского, должен добиватца у господина Астаматия, чтоб святейшого патриарха Иеросалимского, чтоб благословение ему, гетману, подал».²⁶⁸ В этом фрагменте говорится о приезде Василия Дубенского, который ранее, в 1667–1668 г., вел переговоры с Дорошенко и с митрополитом Иосифом Тукальским о переходе гетмана в царское подданство.²⁶⁹ Тогда он приезжал к гетману от киевского воеводы, боярина Петра Васильевича Шереметева, но, видимо, и позже оставался на службе московского правительства. О возвращении Дубенского и собственных усилиях дабы ускорить отъезд посланного пишет в своем письме из Исаки Ян Драгинич, грек, в то время — толмач Дорошенко, а позже — наказной гетман Правобережья при Георгии Дуке.²⁷⁰ Это письмо, отправленное гетману 6 июня 1676 г., также успело попасть к Дорошенко до его капитуляции, очутившись затем в его московском «архиве».²⁷¹

---

²⁶⁷ В пользу последнего предположения служит то, что будущий гетман Георгий Дука сооружал свою резиденцию в Цыгановке (местечко Циканивка, ныне Цекинивка), расположенном близ г. Сороки. См.: *Авраменко А.* Запорозькі козаки в османських і австрійських володіннях в 1775–1814 рр.: проблеми історичної географії та історичної картографії // *Історико-географічні дослідження в Україні*. 2022. Вип. 16. С. 166. Возможно, из-за «Цыгановки» его и прозвали «цыганином». Надо отметить также, что в это время одним из возможных кандидатов на замещение Дорошенко на гетманстве был сам Астаматий: *Крип'якевич І.* Остафій Астаматій. С. 10; *Кочегаров К. А.* Евстафий Гиновский-Астаматий... С. 69.

²⁶⁸ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1670 г. Д. 25. Л. 48.

²⁶⁹ АЮЗР. Т. 6. С. 233–237. См.: *Смолий В., Степанков В., Горобець В., Чухліб Т.* Дипломатія Українського Гетьманату в міжнародних політичних комбінаціях раннього нового часу. Київ, 2022. С. 280.

²⁷⁰ *Чухліб Т. В.* Драгинич (Дрешнич, Гредінович) Ян (Іван) // *Енциклопедія історії України*: Т. 2: Г–Д. Київ, 2004. С. 458; *Пономарьов О.* Український аспект валахсько-російських відносин 1688–1700 рр. // *Україна в Центрально-Східній Європі*. Вип. 12–13. Київ, 2013. С. 283–284.

²⁷¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1670 г. Д. 25. Л. 55–56. В своем письме Ян Драгинич пытался успокаивать Дорошенко относительно намерений султана: «За приездом

Какого «благословения» иерусалимского патриарха Досифея следовало добиваться от Астаматия? Ведь если Дубенский был в самом деле посланцем «гетмана Войска Запорожского» и должен был чего-то добиться от Астаматия, то он явно приехал от Дорошенко, а не от Самойловича. Могла ли здесь идти речь о «благословении» гетману на отступление от присяги султану и переход на сторону московского царя? Вряд ли о подобном «благословении» можно было бы просить через Астаматия и рассчитывать на помощь Яна Драгинича. Не просили ли у Досифея, скорее, благословения на разрешение каких-то церковных вопросов? Ведь к тому времени уже почти год как скончался Иосиф Тукальский, некогда ведший переговоры с Дубенским, а киевский митрополит до сих пор не был избран. Если это так, то переговоры могли пройти и с константинопольским патриархом Парфением IV, а приезд Дубенского «от гетмана» мог быть связан также и с церковными делами. Не были ли именно он и его спутники теми самыми людьми, которые просили поставить в митрополиты Иннокентия Гизеля? Ведь до сих пор неразрешенным оставался вопрос о том, что это была за делегация от «електоров», и когда она могла появиться у константинопольского патриарха. Приезд Дубенского и присутствие других представителей Дорошенко в Османской империи весной 1676 г. позволяют на него ответить.

Если высказанные предположения верны, то не удивительно, что именно Астаматий задерживает, судя по письму Коваленко, полученное от иерусалимского патриарха «благословение», ведь его задачей было удержание Дорошенко в подданстве султана. Но другая часть окружения гетмана уже считала лучшим планом переход под власть царя, тем более, что Дорошенко могли поддержать и предста-

---

господина Дубенского, возвращающагося от турского салтана к вельможности твоей, и я прилагал радения прилежного у паши, чтоб господин Дубенский скоро имел отпуск. Из листа милость твоя вся выразишь, и таков есть словесной приказ паши Дубенскому, чтоб вельможность твоя ни в чем не сумнился, а что прилучитца о санжаках, zde никакова слова о том нет ни от старших, так же и от менших; и так говорил паша: по нужде оборонялся от неволи. И как придем на Цебору, тогда нарочно своих людей пришлю. В то время милость твоя будешь про все ведати подлинно. Также милость твоя о себе ведомо чини, а я что услышу, о всем ведомо чиню всегда, а о послках милость твоя не сомнися, пришлют» (Там же. Л. 55). Речь здесь идет, в частности, о сдаче гетманом османских знамен-санджаков, полученных им от султана в качестве атрибутов власти и подданства Порте, после состоявшихся переговоров с Иваном Серко. Гетман и его окружение предполагали, что за санджаки султан будет «мстить безчестье свое» (об этих опасениях сообщали в Москве в январе 1676 г. Павел Яненко и Семен Тихой). Драгинич, таким образом, пытаясь удержать гетмана в османском подданстве, успокаивает его в отношении отосланных в Москву «санжаков». См.: АЮЗР. Т. 12. Стб. 433; *Кравець М., Остапчук В., Ченцова В.* Датковий лист... С. 300.

вители казацкой элиты с Левобережья Днепра. Власти «поповича», как презрительно называет Коваленко Самойловича,²⁷² никто не хотел. Представляется, что не случайно левобережный гетман приложил все усилия, чтобы расправа с полковником Рославцем, протопопом Адамовичем и другими заговорщиками была суровой, а взятого в плен Дорошенко он старался не отпустить в Москву, задержав при себе. Избрание митрополитом Иннокентия Гизеля, его возможное поставление в Москве и сохранение власти за Дорошенко благодаря действиям его сторонников на Левобережье, возможно, были частями одного проекта.

Константинопольский патриарх Парфений IV уже в июле 1676 г. был смещен с кафедры. Связано ли это каким-то образом с украинскими событиями и недовольством османской администрации участием в них патриарха — не ясно. Однако позже Досифей Иерусалимский, который, как видно, также принимал участие в переговорах с близкими Дорошенко людьми, отметил, что грамота патриарха Парфения была написана тайно. Если предложенная датировка грамоты летом 1676 г. и ее связь с проектом сохранения Дорошенко власти благодаря переходу на сторону Москвы справедливы, то такая секретность совсем не удивительна.

«Синописис»

Гипотеза, что именно Дорошенко и его окружение предложили избрать Иннокентия Гизеля на киевскую кафедру, а также то обстоятельство, что уже с 1660-х годов архимандрит поддерживал контакты с правобережным гетманом, а затем принимал активное участие в переговорах между Дорошенко и Москвой (в том числе через митрополита Иосифа Тукальского),²⁷³ может иметь одно важное следствие. Она заставляет задуматься о том, с какой целью в 1674 г. в Киево-Печерском монастыре «по благословению пречестного о Христе господина отца Иннокентия Гизеля» был издан знаменитый «Синописис». Как правило, исследования этого сочинения проводились по его более позднему переизданию 1681 г., а в самом «Синописисе» видели первый исторический нарратив, обосновавший историческую и политическую легитимность будущей Российской империи, ее единство и преемственность с Киевской Русью, связывая создание этого сочинения если не с авторством, то с непосредственным влиянием

²⁷² РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1670 г. Д. 25. Л. 41.

²⁷³ Сумцов Н. Ф. Иннокентий Гизель. С. 11–12.

Гизеля.²⁷⁴ З. Когут некогда заметил, что заложенная в «Синописе» концепция истории единого «российского народа» изначально «была задумана как отвечающая ожиданиям и интересам украинской церковной элиты».²⁷⁵ Но только ли церковной?

Иннокентий Гизель обосновывал и прославлял преемство московских царей от крестителя Руси, святого князя Владимира, который «нача писатися царем и великим князем и самодержцем Российским».²⁷⁶ Он указывал, что упадок «преславного самодержавия киевского» из-за человеческих грехов привел к тому, что оно «яко от царствия в княжение, а от княжения в воеводство пременяся».²⁷⁷ Создатель или создатели «Синописа» предлагают возложить надежды на «государя царя и великаго князя Алексия Михайловича всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца», подобно тому, как на него возлагает надежды братия Киево-Печерского монастыря.²⁷⁸ Кому были адресованы эти размышления о роли московских царей как преемников князя Владимира в истории «России»? Кажется вполне возмож-

---

²⁷⁴ Kohut Z. E. 1) Origins of the unity paradigm: Ukraine and the construction of Russian national history (1620–1860) // Eighteenth — Century Studies, Fall 2001. Vol. 35 (1). P. 72, 76 (not. 8); 2) The Making of Cossack Ukraine... P. 158–159. Это объясняется также широкой доступностью факсимильно переизданной версии 1681 г.: Sinopsis, Kiev 1681: Facsimile mit einer Einleitung von H. Rothe. Köln; Wien, 1981. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven). Об изданиях и дискуссии относительно датировки и авторства текста см. также: Жиленко І. В. Синопис київський // Лаврський альманах. Спецвип. 2. Київ, 2002. С. 7–39; Ченцова О. Текстологія та історіософія «Синопису» Інокентія Гізеля в аргументації авторської ідентичності твору // Київська Академія. 2011. Вип. 9. С. 78–86; Мицик Ю. А., Тарасенко І. Ю. Из нових документів до біографії Інокентія Гізеля // Наукові записки НаУКМА. Історичні науки. 2023. Т. 6. С. 131–135. Об изучении «Синописа» в новейшей историографии см.: Матюшевская М. И. «Синопис Киевский» 1674 года в оценках исследователей конца XX — начала XXI века // Харківський історіографічний збірник. 2017. Вип. 16. С. 256–267 (см. там же библиографию); Штайндорфф Л. Славянский мир в Синописе: от Ноя до начал града Киева // Нарративы руси конца XV — середины XVIII в.: в поисках своей истории. М., 2018. С. 311–331; Ульяновский В. И., Бовгуля А. М., Синкевич Н. А., Ткачук В. А. Концепты, идеи и мифы раннемодерной русь-украинской нации в темпоральном и региональном/надрегиональном измерениях // Когда зарождаются нации на востоке Европы? Бонн; Вильнюс, 2022. С. 219–225; Сиренов А. В. Киевский Синопис // Там же. С. 501–508.

²⁷⁵ Когут З. Вплив політики на Інокентія Гізеля... С. 9–11; Kohut Z. E. Origins... P. 72. См. также: Kohut Z. E. The Making of Cossack Ukraine... P. 176–177.

²⁷⁶ Синопис или Краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева. Киев: Киево-Печерская лавра, 1674. С. 41 (нумерация страниц по экземпляру Российской государственной библиотеки, МК Кир. 40).

²⁷⁷ Там же. С. 119.

²⁷⁸ Там же. С. 109–110. См.: Синкевич Н. А. «Изобретение традиции»... С. 277; Kohut Z. E. The Making of Cossack Ukraine... P. 174–176.

ным, что намеки на роль московских-«российских» князей в освобождении земли от «ига татарского»²⁷⁹ — предложение вновь положиться на них, а не оставаться «под поганския власти игом», обращены прежде всего к гетману Дорошенко.²⁸⁰

В «Синописе», как было отмечено Н. А. Синкевич, представлена «именно история Киева, а не Московского царства», и именно Киев является для Гизеля центром «России».²⁸¹ Внимание, которое приковано к Киеву в программном историческом сочинении, не случайно: по Андрусовскому перемирию Московское государство должно было вернуть город Речи Посполитой. В 1674 г. вопрос о том, какова будет судьба Киева, все еще не был решен, и киевское духовенство опасалось, что московская сторона выполнит взятые на себя обязательства. Сдача Киева польскому королю была неприемлема не только для духовенства, но и для Петра Дорошенко, видевшего в этом предательство интересов как Войска Запорожского, так и православных жителей города. Примечательно, что правобережный гетман, недовольный перспективой возможной сдачи Киева и военными действиями московских войск, в письме царским послам высказывался словами, близкими «Синопису». Он напоминал возглавлявшему тогда московский Посольский приказ А. Л. Ордину-Нащокину, что город, который был «столицею великого княжения руского», добровольно отдан в подданство царю, которому ныне надлежит хранить мир там, где пребывают мощи святых в своих «нетленных телесех».²⁸²

В 1673 г. шел новый этап переговоров между московским двором и Дорошенко, осуществлявшийся через Иннокентия Гизеля и его посланца, иеромонаха Серапиона Полховского (будущего могилевского епископа).²⁸³ Между июнем и концом ноября 1673 г., как отметил З. Когут, Полховский «путешествовал между Чигирином, резиденцией Самойловича Батуриным и Москвой, доставляя послания и грамоты от царя, а также обращения Гизеля к Дорошенко и Тукальскому. Он привозил назад встречные предложения от Дорошенко царю и Матвееву и извещал Самойловича и Ромодановского о важных

---

²⁷⁹ Синопис... С. 112–113. О значении в концепции «Синописа» темы борьбы Руси с монголами см.: *Сиренов А. В.* Киевский Синопис. С. 502–503.

²⁸⁰ Синопис... С. 111.

²⁸¹ Синкевич Н. А. «Изобретение традиции»... С. 277.

²⁸² АЮЗР. Т. 9. Стб. 96–97. См.: *Kohut Z. E.* 1) *Servant of the Tsar*... P. 444–445; 2) *The Making of Cossack Ukraine*... P. 83–84.

²⁸³ *Эйнгорн В. О.* Очерки из истории Малороссии... С. 900–901; *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя та політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985. С. 459–462; *Когут З.* Вплив політики на Інокентія Гізеля... С. 23–24; *Kohut Z. E.* 1) *Servant of the Tsar*... P. 447; 2) *The Making of Cossack Ukraine*... P. 87–88.

сдвигах в переговорах». ²⁸⁴ Эти переговоры, проходившие при постоянном участии Иннокентия Гизеля, очень беспокоили Самойловича, который убеждал московские власти в ненадежности Дорошенко. Основной причиной беспокойства левобережного гетмана были попытки Дорошенко договориться с Москвой о переходе на сторону царя при условии объединения под его властью Левобережной и Правобережной Украины. ²⁸⁵ В случае, если бы царский двор тогда на это согласился (а Дорошенко с 1668 г. добивался признания своего правления на обоих берегах Днепра ²⁸⁶), то Самойлович не смог бы удержаться у власти.

В связи с этим не удивительно, что основные идеи «Синописа» состояли в том, что именно Москва и московские цари являются преемниками князя Владимира и древних «российских» князей. Киев — главный город «российского» народа, который, очевидно, невозможно отдавать кому-то иному. Понятны в этом контексте и роль Киево-Печерского монастыря как древней святыни «Российской земли», и, в то же время, твердая приверженность Иннокентия Гизеля каноническому подчинению Киевской митрополии Константинопольскому патриархату. ²⁸⁷ Конечно, рукоположение самого Иннокентия Гизеля в Москве по разрешению константинопольского патриарха этой верности церковным канонам не противоречило бы. Но пока так и остается неясным, был ли печерский архимандрит согласен на оформившийся летом 1676 г. план действий, предполагающий поставление на митрополию не константинопольским патриархом, а московским. Ведь он, скорее, разделял взгляды иерусалимского патриарха Досифея, которому такой способ по «икономии» (то есть по «снисхождению») обойти каноны был неприемлем. ²⁸⁸

---

²⁸⁴ Kohut Z. E. The Making of Cossack Ukraine... P. 87–88.

²⁸⁵ Kohut Z. E. 1) Servant of the Tsar... P. 447; 2) The Making of Cossack Ukraine... P. 115–116.

²⁸⁶ Kohut Z. E. 1) From Commonwealth to Ukraine: The Reconceptualization of «Fatherland» in Cossack Political Culture (1660^s–1680^s) // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. September-December 2014. Vol. LVI, No. 3–4. P. 279; 2) The Making of Cossack Ukraine... P. 91–92.

²⁸⁷ Синкевич Н. А. «Изобретение традиции»... С. 280–281; Козум З. Вплив політики на Інокентія Гізеля... С. 13–14, 17–18; Kohut Z. E. The Making of Cossack Ukraine... P. 176.

²⁸⁸ Иннокентий Гизель, кажется, разделял отрицательное отношение иерусалимского патриарха Досифея к Парфению IV. В мае 1666 г. московские представители имели с Иннокентием Гизелем любопытный разговор о константинопольских патриархах. На успокоительное замечание киевского воеводы Шереметева, что вопрос о занятии киевской кафедры вскоре будет улажен, царь напишет константинопольскому патриарху, а тот «к великому государю учнет писать и благословение о митрополите в Киев подаст, и о том его, великого государя, указ будет в то время», архимандрит

В конце 1674 г., как отметил З. Когут, Самойлович положил конец политической активности Гизеля и его деятельности дипломата-посредника между московским двором и резиденцией Дорошенко. По мнению исследователя, с этого времени корреспонденция Гизеля переправлялась только через гетманскую канцелярию, а с начала 1675 г. Самойлович старался полностью контролировать контакты архимандрита с Москвой.²⁸⁹ Но смог ли он перерезать все пути таких контактов? Ведь Гизель по-прежнему мог посылать верных ему людей из Киево-Печерского монастыря на находящиеся под властью Дорошенко территории под предлогом хозяйственных нужд, получая оттуда письма. И даже летом 1676 г., совсем незадолго до капитуляции Дорошенко, до архимандрита дошла копия письма Шулги, переправленная им в Москву.

* * *

Аккуратно обходя деликатные вопросы терминологии грамот 1686 г., стараясь не комментировать лишние, содержащиеся в документах факты, оспаривающие версию «воссоединения» — т. е. практического изменения границ Киевской митрополии и ее перехода в юрисдикцию московского патриарха — исследователи, занимавшиеся изучением опубликованных в «Воссоединении» документов,²⁹⁰ разумеется,

---

весьма недвусмысленно высказался о своих отношениях с патриархами. Выразив удовлетворение надеждой на скорое разрешение проблемы с вакантностью кафедры, он был очень критичен по отношению к тому самому патриарху Парфению IV, который спустя 10 лет дал грамоту, позволяющую ему самому получить благословение на митрополию в Москве. По мнению Гизеля, патриарх Парфений занял свой престол «неведомо каким способом» (речь идет о его возведении на кафедру в мае 1657 г.), «духовные и мирские люди греческого закона» его «не восхотели» (имеется в виду смещение патриарха в 1659 г.), однако, после того, как кафедру занял более достойный «Дионисий патриарх» (в 1662 г.), Парфению все же удалось вернуться, а Дионисий III был смещен (в 1665 г.). Несмотря на смену патриарха, Иннокентий Гизель заявил, что «они де... и ныне бога молят за Дионисия патриарха, а не за Парфения» (АЮЗР. Т. 6. С. 105). То, что «они», то есть киевское духовенство или, во всяком случае, печерские монахи, «бога молят» за патриарха Дионисия, означает, что на литургии поминался не Парфений, а прежний патриарх. Не исключено, что это недовольство Гизеля и его окружения Парфением IV было как-то связано с известной проосманской позицией этого патриарха. Таким образом, вопрос о том, как сам Иннокентий Гизель относился к принятым тогда Парфением IV решениям, остается открытым. О сходных с Досифеем Иерусалимским взглядах Гизеля на необходимость «вселенского собора» для изменения «послушания» киевских митрополитов см.: *Довга Л.* Система цінностей... С. 66–67.

²⁸⁹ *Когут З.* Вплив політики на Інокентія Гізеля... С. 27–28; *Kohut Z. E.* 1) *Servant of the Tsar*... Р. 450; 2) *The Making of Cossack Ukraine*... Р. 115–116. См. также: *Эйнгорн В. О.* Очерки из истории Малороссии... С. 996–998.

²⁹⁰ См. подробнее: *Ченцова В. Г.* «Воссоединение». С. 91–173.

не могли сохранить прежнюю, сделанную еще дореволюционными учеными, датировку грамоты патриарха Парфения IV и синода с согласием на рукоположение Иннокентия Гизеля в Москве. Если грамота датировалась 1676 г., то сразу вставал вопрос о том, почему она вдруг стала «пропавшей», где затерялась чуть ли не на десятилетие и откуда вдруг появилась летом 1685 г. А задумавшись об этом, невозможно было не заподозрить и гетмана Самойловича в том, что он не столько стремился к «обереганию православия» за счет переподчинения Киевской митрополии Москве, сколько заботился о сохранении своей власти и собственного контроля над церковью. Это вынудило издателей «Воссоединения» делать совершенно невероятные предположения, чтобы попытаться хоть как-то объяснить каждый из фактов, не желавших укладываться в их стройную гипотезу.

В результате появились и необъяснимое копирование писцом подписей с каких-то старых документов, и неспешная, продлившаяся чуть не полтора года поездка к константинопольскому патриарху с предложением избрать Иннокентия Гизеля, который за это время уже успел скончаться (что, к тому же, осталось для всех неизвестным). «Характерный пример», с точки зрения К. А. Кочегарова — датировка грамоты константинопольского патриарха Парфения IV, а также основанные на ней предположения, которые по мнению ученого, являются свидетельством «определенного исторического конструктивизма» Ченцовой, «условных допущений», превращающихся тут же в доказанные утверждения и опору для новых гипотез, — как видно, являются характерным примером работы самого авторского коллектива «Воссоединения» и С. Ф. Михеева с С. Н. Остапенко, добавивших дополнительные фантастические предположения к высказанным в книге спорным утверждениям. Ведь задача историков не в том, чтобы придумать множество объяснений для каждого известного им факта, а в том, чтобы *все* эти факты уложились в предложенное объяснение происходивших событий.

Именно так, в конце концов, получилось с пропавшей и вновь найденной грамотой патриарха Парфения IV и синода. То обстоятельство, что грамота обнаружилась у гетмана Самойловича, создавало иллюзию, что ему она и была адресована. Изучение подписей членов синода на переводе грамоты, впрочем, не позволяло усомниться в том, что датировка этого документа никак не может быть перенесена на 1685 г. Но если грамота была подписана между концом мая и 19 июля 1676 г. (ст. ст.), то возникал и вопрос о том, когда именно и через кого Самойлович мог получить столь важную для судеб православия в Киевской митрополии грамоту. И учитывая напряженные в тот момент отношения гетмана с Иннокентием Гизелем, казалось странным, что именно его имя было названо в качестве наиболее достойного канди-

дата на кафедру. Все эти противоречия невольно заставляли задуматься над тем, Самойловичу ли предназначалась грамота патриарха Парфения IV. Ведь в 1676 г. на украинских землях он не был единственным гетманом, и не только он мог беспокоиться насчет вакантности киевской кафедры. Стоит лишь предположить, что после кончины Иосифа Тукальского гетман Петр Дорошенко также мог позаботиться об избрании нового митрополита, как все сразу встает на свои места и позволяет объяснить все известные из источников факты, казавшиеся ранее такими противоречивыми.

Если избрание Иннокентия Гизеля было задумано в окружении Дорошенко, все еще надеявшегося удержать власть, перейдя в московское подданство, то становится понятно, почему Самойлович предпочел не привлекать внимания к полученному разрешению возвести на митрополичью кафедру печерского архимандрита. И понятно, что давно посредничавший в переговорах между Дорошенко и Москвой Гизель совершенно не устраивал Самойловича в качестве митрополита. Если высказанные выше предположения верны, и Самойлович в самом деле оставил себе успешную попытку попасть в чигиринский «архив Дорошенко» грамоту, то не удивительно, что позже именно она стала примером канонически приемлемого решения сложного вопроса о передаче администрирования епархией другому патриарху. Ведь в 1683 г. у Самойловича появился и подходящий собственный кандидат на киевскую кафедру — Гедeon Святополк-Четвертинский. А после кончины Иннокентия Гизеля в ноябре этого же года содержание грамоты патриарха Парфения сохраняло лишь теоретическое значение. Предъявление ее в 1685 г. было не только совершенно безопасным для гетмана, но и работало на кандидата самого гетмана Самойловича.

В. В. Митрофанов

**«ВОСПОМИНАНИЯ О ЛИТЕРАТУРНЫХ ВСТРЕЧАХ
И ЗНАКОМСТВАХ» В. Г. ДРУЖИНИНА**

Часть 1

Имя Василия Григорьевича Дружинина — выдающегося археографа, исследователя древних документов, активного члена ряда авторитетных научных обществ России (Русского Археологического общества, Археографической комиссии и др.), видного представителя петербургской исторической школы, продолжает привлекать внимание исследователей. Недавно раскрыта загадка: почему С. Ф. Платонов — его университетский друг — не дописал обещанную академику Л. Н. Майкову, бывшему редактором «Журнала Министерства Народного Просвещения», рецензию на книгу, в основе которой лежала магистерская диссертация В. Г. Дружинина.¹ Неоконченная рукопись,² пролежавшая с 1889 г. в архиве академика, опубликована.³ А в письме Л. Н. Майкову, накануне диспута В. Г. Дружинина, на котором С. Ф. Платонов был оппонентом и рассматривал свое участие в нем, как «нравственную пытку», объяснил позицию так: «Рецензию я давно уже начал писать, но кончить ее не могу, потому что не позволяет мне моя совесть. Я не могу найти настоящего тона для отзыва о труде самого близкого мне человека. Я просто не нахожу в себе силы для того, чтобы его судить».⁴ Редкий случай, когда

---

¹ Митрофанов В. В. К вопросу рецензирования С. Ф. Платоновым книги В. Г. Дружинина // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. Кн. 3. С. 75–85.

² ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1363. Л. 1–7.

³ Платонов С. Ф. Рецензия на книгу В. Г. Дружинина «Раскол на Дону в конце XVII в.», февраль 1889. СПб. // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. Кн. 3. С. 80–83.

⁴ Митрофанов В. В. К вопросу рецензирования... С. 78.

С. Ф. Платонов переступил свою принципиальность, отложив ее в сторону ради дружбы, оказавшейся в данном случае главнее. Кстати, письмо находится в архивной папке с черновиками.⁵

Вообще же, личность В. Г. Дружинина масштабная, а его многообразное и разноплановое⁶ творчество обойдено вниманием исследователей. Об этом писал и авторитетный ученый П. Г. Гайдуков: констатирующий, что «не нашлось у него своего основательного и преданного биографа...».⁷ Хотя, стоит заметить, продолжают публиковаться отдельные работы. Знаковым событием следует считать юбилейную конференцию, в материалах которой помещены интересные статьи, раскрывающие многие малоизвестные аспекты его биографии и творчества.⁸

Имя В. Г. Дружинина встречается и в воспоминаниях С. Ф. Платонова.⁹ Оставил свои лаконичные заметки о В. Г. Дружинине и библиофил Ф. Г. Шилов, например, он писал о его библиотеке, которая «помещалась в пятидесяти шкафах»,¹⁰ о человеческих качествах и любви к книгам.¹¹

Известно, что после окончания в 1883 г. Санкт-Петербургского университета, В. Г. Дружинин был оставлен на кафедре для приготовления к профессорскому званию и приступил к написанию магистерского сочинения. 29 июня 1883 г. С. Ф. Платонов писал другу: «Дай бог, чтобы твоя диссертация шла так же скоро и споро, как, по моему убеждению, вышла твоя первая работа».¹² Однако, отсутствие специальных материалов задерживало труд на тему «Раскол на Дону в конце XVIII века», и защита состоялась только 5 марта 1889 г.

Примечательно, что жена С. Ф. Платонова, Надежда Николаевна, начиная свой дневник в 1889 г. 11 сентября, уже на другой день упо-

⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1843. Л. 1–2.

⁶ *Пивоварова Н.* «С министром Плеве я никогда знаком не был...»: К 150-летию со дня рождения В. Г. Дружинина // *София. Великий Новгород*, 2009. № 4. С. 22–24; *Плигузов А. И.* Библиотека Василия Григорьевича Дружинина // *Отечественные архивы*. 1994. № 5. С. 20–24; *Смирнова Т. Г.* 1) В. Г. Дружинин — историк, коллекционер, правитель дел Императорской Археологической комиссии // *Академический архив в прошлом и настоящем. Сборник научных статей к 280-летию Архива РАН*. СПб., 2008. С. 347–354; 2) О творчестве и жизни В. Г. Дружинина (к биографии ученого) // *Деятели русской науки XIX–XX вв. Вып. 4*. СПб., 2008. С. 469–498.

⁷ *Гайдуков П. Г.* «Воспоминания» В. Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии // *РА*. 2010. № 4. С. 136.

⁸ Памяти Василия Григорьевича Дружинина (1859–1936): материалы научных чтений, 10 августа 2010 г. СПб., 2010. 184 с.

⁹ *Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // *Платонов С. Ф. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М., 2017. С. 214–245.*

¹⁰ *Шилов Ф. Г.* Записки старого книжника. Мартынов П. Н. Полвека в мире книг. М., 1990. С. 47.

¹¹ *Шилов Ф. Г.* Записки старого книжника... С. 47–49.

¹² Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками: в 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 11.

мянула о В. Г. Дружинине. И на протяжении всего дневника он являлся одним из самых часто упоминаемых людей.¹³

Благополучный период жизни у В. Г. Дружинина закончился в 1929 г. Об этом он сам писал 3 ноября 1932 г. В. Д. Бонч-Бруевичу, занимавшему в 1933–1939 гг. должность директора Центрального музея художественной литературы (с 1934 г. — Государственный литературный музей), что его в феврале 1930 г. вызвал следователь ГПУ и предложил подписать документ о получении им повестки, в которой говорилось, что он обвиняется в принадлежности к контрреволюционной организации. Речь шла об участии в «Всесоюзном союзе борьбы за возрождение свободной России». Этот процесс получил в историографии название «Дело Платонова» или «Дело академиков», или «Академическое дело», по которому было арестовано 115 ученых, среди них были четыре академика: Н. П. Лихачев, М. К. Любавский и Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов и его ученики. В. Г. Дружинин,¹⁴ как близкий друг, начиная с университетской скамьи, не избежал преследований. Сначала он отказался подписать документ из опасения, что тем самым признает факт принадлежности к организации, о существовании которой не подозревал, но следователь объяснил «что это только повестка, а суд рассмотрит дело».¹⁵ «Потом он отпустил меня домой, где я жил до февраля 1931 г., когда мне предъявили приговор суда, что я приговорен к 5 годам лагеря по ст. 58, п. XI, т. е. по принадлежности к к[онтр]р[еволюционной] организации, арестовали и выслали в Соловецкий к[онц]лагерь. На суд меня не вызывали и не допрашивали, а прямо заочно решили и вынесли этот приговор, и выслали в лагерь. Там я пробыл 1 г[од] 4 месяца (вместо 5 л[ет]) и по ходатайству сына моего об освобождении меня был выслан в адм[инистративную] ссылку сюда, в Ростов. (Мне дали на выбор — 6, и я выбрал этот город)».¹⁶ По сведениям же П. А. Трибунского, ученого «...5 июня 1930 г. — арестовали. Постановлением „тройки“ Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе от 10 февраля 1931 г. Дружинин был приговорен к заключению в концлагерь сроком на пять лет. С 9 марта отбывал наказание в Соловецком лагере принудительных работ особого назначения».¹⁷ А с 23 мая 1932 г. в административной ссылке.

¹³ Платонова Н. Н. Дневник (1889–1921). Рязань, 2020. С. 29, 30, 36–43 и др.

¹⁴ Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 5. С. 117–129.

¹⁵ РО РГБ. Ф. 369. Карт. 267. Д. 17. Л. 8.

¹⁶ Там же. Л. 8–8 об.

¹⁷ Трибунский П. А. А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В. Г. Дружинина // Клио. 2013. № 12 (84). С. 120.

Следует сказать, что по указанному делу был осужден и близкий ученик С. Ф. Платонова П. Г. Васенко, который, находясь в административной ссылке во Владимире, также по заказу В. Д. Бонч-Бруевича написал воспоминания. Об этом свидетельствует их письменное общение. Начинается оно письмом из Москвы, напечатанным на машинке, подписанным заместителем Председателя комиссии по устройству Центрального литературного музея. Как видно из переписки, именно В. Д. Бонч-Бруевич предложил П. Г. Васенко написать и продать его рукопись «Мелочи прошлого быта» для нового музея: «Если нельзя будет в ближайшем будущем поместить мою работу (речь идет о первой главе „Воспоминаний“ в „Звеньях“), может быть, Вы ее предложите Музею для приобретения, как собрались по Вашей инициативе любезно сделать с моей рукописью „Мелочи прошлого быта“». ¹⁸

В письмах, в чем и состоит их историографическая ценность, затрагиваются, по сути, две темы — работа П. Г. Васенко над своими трудами и жизнь ученого в административной ссылке, ежедневная забота как можно быстрее получить сколько-нибудь денег, чтобы не умереть с голоду. Ситуация, в которой оказался П. Г. Васенко, только что вернувшийся из лагеря, была трагической, а один из организаторов литературного музея соглашался принимать для его фондов собранное «с 1926 г. и ранее даже не первоклассное».

В этих условиях ни о каких научных исследованиях не могло быть и речи, возможно было писать, только опираясь на свою память, поэтому П. Г. Васенко и обращается к новому для него жанру — воспоминания-хроники. Все письма П. Г. Васенко иллюстрируют его безвыходное положение, которое он сам называет как «чрезвычайно стесненное», он торопит адресата с высылкой денег, так как «крайне нуждается», поэтому согласен на любые варианты — продать рукопись или музею, или сборнику «Звенья». Здесь речь идет о «Мелочах прошлого быта», интересны некоторые сведения о рукописи, высланной в Москву: «122 листа тетрадного размера + один, 2 листа двойных, т. е. содержащих 161 № анекдотических списков (один или два №№ двойные, т. е. 11 и 11а и т.п.)». Рукопись была рассмотрена на заседании фондовой комиссии, о чем свидетельствует протокол № 48 п. 23, была оценена в 250 руб. ¹⁹ Эта сумма за вычетом

---

¹⁸ *Васенко П. Г.* Мелочи прошлого быта. СПб., 2004. 160 с. РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 560. Л. 8. *Митрофанов В. В.* «Иначе же мне грозит в будущем голодная смерть»: факты из жизни и творчества П. Г. Васенко во время административной ссылки в г. Владимир// Клио. 2012. № 10 (70). С. 128.

¹⁹ Музей покупал порой и более дорогие материалы. Так архив князя Щербатова был куплен за 1000 руб., четыре письма Кони за 50 руб. (РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 3034. Л. 10–10 об.).

2 руб. 40 коп., необходимых на почтовые расходы, была переведена П. Г. Васенко,²⁰ о получении которой он информировал директора музея.

Воспоминания были написаны,²¹ бумагу для рукописи высылал В. Д. Бонч-Бруевич.

В таком же трудном положении оказался и В. Г. Дружинин, и ему пришлось работать в невыносимых условиях отсутствия денег.

Действительно, следует согласиться с А. М. Дубровским, заметившим, что после жестких мер против историков власть сменила гнев на «милость», и оставшиеся в живых²² «вернулись из ссылки, не реабилитированные, а лишь помилованные».²³ Но следует дополнить — без разрешения жить дома, а в провинциальных городках, хотя и по выбору.

Касаясь воспоминаний В. Г. Дружинина, заметим, что этот замечательный источник давно известен и используется исследователями по частям — фрагментами, цитатами.²⁴ Находясь в древнем городке Ростове, он и получил предложение от В. Д. Бонч-Бруевича о продаже архива дяди — А. В. Дружинина, а потом и предложение написать воспоминания и продать их музею.

Текст рукописи его «Воспоминаний» получился объемным.²⁵ П. Г. Гайдуков пишет о 1850 страницах на «разрозненных листах фор-

---

²⁰ Митрофанов В. В. «Иначе же мне грозит в будущем голодная смерть»... С. 128.

²¹ Митрофанов В. В. «Желание передать будущему поколению...»: П. Г. Васенко и его «Воспоминания» // Клио. 2013. № 2 (72). С. 3–8; № 7 (78). С. 27–33; № 11 (83). С. 24–30; 2014. № 1 (85). С. 3–11; № 2 (86). С. 7–17; № 3 (87). С. 15–23; № 4 (88). С. 5–13. Примечательно, что наряду с журнальным вариантом появились и две книги (Васенко П. Г. 1) Воспоминания о моей жизни и прошлом быте. Новосибирск, 2014. 331 с.; 2) Из творческого наследия (Исследования. Воспоминания. Переписка); Материалы. Нижневартонск, 2015. 366 с.).

²² Например, С. Ф. Платонов умер в Самаре в 1933 г., С. В. Рождественский в 1934 г. в Томске.

²³ Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 120.

²⁴ Дружинин В. Г. Букинисты с 1874 по 1915 г. // Библиофилы России. Т. 15. М., 2019. С. 457–491; Берестецкая Т. В. 1) О русских нумизматах по «Воспоминаниям» В. Г. Дружинина // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции: Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г., 25–28 февр. 1992 г. СПб., 1992. С. 75–76; 2) О русских нумизматах по «Воспоминаниям» В. Г. Дружинина // Очерки по истории Отдела нумизматики. Нумизматический сборник. Вып. 12 (Труды ГИМ. Вып. 83). М., 1993. С. 70–80; Мамонтова М. А. Воспоминания В. Г. Дружинина как историографический источник // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV научной конференции, Москва, 18–19 апреля 2002 г. М., 2002. С. 319–321.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6–10.

мата школьной тетради», время же создания относит к 1933–1934 гг.²⁶ П. А. Трибунский говорит о 1851 странице²⁷ и датирует процесс написания (дата высылки первой части в 50 страниц 19 июля 1933 г., а время окончания май 1935 г., что и является наиболее верным. Но один очерк «А. В. Дружинин и его дневник (1824–1864): По семейным воспоминаниям» датирован 29 мая 1933 г.²⁸ Следовательно, он является первым, и этот факт позволяет уточнить время начала работы над воспоминаниями.

Н. Б. Алдоина, ссылаясь на архив (РГАЛИ. Д. 7–10), указывает на 4 школьные тетради в линейку с 939 листами (соответственно 255, 253, 254, 177), исписанными с обеих сторон.²⁹

Высказываются разные мнения о ходе работы над воспоминаниями и даются неоднозначные оценки. Например, В. Г. Бухерт писал: «Первоначально воспоминания задумывались как краткие очерки о друзьях, которые к тому времени уже ушли из жизни: первый из них — о И. А. Шляпкине — датирован 15 июня 1933 г., затем последовали очерки о педагоге К. А. Иванове (20 июня), археологах: графе И. И. Толстом (21 июня), А. А. Спицыне (24 июня), историках: С. М. Середонине, Н. Д. Чечулине (17 июля. — В. М.). Хотя, побудительным мотивом для Дружинина взяться за воспоминания стала, очевидно, смерть последнего и самого близкого его друга, С. Ф. Платонова», он сначала не решился писать о нем, мотивируя это тем, что «слишком свежа еще его могила».³⁰ Но оказывается главной причиной обращения к жанру воспоминаний была другая, когда «в тяжелых условиях нищего ссыльного, вынужденного в буквальном смысле этого слова вести борьбу за выживание В. Г. Дружинин»³¹ начал работать над рукописью.

В. Г. Бухерт связывает план воспоминаний с «канвой» его биографии и пишет «о товарищах по «кружку русских историков» (М. А. Дьяконове, А. С. Лаппо-Данилевском, Е. Ф. Шмурло и др.), а затем о тех, кого знал по работе в составе Археологической комиссии и Русского археологического общества, Археографической комиссии, Общества любителей древней письменности, Комитета попечительства о русской иконописи».³²

²⁶ Гайдук П. Г. «Воспоминания» В. Г. Дружинина... С. 137.

²⁷ Трибунский П. А. А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В. Г. Дружинина. С. 122.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 3. Л 1–11 об.

²⁹ Алдоина Н. Б. И. А. Гончаров в воспоминаниях В. Г. Дружинина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Т. 18. № 2. С. 55.

³⁰ Бухерт В. Г. С. Ф. Платонов и «кружок русских историков» // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 127.

³¹ Гайдук П. Г. «Воспоминания» В. Г. Дружинина... С. 136–142.

³² Бухерт В. Г. С. Ф. Платонов и «кружок русских историков». С. 127.

П. Г. Гайдуков рассмотрел археологическую тему, в том числе и сюжет очерка о А. А. Спицыне.³³ По подсчетам ученого, «археологическим и нумизматическим сюжетам» В. Г. Дружинин отводит 250 страниц или около 14% всего текста.³⁴ Среди историков (Е. Е. Замысловский, А. А. Куник, Н. П. Павлов-Сильванский и др.), которым посвящены отдельные части воспоминаний, следует отметить А. С. Лаппо-Данилевского.³⁵ П. А. Трибунский предпринял удачную попытку «рассмотреть в общих чертах историю создания мемуаров, их состав и бытование».³⁶ Безусловный интерес имеет кропотливо составленная таблица «Динамика высылки В. Г. Дружининым текста „Воспоминаний о литературных встречах и знакомствах“» (1933–1935 гг.).³⁷ Она позволяет восстановить хронологию высылки В. Г. Дружининым частей «Воспоминаний» с указанием конкретного объема подготовленного текста. Этот свод составлен на основе анализа и обработки архивных материалов, и не вызывает сомнений его достоверность.

Имеются работы и с ссылками на воспоминания В. Г. Дружинина, касающиеся писателей. Например, Н. Б. Алдонова обращается к мнению историка о встречах с известным русским писателем И. А. Гончаровым.³⁸ Две встречи на квартире автора «Обломова» произошли еще в бытность В. Г. Дружинина студентом. Важные сведения привела автор статьи о его библиотеке.

Все исследователи обращают внимание на повторы и неточности в воспоминаниях, но по-разному объясняют их появление. Так, П. А. Трибунский полагает, что «учитывая, что многие из персонажей очерков принимали участие в деятельности институций, о которых писал Дружинин, появление повторяющихся сюжетов вполне ожидаемо. Отметим, что повторы немногочисленны... и, одни и те же сюжеты в разных очерках содержат неодинаковый набор фактов».³⁹

И. Л. Тихонов неточности объясняет «отсутствием справочной литературы, слабеющей памятью 74-летнего ученого, пережившего страшные лишения...».⁴⁰ Но если обратиться, например, к очерку о букинистах, то говорить о слабеющей памяти не приходится. В. Г. Дру-

³³ Гайдуков П. Г. «Воспоминания» В. Г. Дружинина... С.140–141.

³⁴ Там же. С. 137.

³⁵ Трибунский П. А. А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях. С. 120–126.

³⁶ Там же. С. 120.

³⁷ Там же. С. 122.

³⁸ Алдонова Н. Б. И. А. Гончаров в воспоминаниях В. Г. Дружинина. С. 53–58.

³⁹ Трибунский П. А. А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях. С. 121.

⁴⁰ Тихонов И. Л. Воспоминания В. Г. Дружинина о А. А. Спицыне // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 2. М., 2010. С. 424.

женин перечисляет фамилии 21 книготорговца Петербурга, трех московских и одного провинциального. При этом у большинства указаны инициалы, даны характерные черты их внешнего вида и одежды, названы адреса магазинов и лавок, их интерьер и другие подробности.

Следовательно, рукопись давно ждет своего читателя и исследователей, не имеющих возможности работать в архиве, заказывать же копии — дело, с финансовой стороны, невозможное (если не оплачивает организация или не используются средства грантов).

Первая часть воспоминаний состоит из 5 очерков (хотя, мы упомянули отдельный очерк о воспоминаниях А. В. Дружинина, он хранится отдельно). Начинается она очерком, посвященным дяде — А. В. Дружинину — прозаику, поэту, драматургу, журналисту, критику, фельетонисту, переводчику, мемуаристу и Д. В. Григоровичу — русскому писателю. О времени окончания работы свидетельствует дата 8 июня 1933 г. Вероятно, все даты, поставленные автором в конце очерков, свидетельствуют об окончании работы. О значении для русской литературы творчества рано ушедшего из жизни А. В. Дружинина, свидетельствует востребованность его произведений сегодня.⁴¹ Целая серия диссертационных исследований позволяет говорить об актуальности обращения к его многогранной деятельности значительном вкладе в историю отечественной литературы. В этих работах приведена и полная библиография, которая внушительна по количеству источников.

Сравнительно недавно был издан его дневник,⁴² в книге помещен и названный выше очерк воспоминаний В. Г. Дружинина.

Заметим, что в деле очерки расположены не в хронологическом порядке. Но работа шла очень быстро, на что указывают даты на страницах.

Имя К. А. Иванова — выдающегося педагога, поэта, переводчика в последние годы вызывает все больший интерес. Главное дело его жизни — перевод «Фауста»⁴³ — было успешно завершено,⁴⁴ опублико-

---

⁴¹ *Фатеева И. А.* Теория словесности А. В. Дружинина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 18 с.; *Шевцова Л. И.* А. В. Дружинин-критик: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 345 с.; *Дегтярева О. Н.* Мастерство А. В. Дружинина-критика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 183 с.; *Алдошина Н. Б.* А. В. Дружинин (1824–1864): Малоизученные проблемы жизни и творчества: Дис. ... д-ра филол. наук. Самара. 2005. 532 с. (2-е изд. 2017).

⁴² *Дружинин А. В.* Повести. Дневник. М., 1986. 510 с.

⁴³ *Алексеева И. С.* О переводе «Фауста» И.-В. Гете Константина Иванова // Малый свет Руси великой: К 160-летию со дня рождения К. А. Иванова. Б. м., 2019. С. 86–99; *Васильева Г. М.* Антропоцентричность как принцип перевода: «Фауст» К. А. Иванов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 4. С. 36–45.

⁴⁴ *Гете И. В.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Кн. 2. СПб., 2017. 406 с.

вана значительного объема корреспонденция, адресованная С. Ф. Платонову.⁴⁵ Активно вовлекаются в научный оборот другие интересные архивные материалы, в том числе упомянутые в очерке.⁴⁶ В. Г. Дружинин одним из первых обратился к столь неординарной фигуре — бывшему его близким университетским другом. Кстати, один петербургский исследователь готовит к публикации корреспонденцию К. А. Иванова к В. Г. Дружинину. Среди наиболее явных неточностей укажем на дату смерти друга, числе его братьев и особенно детей, вместо 12-й гимназии указана 8-я и другие (часть еще перечислены в примечаниях к тексту).

Другой университетский друг В. Г. Дружинина А. А. Спицын по праву причислен к патриархам российской археологии. Его биография и творчество, результаты археологических раскопок были предметом многочисленных исследований И. Л. Тихонова.⁴⁷ Он же опубликовал очерк о А. А. Спицыне с лаконичными комментариями.⁴⁸ Чтобы не нарушать общую структуру архивного дела, очерк, думается, следует теперь поместить в этой публикации, снабдив его новыми комментариями.

---

⁴⁵ Митрофанов В. В. 1) Межличностные коммуникации К. А. Иванова с С. Ф. Платоновым (1883–1891 гг.) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2023. Т. 5. Вып. 1. С. 96–135; 2) «Неравнодушен я только к голосу дружбы»: письма К. А. Иванова к С. Ф. Платонову (1892 — 27 мая 1899 гг.) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2024. Т. 5. Вып. 2. С. 56–90; 3) «От избытка сердца говорят уста»: письменное общение К. А. Иванова с С. Ф. Платоновым (9 июня 1899 — 24 июня 1903 г.) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2024. Т. 5. Вып. 3. С. 71–111; 4) «...Особенно сильно чувствую себя русским»: письменное общение К. А. Иванова с С. Ф. Платоновым (22 июля 1903 г. — 19 декабря 1905 г.) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2024. Т. 5. № 4. С. 68–102; 5) «...Знак искреннего чувства любви и уважения»: письменное общение К. А. Иванова с С. Ф. Платоновым (10 марта 1906 г. — 21 июля/3 августа 1918 г.) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2025. Т. 6. Вып. 1. С. 80–102.

⁴⁶ Федотова М. «Война гимназистов» с чертами за освобождение К[есслера] из ада»: о гимназической поэме К. А. Иванова // Детские чтения. 2023. № 1. Вып. 23. С. 361–386.

⁴⁷ Тихонов И. Л. 1) Триада деятельности А. А. Спицына в Петербурге: Археологическая комиссия, Русское Археологическое общество, Университет // История и практика археологических исследований: материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР, проф. А. А. Спицына, Санкт-Петербург, 26–30 ноябрь 2008 г. СПб., 2008. С. 163–184; 2) Спицын в Петербурге // Спицын А. А. Избранные труды по истории Вятки. Киров, 2011. С. 422–241; Тихонов И. Л. С. Ф. Платонов и А. А. Спицын // Памяти академика С. Ф. Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 347–361.

⁴⁸ Тихонов И. Л. Воспоминания В. Г. Дружинина о А. А. Спицыне. С. 421–430.

Вятские исследователи активно занимаются творчеством своего выдающегося земляка,⁴⁹ переиздаются его труды,⁵⁰ извлекаются из архивов ранее не опубликованные работы.⁵¹

Чрезвычайно важно упоминание в очерке сборника, посвященного выдающемуся археологу на иностранном языке.⁵² Это было первое столь широкое признание вклада русского археолога в европейскую науку.

Следующий очерк посвящен знакомому В. Г. Дружинину еще по гимназическим годам графу И. И. Толстому. Его научные интересы были связаны с нумизматикой.⁵³ В этом очерке интересные сведения приведены о злоупотреблениях при постройке в Петербурге «Храма на Крови» и о причастности великого князя Владимира Александровича к ним, в частности, по трате средств, собиравшихся по всей империи.

Раскрыты отдельные нелицеприятные факты взаимоотношений членов Археологической комиссии, например, И. И. Толстого с, в оценке А. С. Смирнова, «личным другом» Н. П. Кондакова.⁵⁴ Отношения же их с графом А. А. Бобринским, ставшим с начала 1886 г. председателем Археологической комиссии, не сложились и, в конечном счете, привели их к уходу из комиссии в 1891 г., правда, в разное время. Отдельные фрагменты из этого очерка, как и других, касающихся нумизматов, привела в своей публикации Т. В. Берестецкая.⁵⁵

---

⁴⁹ Бердинских В. А. А. А. Спицын в письмах С. Ф. Платонову // АЕ за 1995 год. М., 1997. С. 148–150; Мусихин А. Л. «Большой знаток своего дела»: сборник статей об А. А. Спицыне. Киров, 2018. 120 с.; А. А. Спицын и историческое прошлое России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Киров, 12 сент. 2016 г.). Киров, 2016. 140 с.

⁵⁰ Спицын А. А. Избранные труды по истории Вятки. Киров, 2011. 512 с.

⁵¹ Спицын А. А. 1) По поводу кургана, раскопанного в г. Валуйках // Клио. 2015. № 6 (102). С. 113–121; 2) Очерки по истории педагогики: Статья Демкова. Отзыв // Вестник Воронежского университета. Проблемы высшего образования. 2020. № 3. С. 116.

⁵² Eurasia septentrionalis antiquae. Vol. IV. Helsinki, 1929. 340 p.

⁵³ Толстой И. И. 1) Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882. 272 с. 2) Русская допетровская нумизматика. Вып. 1. Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884. 178 с.; 3) Русская допетровская нумизматика. Вып. 2. Монеты псковские. СПб., 1886. 137 с.

⁵⁴ Смирнов А. С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М., 2011. С. 134.

⁵⁵ Берестецкая Т. В. О русских нумизматах по «Воспоминаниям» В. Г. Дружинина // Очерки по истории Отдела нумизматики. Нумизматический сборник. Вып. 12 (Труды ГИМ. Вып. 83). М., 1993. С. 70–80; Барыкина И. Е. Письма Н. П. Лихачева к графу И. И. Толстому из фонда Отдела рукописей Российской национальной библиотеки // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 221–231.

Важно упоминание В. Г. Дружининым о коллекции И. И. Толстого (по сведениям Е. В. Лепехиной, к февралю 1905 г. она насчитывала 32083 экз.⁵⁶), особую ценность которой составляли босфорские монеты.⁵⁷ Коллекция вместе со шкафами для хранения монет была передана в Эрмитаж. Память о выдающемся ученом и ныне бережно сохраняется.⁵⁸

С И. И. Толстым В. Г. Дружинин пересекался не одно десятилетие. Вершиной же административной карьеры графа стало назначение на должность министра, правда, занимал он ее лишь несколько месяцев.

Главным содержанием очерка являются взаимоотношения И. И. Толстого с окружающими и малоизвестные слухи и факты общественной жизни.

Самый большой очерк в этой части воспоминаний посвящен И. А. Шляпкину — выпускнику знаменитой Третьей гимназии, давшей российской науке целую плеяду выдающихся и известных имен, часть из них перечислена в начале очерка. Общий интерес и любовь к книгам привели их к знакомству, переросшему в дружбу на всю жизнь.

Кстати, свои воспоминания о И. А. Шляпкине В. Г. Дружинин оставил еще в 1923 г., а написаны они были к вековому юбилею Третьей гимназии.⁵⁹ Отдельные факты были повторены и в публикуемом очерке (сюжет о Кесслере, знакомство с ректором Римско-Католической духовной академии Н. Рокицким, озорное хоровое пение гимназистов и др.).

Жизнь и творчество И. А. Шляпкина нашли отражение в документах его богатого архива.⁶⁰ Эти материалы сегодня активно вовлекаются в научный оборот. В ряду перспективных направлений для исследователей выходит на первый план переписка с его многочисленными корреспондентами.⁶¹ В последние годы появились замеча-

⁵⁶ Лепехина Е. В. О поступлении в 1917 г. коллекции русских монет И. И. Толстого в Эрмитаж // Сим победиши: сборник статей. СПб., 2024. С. 308.

⁵⁷ Там же. С. 303–315.

⁵⁸ Мемуары графа И. И. Толстого. М., 2002. С.19–318; Гайдук П. Г. К 150-летию со дня рождения Ивана Ивановича Толстого // РА. 2008. № 4. С. 159–166.

⁵⁹ Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина: Из воспоминаний В. Г. Дружинина // За сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923. С. 97–106.

⁶⁰ Рукописный отдел Института русской литературы. Ф. 341. Оп. 1 (3272 архивных дела); ОР РНБ. Ф. 865. Оп. 1 (420 архивных дел); РГАЛИ. Ф. 1296 (448 архивных дел); Архив СПбИИ РАН. Ф. 154. Оп. 1 (1263 архивных дела).

⁶¹ Востриков А. В. Илья Александрович Шляпкин в зеркале своих корреспондентов. Письма А. 1904–1918 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома, на 2020 год. СПб., 2020. С. 415–460.

тельные работы М. А. Федотовой, раскрывающей личность И. А. Шляпкина с малоизвестных сторон его многосторонней деятельности.⁶² Особый интерес представляет информация о собирании и составе библиотеки И. А. Шляпкина и ее судьбе,⁶³ как и других коллекций, которые осели в разных музеях и библиотеках.

Ф. Г. Шилов (1879–1962) — известный ленинградский антиквар-букинист — указывал на состав библиотеки. По его сведениям, она «состояла из 30 тысяч томов, и каждая книга имела какую-нибудь особенность: либо она была с автографом, либо это был корректурный экземпляр, либо веленевый — словом, библиотека была уникальной»,⁶⁴ и здесь же упомянут «Дневник Шляпкина», «состоящий из двух книжек, никому не известный, нигде не опубликованный».⁶⁵ О судьбе библиотеки И. А. Шляпкина сказано так: «После смерти Шляпкина Василий Григорьевич был его душеприказчиком, и благодаря хлопотам Дружинина библиотека Шляпкина поступила, согласно воле завещателя, в Саратовский университет и на Высшие женские курсы, а некоторые вещи были переданы Псковскому музею».⁶⁶ Но не все эти сведения верны. Более подробная информация о И. А. Шляпкине дается в третьей главе.⁶⁷

Публикация в полном объеме очерков из «Воспоминаний» В. Г. Дружинина — дань памяти выдающемуся историку. Ввод в полном объеме (кроме очерка, посвященного А. А. Спицыну) первой части интереснейшей рукописи позволит активно ссылаться на нее, что создает возможность провести рефлекссию с уже известными фактами из жизни и деятельности героев очерков. Хочется надеяться, что состоятся и следующие публикации.

---

⁶² *Федотова М. А.* Переписка И. А. Шляпкина с А. А. Титовым // *Словесность и история.* 2023. № 1. С. 111–185.

⁶³ *Аксенова Г. В.* «Книголюбец» И. А. Шляпкин // *Обсерватория культуры.* 2007. № 1. С. 118–122.

⁶⁴ *Шилов Ф. Г.* Записки старого книжника. С. 13–106, 60.

⁶⁵ Там же. С. 49.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 60–62.

В. Г. Дружинин

Воспоминания о литературных встречах и знакомствах

А. В. Дружинин (1824–1864)

Д. В. Григорович (1822–1899)

Приступая к изложению воспоминаний о литературных встречах и знакомствах, я начну с моего детства. Дяди моего А. В. Дружинина¹ я не помню.

Он скончался в 1864 г., когда мне еще не было пяти лет. Мне рассказывали, что он очень любил посещать нашу семью и забавлялся с нами, детьми. Меня он научил некоторым ответам. После того как меня выстригли под гребенку, он как-то посетил нас, и увидев, как я острижен, велел так отвечать, когда меня спросят для чего меня так коротко остригли. Я должен был отвечать: чтобы вша не завелась! Но была и «политическая» шутка. Когда меня спрашивали, что ты делаешь? Я должен был отвечать: Пишу письма за границу.

— Кому?

— Герцену.

— О чем?

— Что наш царь помешался!

Пришел после этого к нам Григорович².

Его научили задать мне эти два вопроса. Я, конечно, отвечал по заученному. Услышав последний ответ Григорович замахал руками и строго запретил так отвечать, говоря, что за это могут посадить в тюрьму. Это было первое мое с ним знакомство. После обеда, данного отцом моим литераторам, бывшим на похоронах А. В. Д[ружинина], один только Д. В. Григорович продолжал знакомство с нашей семьей и часто обедал у нас и проводил вечера. Я объясняю это отчасти характером Г[ригорови]ча — веселого болтуна и прекрасного рассказчика, отчасти и тем, что он помогал отцу моему находить и покупать картины, бронзу и фарфор, до которых отец был большой любитель и собиратель, и большой знаток. По некоторым данным, Г[ригорович] делал это не бескорыстно. Во всяком случае, он был у нас своим человеком до конца своих дней. Нас было в то время у родителей пять человек детей: два старших брата, две старших меня сестры; мне же было лет семь (в 1865 г.).

---

¹ Дружинин Александр Васильевич (1824–1864) — писатель, литературный критик, переводчик Байрона и Шекспира.

² Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899) — русский писатель.

Г[ригорович] затеял устроить детский домашний³ спектакль. Были поставлены две пьесы. Одна из них, в которой участвовали старший брат мой, младшая сестра, была сценой из «Эдипа в Афинах» Озерова⁴. Брат играл Эдипа, сестра Антигону, а я пастушка, который должен был возвестить о приходе Эдипа. Этот последний маленький монолог присочинил Г[ригорович].

Во второй пьесе приняли участие сам Г[ригорович], моя старшая сестра и второй брат. Г[ригорович] сочинил текст этой пьесы. Названия ее я не помню. Но содержание ее таково. Арлекин пылает страстью к Коломбине. Какие-то препятствия мешают их браку. И вот — волшебник дедушка Курареку устраняет эти препятствия, и пьеса кончается браком Арлекина на Коломбине. Арлекина играл брат мой, Коломбину — сестра, а волшебника сам Г[ригорович]. Для обеих пьес были заказаны костюмы. Г[ригорович] был в длинном коричневом халате с нашитыми на нем разноцветными звездами и в остроконечном колпаке, тоже со звездами. В зале была установлена сцена с занавесью. До спектакля был целый ряд репетиций. Мы — дети — заучили роли, но Г[ригорович] своей роли не знал, и сестра во время спектакля ему непрерывно суфлировала. Спектакль состоялся в присутствии родных и знакомых: зал был полон. Актеры получили большую корзинку с конфетами от двух родных бабушек. К сожалению, этой литературной шалости не сохранилось. В юности Г[ригоровича] приходилось видеть нам, детям, только во время обеда, и только впоследствии, после смерти отца, мне удалось слышать его беседу и рассказы в гостиной у матери моей. Из рассказов отца о Г[ригоровиче] я помню, как Г[ригорович] решил однажды: он поехал в свое имение в Тульской губернии, доставшееся ему после смерти матери его, где он провел детство,⁵ после поступления в Инженерное училище не бывал. Долго ехал на почтовых, но, не доезжая верст 30-ти от имения, ему почему-то стало грустно и тяжело; он велел ямщику повернуть лошадей и, не доехав до имения, вернулся в Петербург.

Как известно, одной из главных заслуг Г[ригоровича] было создание при Обществе Поощрения художников⁶ музея прикладного и промышленного искусства и рисовальной школы тоже для того же искусства. Для этого он убедил знакомых собирателей, которые, убежденные им в пользе музея, охотно жертвовали предметы искусства — фарфор, бронзу и т[ому] п[одобное], как образцы для подражания. Мой

---

³ Далее зачеркнуто: театр.

⁴ Озеров Владислав Александрович (1769–1816) — драматург.

⁵ Далее зачеркнуто: и поступив в инженерное.

⁶ Общество поощрения художеств (ОПХ) — российская общественная организация, основанная в Санкт-Петербурге в 1820 г. Просуществовало до 1929 г.

отец был членом Комитета Общества и тоже пожертвовал несколько предметов. Г[ригорович] был секретарем Общества с 1864 по 1884 г. Однажды Александр III посетил Музей Общества, долго его осматривал.

По окончании осмотра он поблагодарил Г[ригорови]ча, объявил о назначении ему пожизненной пенсии в 6 т. рублей, пожал ему руку и передал что-то в свертке.⁷ Г[ригорович] поблагодарил императора и, как сам рассказывал, положил сверсток в карман, не догадываясь, что в нем находилось. А в свертке, к удивлению своему, нашел орден Владимира 3 степени. Отец, шутя, спросил его, что же, полагал он, мог дать ему государь, не несколько же рублей на чай!

Г[ригорович] был весьма сконфужен своей бестактностью, т[ак] к[ак] надлежало тотчас же надеть орден. Между прочим, он посоветовал отцу моему заказать портреты двух старших моих сестер художнику Жодейко⁸. Портреты были написаны в 70-х гг., но неудовлетворительно, были мало похожи. Они были потом переданы моим сестрам. По смерти отца моего Г[ригорович] продолжал часто бывать у моей матери. Его недруги рассказывали про него, что, побывав в гостях у одного, он переходил к другому знакомому, бранил и рассказывал ему разные разности про первого и т. д. Это как будто содержало в себе много правды. Он был вхож к Нечаеву-Мальцеву⁹, холостяку, получившему большое наследство от некоего Мальцева, фамилию которого прибавил к своей. Нечаев-Мальцев великолепно отделал¹⁰ купленный им особняк на Сергеевской, как раз против дома, где мы жили. При доме была выходявшая на улицу оранжерея. В зале был расписан потолок с изображением Авроры. Неч[аев]-Мальц[ев] давал большие обеды, балы и вечера. К нему съезжалась масса гостей. От обеда Г[ригорович] приходил к моей матери и, между прочим, рассказывал что там было в юмористической форме. У Н[ечаева]-М[альцева] были две сестры старухи, которые жили при нем, очень безобразного вида. Г[ригорович] рассказывал, что в доме на плафоне изображена «une Aurore»¹¹, а внизу в комнатах были «deux horreur».¹²

Характерен его рассказ о П. П. Демидове,¹³ князе Сан-Доминго. Когда-то Демидов проигрался однажды в карты настолько, что для

⁷ Далее зачеркнуто: (это оказался орден Владимира 3 степени).

⁸ Жодейко Леонид Фролович (1826–1878) — русский живописец-портретист, академик Академии художеств.

⁹ Нечаев-Мальцов (Мальцев) Юрий Степанович (1834–1913) — меценат, благотворитель, переводчик, дипломат, владелец стекольных заводов и фабрик.

¹⁰ Далее зачеркнуто: особняк.

¹¹ «Аврора» (фр.).

¹² «Два ужаса» (фр.).

¹³ Демидов Павел Павлович (1839–1885) — князь Сан-Доминго, промышленник и благотворитель.

уплаты долга ему пришлось продать С. Донато, и он почитал себя разоренным. Он стал наводить экономию в своих личных расходах, хотя особой надобности в том не было, т[ак] к[ак] оставалось огромное имущество помимо С. Донато, которое требовало только расходов. После этого вскоре приходит к нему летом Г[ригорович], по обычаю, к обеду. Демидов заявляет ему, что разорен, ради экономии распустил штат прислуги, и пригласил его вместе пообедать, но в трактире. Они вышли на улицу. Был жаркий день. Д[емидов] говорил, что надо поехать в загородный ресторан на острова, но т[ак] к[ак] извозчик возьмет дорого, то надо проехать на «конке», на империале. Они взобрались на империал. В ресторане Д[емидов] заказал обед с винами, и эта затея обошлась ему до 150 р. Г[ригорович] уверял, что Д[емидов] каждый день так набивает экономию в расходах! Г[ригорович] рассказывал это как пример сумасбродства Демидова.

По смерти отца моего Г[ригорович] подходит как-то ко мне и спрашивает, что моя мать делает с собраниями, оставшимися после смерти отца моего, картинами, бронзой, фарфором. Я ответил, что мать предугадывает оставить все в прежнем виде. «Да, но ты знаешь, что картины не оригиналы, а копии, и их следовало бы распродать». Он, очевидно, не знал, что картины, по большей части, приобретались моим отцом при его посредничестве, в чем имелись в бумагах отца моего документы и часть его, Г[ригоровича], расписки. На это я ответил, что моя мать не собирается ничего продавать. Очевидно, он рассчитывал, что ему поручат это дело. После смерти матери все собрания отца были поделены между нами — братьями и сестрами. Для оценки был приглашен специалист антиквар — знаток этих предметов, и признал все картины подлинными.

Когда я поступил на службу в Археологическую Комиссию членом ее (1889 г.), то, узнав об этом, Г[ригорович] предупредил меня, что там есть член Комиссии М. П. Боткин,¹⁴ известный художник, собиратель древностей, и предупредил меня: «не доверяйся ему. „Мишатики“, так называл его Г[ригорович], человек лукавый и лживый, будь с ним осторожен и не доверяйся ему». Я, конечно, поблагодарил за предупреждение. И действительно, М. П. Боткин оправдал это предупреждение, но, по счастью, не по отношению ко мне. Со мной он всегда был изысканно любезен, между прочим, показывал свой музей.

Г[ригорович] был женат на уроженке г. Вены и имел дочь, но ни ту, ни другую не знакомил со своими знакомыми. Умер Г[ригорович]

---

¹⁴ Боткин Михаил Петрович (1839–1914) — живописец и график, один из наиболее авторитетных художников петербургского академизма пореформенной эпохи, историк и коллекционер, академик Академии художеств.

в 1899 г. и похоронен на так называемых Литературных мостках на Волковом кладбище.¹⁵

Ростов, 8/ VI. 1933. В. Г. Дружинин.

Константин Алексеевич Иванов (1858–1920 (?))¹⁶

Другой мой гимназический сверстник, тоже меня старший по выпуску, одноклассник пр[офессора] И. А. Шляпкина, был К. А. Иванов. Он стал выдающимся педагогом-историком, составил ряд учебников, по которым училось не одно поколение. Он был сыном небольшого чиновника, служившего во Втором отделении собственной его величества канцелярии, впоследствии Кодификационном отделе¹⁷. Он жил жалованием, получаемом на службе, и имел двух сыновей¹⁸. Кон[стантин] Ал[ексеевич] был из них старший. Он поступил одновременно с И. А. Шляпкиным в пансион Юргенс,¹⁹ и потом они встретились в подготовительном классе Третьей классической гимназии. К[онстантин] А[лексеевич] И[ванов] учился хорошо и окончил курс гимназии в 1877 г. с серебряной медалью. В гимназии он слыл поэтом. Действительно, рифма ему удавалась, но художественная сторона его стихотворений была слаба. В старших классах он пробовал переводить стихи Гейне, Фрейлиграта²⁰ и др[угих], т[ак] к[ак] обладал знанием немецкого и французского языков, хотя не говорил на них. Сам он писал гимназические шутливые стихотворения. Выдержку из одного из них я приводил в воспоминаниях об И. А. Шляпкине. Другое, помню, было написано на преподавателя латинского языка Э. Э. Кесслера. Это был прекрасный преподаватель; его любили гимназисты за справедливость и прекрасное, хотя и строгое, отношение к ним. Он составил прекрасный синтаксис латинского языка. Случилось как-то в классе, что Кесслера гимназист переводил какого-то автора, Ив[анов] оканчивал переписку шутливого стихотворения «Похищение Кесслера в ад».²¹ Стихотворение изобиловало выражениями Кес-

¹⁵ Напротив этого абзаца на полях подпись: «В. Дружинин».

¹⁶ К. А. Иванов умер 15 июля 1919 г.

¹⁷ Иванов Алексей Савельевич, сын вольноотпущенника из крестьян, писаря 1 класса Инженерного департамента Военного министерства, позже в должности экзектора II Отделения СЕИВ Канцелярии (*Бровкина Т. Ю.* Последний директор Императорской Николаевской Царскосельской гимназии // *Малый свет Руси великой: К 160-летию со дня рождения К. А. Иванова. Сборник статей.* [Б. м.], 2019. С. 6–41).

¹⁸ В семье А. С. Иванова было четверо сыновей: Константин (1858), Василий (1861), Леонид (1866), Николай (1872).

¹⁹ Немецкий пансион Адели Федоровны Юргенс.

²⁰ Фрейлиграт Фердинанд (1810–1876) — немецкий поэт, переводчик.

²¹ Подробнее: *Федотова М.* «Война гимназистов с чертями за освобождение К[есслера] из ада»: о гимназической поэме К. А. Иванова // *Детские чтения.* 2023. № 1. Вып. 23. С. 361–386.

слера. К[онстантин] А[лексеевич] И[ванов] знал перевод и не слушал отвечавшего урок. Кесслер, проходя мимо К[онстантина] А[лексеевича] И[ванова], заметил его работу, неожиданно подошел и, закрыв ладонью исписанный лист бумаги, спросил, что это такое. К[онстантину] А[лексеевичу] И[ванову] пришлось признаться, что писал стихотворение на него, Кесслера, и извиниться за занятие посторонним уроку делом. Кесслер взял написанное с собой, но зная, что К. А. И[ванов] хороший ученик, ограничился лишь замечанием. В следующий урок он вернул автору со смехом стихотворение, прочтя его дома, но никакого наказания не наложил.

К. А. И[ванов] был большой любитель книг и подбирал он себе библиотеку русских и немецких классиков. По окончании гимназии он поселился в одной квартире со Шляпкиным, и оба поступили на историко-филологический факультет С.-П[етер]бургского университета, и одновременно окончили курс его. К. А. И[ванов] жил тоже уроками и, будучи студентом, сблизился с пр[офессором] О. Ф. Миллером.²² По окончании курса университета в 1881 г. женился летом на своей ученице,²³ не имея еще определенного казенного места. В течение лета он бродил по гимназиям, ища уроков. Зашел он в Пятую Классическую гимназию к директору ее Шрамеку.²⁴ Там оказалась вакансия преподавателя истории; но директор просил какой-нибудь письменной рекомендации. По счастью, он знаком был с пр[офессором] О. Ф. Миллером, и когда К. А. И[ванов] обещал ему доставить от него рекомендательное письмо, то Шрамак обещал принять К. А. И[ванова]. Письмо было доставлено, и К. А. И[ванов] поступил штатным преподавателем с предоставлением ему тридцати уроков в неделю. Урок молодого преподавателя оплачивался тогда 60 рублями, и это место обеспечивало К. А. И[ванову] 1800 р. Это сразу обеспечивало средства к жизни, хотя требовало большой работы по выработке курса и преподавания. При этом все же пришлось искать частных уроков, и он счастливо находил их. Тогда частные уроки преподавателя гимназии оплачивались пятью рублями за час. Ему пришлось для безбедной жизни взять еще 12 частных уроков. Работа была тяжелая в первый год преподавания. Дав пять часов в гимназии, он еще шел

---

²² Миллер Орест Федорович (1833–1889) — русский ученый, профессор истории русской литературы. Один из первых биографов Ф. М. Достоевского.

²³ Иванова Анна Павловна (Касперова, 1865–1930).

²⁴ Шрамак Иван Федорович (1818–1884, русское подданство принял в 1874 г.). В 1867 г. был назначен преподавателем латинского языка в гимназии, в 1868 г. — учителем греческого языка, а с 1869 г. одновременно преподавал и латинский язык, с 1872 до 1884 г. — директор гимназии. Подробнее: *Иванов К. А. Пятидесятилетие С.-Петербургской Пятой гимназии: 1845–1895.* СПб., 1896. 82 с.

ежедневно на два часа частных уроков. Возвращаясь домой усталый, он обедал, отдыхал с час и садился за работу по приготовлениям к урокам следующего дня. Через год стала у него расти семья — пошли дети. В течение жизни у него было семь человек детей,²⁵ он все же не бросил стихотворчества, и бывая у друзей, и когда мы его навещали, он читал свои произведения и переводы преимущественно произведений немецких авторов. Но стихотворений своих и переводов ему не удавалось напечатать.²⁶ Усердно работая над приготовлением к урокам, он много читал по своему предмету. Особенно любил он всеобщую историю и историю средних веков. Это дало ему материал для составления нескольких пособий для учеников.²⁷ Он составил монографию о трубадурах,²⁸ о средневековых замках,²⁹ о средневековом городе и деревне³⁰. Они выдержали несколько изданий, и последующие издания увеличивались в объеме, вследствие дополнения и переработки текста, и украшались иллюстрациями, заимствованными из иностранных сочинений.

С течением времени из записок его по подготовке к урокам выросли его учебники для средних и низших учебных заведений. Он составил учебники по древней, средней, новой и русской истории и методике преподавания истории. Подметив недостатки учебников Иловайского³¹ и других, он настолько удачно составил свои учебники, что они тотчас были одобрены Ученым комитетом М[инистерст]ва народного просвещения и стали вводиться в учебные заведения в столице и провинции. Он все время при новых изданиях обрабатывал текст учебников и ввел в них иллюстрации к тексту. Когда учебники стали требоваться в большом количестве, он составил небольшую компанию из трех опытных в издательстве лиц, т[ак] к[ак] сам не успевал уже вести техническую сторону дела — сношения с типографиями, за-

²⁵ Допущена неточность: родилось 11 детей: 4 сына и 7 дочерей: Евгения (1882 — после 1945), Борис (1884–1918), Людмила (1886 — после 1930), Лидия (1888–?), Вячеслав (1892–?), Анна (1893–1968), Константин (1896–1961), Елена (1898–1915), Сергей (1901–?), Надежда (1904–1989), Елизавета (1907–1910).

²⁶ *Иванов Константин*. Стихотворения. СПб., 1906. 510 с.

²⁷ *Иванов К. А.* Новая история: (Курс систематический). СПб., 1903. 244 с. и др.

²⁸ *Иванов К. А.* Трубадуры, труверы и миннезингеры. СПб., 1901. 356 с.

²⁹ *Иванов К. А.* Средневековый замок и его обитатели в эпоху процветания рыцарства. СПб., 1892. 125 с.

³⁰ *Иванов К. А.* 1) Средневековый город и его обитатели. СПб., 1895. 119 с.; 2) Средневековая деревня и ее обитатели. СПб., 1896. 144 с.

³¹ Иловайский (Дмитрий Иванович, 1832–1920) — историк, публицист, автор учебников. Подробнее см.: *Плетнева А. В.* Критика учебников Д. И. Иловайского в конце XIX — начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (144). С. 196–202.

купку бумаги, заведование складом изданий и рассылку книг. Сам он взял на себя обработку текста книг и корректуру. Особенно выросли в объеме написанные им пособия. Его учебники вытеснили учебники Иловайского. Он освободился от частных уроков и получал хороший доход, стали накапливаться денежные сбережения. С течением времени он был назначен директором Человеколюбивой гимназии,³² а потом директором Восьмой гимназии.³³ В это время он приглашен был давать уроки трем дочерям государя. Они жили, как известно, в б[ывшем] Царском Селе; уроки начинались рано, в 9 часов утра. Чтобы вовремя попадать на поезд, надо было вставать в 6 часов утра. Его пригласил туда его университетский товарищ П. В. Петров,³⁴ бывший преподавателем Высших учебных заведений, а потом заведывавший учебной частью при дворе.

Возвращался К. А. И[ванов] домой около часа по полудни. Впрочем, ездил он не каждый день. Когда открылась вакансия, он переведен был директором Царскосельской Николаевской классической гимназии и получил в ней квартиру. Это значительно облегчило ему условия преподавания, т[ак] к[ак] гимназия находилась в получасе ходьбы от дворца.

Впоследствии он купил себе дом в б[ывшем] Царском Селе на Мангазейской ул[ице] и перебрался в него из гимназии. В бытность свою директором Восьмой гимназии, которая помещалась в наемной квартире в частном доме у Аничкова моста на Невском проспекте, при которой он также имел казенную квартиру, он обладал уже достаточными средствами и после обеда навещал обыкновенно букинистов, пополняя свою библиотеку по преимуществу иллюстрированными изданиями. Особенно любил он бывать на Литейной в доме Мариинской больницы у букиниста Ф. Г. Шилова.³⁵ Он садился в магазине и перебирал новые покупки хозяина, отбирая гравюры, и в то же время любил побеседовать с Шиловым, человеком развитым и знавшим книгу. Покупал он также масляные картины у антикваров Смирновых³⁶ на Вознесенском проспекте. Надо, впрочем, сказать, что в картинах он толка не понимал и не обладал художественным вкусом.

---

³² Речь идет о гимназии Человеколюбивого общества.

³³ Неточность, правильно 12 гимназии.

³⁴ Петров Петр Васильевич (1858–1918) — чиновник для особых поручений IV класса при Главном управлении военно-учебных заведений, учитель августейших детей Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии и Алексея. После ссылки семьи в Тобольск находился в переписке с последним из них.

³⁵ Шилов Федор Григорьевич (1879–1962) — букинист, антиквар, коллекционер.

³⁶ Братья Смирновы Василий и Федор занимались продажей полотен живописи, исполненных маслом.

У него были две-три картины Клевера,³⁷ Мещерского.³⁸ Его забавляла, видимо, сама покупка картин и доставка их домой. А Смирновы этим пользовались и обирали покупателя, всучая ему всякий хлам. Это подтвердилось впоследствии, когда во время германской войны³⁹ устраивали выставку художественных произведений, находящихся в б[ывшем] Царском Селе для изыскания средств для тамошнего лазарета для раненых. Эксперты пришли к К. А. И[ванову], но увы! Ничего заслуживающего внимания не нашли у К. А. И[ванова] и на выставку ничего не взяли...

При дворе К. А. И[ванов] преподавал несколько лет.⁴⁰ Отец и мать учениц посещали иногда его уроки. Когда окончила учиться старшая дочь,⁴¹ она прислала К. А. И[ванову] подарок от матери — золотые запонки, которые от нее получила для этого. Запонки были настолько дешевые и лубочные, что девица, конфузясь, передала их по назначению.

Во время войны, к концу ее в 1916 г., ученицы расспрашивали К. А. И[ванова] за уроками об общем положении настроений в стране и на фронте, в войсках. К. А. И[ванов] не скрывал от них, что положение в общем тревожное; царило общее неудовольствие, как в стране, так и особенно в войске и на фронтах. На это девицы возражали, что К. А. И[ванов], видимо, не в курсе настроений, т[ак] к[ак] войска и все фронты полны верноподданнических чувств и за царствующий дом, т. е. «за них», как они выражались, и это удостоверяют получаемые ими со всех фронтов письма от солдат, и, кроме того, в этом убеждены их родители. Они, конечно, не понимали, чего стоили эти письма!

По наступлении переворота К. А. И[ванов] еще год-два оставался директором Николаевской гимназии, но потом был уволен Советом преподавателей. Его инспектор, некий Гревс, которому он безусловно доверял и постоянно помогал, интриговал против него и подставил ему ножку, чтобы самому встать на его место. К. А. И[ванов] остался без средств к жизни, т[ак] к[ак] сбережения его, заключавшиеся в 70% бумагах, пропали при перевороте 1917 г. Он искал платной работы, и ему поручили в Петрограде описывать архив Комитета попечительства о русской иконописи, что он и исполнил. Для этого при-

³⁷ Клевер Юлий Юльевич (1850–1924) — русский художник немецкого происхождения, пейзажист.

³⁸ Мещерский Арсений Иванович (1834–1902) — живописец, характерный мастер академического пейзажа второй половины XIX века.

³⁹ Речь идет о Первой мировой войне (1914–1918).

⁴⁰ Подробнее см.: *Эльман В. Е.* Константин Иванов — учитель истории и географии детей Императора Николая II (1908–1917) // *Малый свет Руси великой*. С. 50–66.

⁴¹ Ольга Николаевна (1895–1918) — великая княжна.

езжал из Детского Села и каждый раз бывал у меня. Единственно, что у него осталось — это дом. За отсутствием дворника и недостатком средств ему приходилось самому чистить капель на улице, убирать снег. Недолго пожил он после переворота: у него сделался удар и через день-два повторился. От этого он скончался и был погребен на Казанском кладбище.

Это был человек редкой чистоты ума, сердца и искренности. Писал он легким и изящным языком. Учебники и пособия составлены им на основании глубокого изучения источников и пособий. У него была богатая библиотека. Он выписывал иностранные иллюстрированные издания, из коих черпал иллюстрации для учебников и пособий. Этими качествами нужно объяснить успех его учебников, вытеснивших учебники Иловайского и выдержавших многочисленные издания. По его учебникам училось не одно поколение. Его поэтические произведения и переводы слабы и не нашли себе в свое время места в печати. Он издал их изящно отдельной книгой в 1900-гг.⁴² В течение целой жизни он переводил Фауста Гете и, если не ошибаюсь, окончил перевод обеих частей.

Мы были очень близки с ним, бывали друг у друга, и я радовался, когда росло его благосостояние. У него было семь человек детей, и при других обстоятельствах трудно было бы поддерживать такую семью. После его смерти в газете было о нем несколько строк, и в конце некролога сказано, что «он умер в нищете».

Ростов, 20/ VI. 1933. В. Г. Дружинин.

Александр Андреевич Спицын (1857–1933)⁴³

А. А. Спицын родился в Вятской губернии, где, точно не знаю.⁴⁴ Неизвестно мне также, кто были его родители.⁴⁵ Он окончил курс Вят-

---

⁴² Это второй поэтический сборник. *Иванов Константин*. Лепестки (Новый сборник стихотворений К. А. Иванова). СПб., 1912. 210 с. В полукожаном переплете с бинтами и золотым тиснением по корешку. Сборник он посвятил своей дочери Елизавете, безвременно скончавшийся в возрасте 17 лет.

⁴³ Находясь в административной ссылке, а до этого в Соловецком лагере, В. Г. Дружинин мог и не знать о времени смерти А. А. Спицына. Неточность, умер он в 1931 г. (*Клейн Л. С.* История российской археологии: учения, школы и личности. В 2-х т. Т. 1. СПб., 2014. С. 584).

⁴⁴ «Выписка из метрической книги Успенского собора г. Яранска Вятской губернии о крещении А. А. Спицына» (*Спицын А. А.* Избранные труды по истории Вятки. Киров, 2011. С. 379) позволяет определенно говорить о месте его рождения. А. Л. Мусихин опроверг утверждение Е. А. Кошелевой, о рождении А. А. Спицына в Спицыно в 33 верстах от Котельнича (*Мусихин А. Л.* Введение // *Спицын А. А.* Избранные труды по истории Вятки. С. 13. Примеч. 7).

⁴⁵ Андрей Леонтьевич и Дарья Семеновна Спицыны.

ской гимназии в 1878 г. и поступил на историко-филологический факультет С.-П[етер]б[ургского] университета. Мы случайно познакомились, когда он был на втором курсе, а я на первом. Видимо, он стеснен был в средствах: носил черный потертый сюртук при белых полотняных брюках и не носил крахмального белья. Стальные очки его были поломаны и починены веревочкой. Он уже со второго курса был делегатом от студентов в Обществе вспомоществования недостаточным студентам, и ему поручалось обследование жизни и средств студентов, обращавшихся в Общество за ссудами и пособиями. И эту работу он исполнял замечательно добросовестно, за что пользовался уважением и любовью студентов.⁴⁶ Он избрал специальностью русскую историю. Мы быстро сошлись во время курса, и он часто бывал у меня в кругу моих друзей.⁴⁷ Скромный, приветливый, искренний и прямой в отражении своих взглядов, он возбуждал к себе любовь и уважение. По окончании курса университета он уехал в Вятку, где получил в Женской гимназии должность преподавателя русского языка и истории. По особенности личных качеств, простодушию и прекрасного преподавания он стал любимцем учениц и даже их кумиром. Мне приходилось встречаться с некоторыми его ученицами, и разговор о С[пицыне] возбуждал в них восторг и похвалы по его адресу, и самые светлые воспоминания. Мы продолжали с ним дея-

⁴⁶ См.: Платонов С. Ф. Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. М., 2017. С. 226, 228.

⁴⁷ В современной историографии неоднозначно решается вопрос об участии А. А. Спицына в кружке русских историков. С. Ф. Платонов не называет его среди членов этого собрания молодых исследователей (Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах. С. 244–245). В. Г. Бухерт заметил, что «сами участники „кружка“ оставили разноречивые сведения относительно его состава» (Бухерт В. Г. С. Ф. Платонов и «кружок русских историков» // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 127), но также не указывает А. А. Спицына среди них. Вятский историк В. А. Бердинских пишет о «студенческом кружке (5–6 человек)», в котором А. А. Спицын «активно работал» «вместе с известными впоследствии С. Ф. Платоновым, И. А. Шляпкиным, И. М. Гревсом, В. Г. Дружининым» (Бердинских В. А. А. А. Спицын в письмах С. Ф. Платонову // АЕ за 1995 год. М., 1997. С. 148). И. Л. Тихонов, авторитетный знаток творчества А. А. Спицына, на этот счет имеет разные суждения. Согласно первому, «на старших курсах он (А. А. Спицын. — В. М.) стал участвовать в работе „неформального научного кружка русских историков“» (Тихонов И. Л. Спицын в Петербурге // Спицын А. А. Избранные труды по истории Вятки). А в другой работе петербургский исследователь замечает: «позднее, когда Спицына уже не было в Петербурге, дома у В. Г. Дружинина стали устраиваться собрания „кружка русских историков“, члены которого были близки Спицыну» (Тихонов И. Л. С. Ф. Платонов и А. А. Спицын // Памяти академика С. Ф. Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 348–349). В. Г. Бухерт датирует первое собрание «кружка» 2 января 1884 г. (Бухерт В. Г. С. Ф. Платонов и «кружок русских историков». С. 128), когда А. А. Спицын был уже в Вятке, следовательно, его не было на тех собраниях.

тельную переписку. В Вятке он начал разработку местной истории и напечатал ряд статей по этому предмету в местных календарях и памятных книжках, в том числе «Летописные сказания о Вятке» и др[угие], которые не утратили своего значения до настоящего времени. Кроме того, он издал несколько пособий по русскому языку и составленный им указатель статей к Вятским губернским ведомостям. Напечатал также несколько статей по археологии Вятского края. Он принимал деятельное участие в издании большого трехтомного сборника, выпущенного земством по поводу столетнего юбилея губернии. Историческая часть сборника была составлена им. В 1893 г.⁴⁸ с выходом в отставку Н. П. Кондакова⁴⁹ и гр[афа] И. И. Толстого⁵⁰ из Археологической комиссии возник вопрос о замещении двух открывшихся вакансий членов Комиссии. Нужно было найти человека, который занялся бы изучением древностей бронзового века, производить раскопки курганов по поручению Комиссии, ездить исследовать хищнические раскопки, обследовать городища и майданы и описывать предметы этого периода, составлять и описывать поступающие в Комиссию собрания древностей. Старший член Комиссии, de facto его управляющий,⁵¹ обратился ко мне за указанием кандидата. Я назвал ему С[пицына], аттестовал его, как местного археолога, и принес оттиски его печатных трудов. Мне нужно было с ним списаться и предложить приехать с С.-П[етер]б[ург] для личных переговоров. С[пицын] приехал, понравился и после переговоров принял должность члена Комиссии.⁵² Ему было, впрочем, поставлено в обязан-

---

⁴⁸ Отставки состоялись в 1891 г. в разные месяцы.

⁴⁹ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) — историк византийского и древнерусского искусства, археолог.

⁵⁰ Толстой Иван Иванович (1858–1916) — государственный деятель, археолог, нумизмат. С 1886 г. — член Археологической комиссии. Министр народного просвещения (ноябрь 1905 — апрель 1906).

⁵¹ Председателем Археологической комиссии (1886–1917) был граф А. А. Бобринский.

⁵² Разные сведения по этому вопросу обобщены (Митрофанов В. В. «Я чувствую себя на прочном пути...»: письма А. А. Спицына С. Ф. Платонову (1891–1899) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья». 2021. № 1 (10). С. 38–40). С. Ф. Платонов писал, что с 1891 г., времени приглашения в Археологическую комиссию, начинается «новый период» (Платонов С. Ф. Записка об ученых трудах проф. А. А. Спицына // Платонов С. Ф. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 5. М., 2010. С. 287) в научной карьере А. А. Спицына. В журнале «Советская археология», посвященном патриарху российской археологии, в редакционной статье указывается на 1892 г. (Александр Андреевич Спицын // Советская археология. 1948. № 10. С. 7). Этот же год встречаем и в работе Е. Н. Жуковой: «в 1892 г. А. А. Спицын был приглашен на работу в Императорскую археологическую комиссию» (Жукова Е. Н.

ность отдавать Комиссии служебное время и заниматься в помещении. Это место давало С[пицыну] 1800 р., что при его скромных потребностях его вполне удовлетворяло. С[пицын] был в восторге, т[ак] к[ак] это ставило его на ученую дорогу и научную работу, да и, кроме того, жизнь в С.-П[етер]б[урге] давала возможность работать среди друзей; друзья же его приняли с распростертыми объятиями и избавляли его и от провинциального и столичного одиночества. В Комиссии он приобрел уважение сочленов благодаря усердной работе. Кстати сказать, что вторая вакансия была предоставлена профессору Восточного факультета Н. И. Веселовскому,⁵³ стяжавшему впоследствии большую известность счастливой раскопкой скифских и других больших курганов на юге России. Мы все трое очень сблизились между собой, т[ак] к[ак] Н. И. Веселовского я знал по Археологическому обществу, и он постоянно бывал у меня среди моих друзей. В Комиссии С[пицын] занялся обработкой собраний древностей, которые поступали в нее. Назову, между прочим, коллекцию археолога доктора Л. К. Ивановского,⁵⁴ раскопавшего до десяти тысяч курганов в Ямбургском уезде быв[шей] Петербургской губернии. Коллекция поступила из Русского Археологического общества неописанная, т[ак] к[ак] доктор Л. К. Ивановский не успел этого сделать перед смертью. С[пицын] быстро и прекрасно исполнил это описание и напечатал в Материа-

---

Средневековые погребальные памятники Верхневолжья в работах А. А. Спицына // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2020. № 2 (54). С. 88). Вероятно, тверской исследовательнице не знакомы опубликованные архивные материалы, которые позволяют установить хронологию событий. Приглашение, как и писал С. Ф. Платонов, произошло в 1891 г., о чем свидетельствует и отношение председателя комиссии А. А. Бобринского от 31 декабря за № 1570 г., которое он направил попечителю Казанского учебного округа Н. Г. Потапову, где писал о «готовности» коллежского советника Александра Спицына «занять должность члена Археологической комиссии». Следовательно, согласие было дано раньше. Затем последовал запрос председателю педагогического совета Вятской Мариинской женской гимназии — нет ли «препятствий к перемещению». Назначение А. А. Спицына состоялось 1-го февраля 1892 г., о чем попечителя округа информировали 4 марта телеграммой (Шилева Р. С. Александр Андреевич Спицын: архивные документы // Спицын А. А. Избранные труды по истории Вятки. Киров, 2011. С. 378.) Таким образом, точно установлены год приглашения 1891 г. и дата назначения. Среди важных свидетельств о согласовательных процедурах — формулярный список о службе А. А. Спицына, где указывается отпуск, одобренный Министром народного просвещения, в С.-Петербург с 19 декабря 1891 г. по 7 января 1892 г. (Шилева Р. С. Александр Андреевич Спицын. С. 387).

⁵³ Веселовский Николай Иванович (1848–1918) — археолог, востоковед, чл.-кор. АН.

⁵⁴ Ивановский Лев Константинович (1845–1892) — археолог, врач по образованию.

лах по археологии России, издаваемых Археологической комиссией.⁵⁵ Обработал он, также и описал древности, добытые в курганах Окского бассейна, и издал в тех же Материалах.⁵⁶ Я опять не буду перечислять других его работ. Он вел планомерное исследование Северной и Центральной России и находил исследователей, которые принимали на себя раскопку их по поручению и на средства Комиссии. Сам он тоже ездил летом производить раскопки. В бытность членом Комиссии он задумал и стал выполнять большое научное предприятие — составление библиографического указателя русской литературы по археологии, но не только по заглавиям печатных статей, но и наименованиям предметов. Труд этот он вел с поступления в Комиссию и до смерти, у него с течением времени накопилось более двадцати тысяч карточек, которые хранились в Комиссии и по которым он давал справки всем, приходившим к нему по разным вопросам археологии. Труд этот находится в Академии Материальной культуры и не издан. С[пицын] составил, а Комиссия издала руководство для производства раскопок и курганов, обследованию майданов и городищ.⁵⁷ Это руководство вытерпело два издания и богато иллюстрировано. Второе издание вдвое обширнее первого. Это было первое научно составленное руководство, а до него каждый археолог копал курганы как ему вздумалось. Свои труды С[пицын] печатал в Отчетах Комиссии, в Известиях ее, Записках Русского отделения Археологического общества. Этих работ у него значительное число. Изучал найденные при раскопках предметы, он пытался также объяснить происхождение их и намечал народности, которым они принадлежали, и излагал эти теории в своих статьях. Но русские археологи, особенно «патентованные» ученые, не считали эти теории достаточно обоснованными, т[ак] к[ак] знали, что С[пицын] не владел иностранными языками и мало был знаком с трудами западных археологов, которые изучали такие же предметы, находимые в Западной Европе. Но труды С[пицына] получили признание и оценку финляндских археологов, которые подготовили и издали к 70-летию со дня рождения С[пицына] особый в честь его сборник статей по археологии, написанных на французском языке, посвятили его С[пицыну] и прислали ему этот том.⁵⁸ Такое признание объясня-

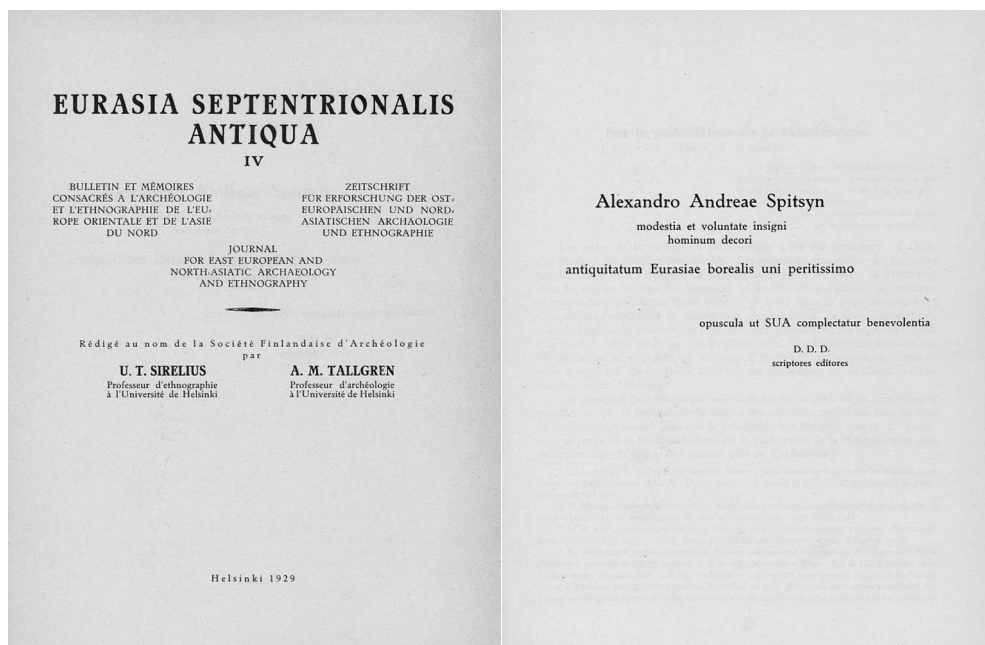
---

⁵⁵ Спицын А. А. Курганы С-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб., 1896. 123 с. В предисловии отмечается, что «коллекция была приведена в порядок В. Г. Дружининым» (С. 3).

⁵⁶ Спицын А. А. Древности бассейнов рр. Оки и Камы // Материалы по археологии России. № 25. Вып. 1. СПб., 1901. 120 с.

⁵⁷ Спицын А. А. Археологические разведки. СПб., 1908. 96 с.

⁵⁸ Это предложение имеет такую формулировку в ркп. Речь идет о книге: Eurasia septentrionalis antiqua. Vol. IV. Helsinki, 1929. 340 p.

Титульные листы сборника

ется тем, что в Финляндии были находимы предметы, подобные тем, которые изучал и описывал С[пицын].

В революционное время С[пицына] неоднократно приглашали провинциальные университеты читать лекции по археологии, а также университеты славянских земель. Видимо, эти циклы лекций С[пицына] возбуждали интерес, потому что приглашения повторялись. По учреждении Академии материальной культуры Археологическая комиссия, как выше сказано, вошла в ее состав, или правильной — Комиссия расширилась, и по специальностям ее ведения возникли отделения Академии. С[пицын] вошел в нее членом и оставался там до смерти. Правда, его там теснили «патентованные» археологи, старались даже уволить его в отставку, но его почитателям удавалось каждый раз отстаивать его.

Везде, где служил С[пицын], он приобретал себе друзей и почитателей, а в учреждениях замечательной усидчивостью и работоспособностью и к тому же приветливостью и всегдашней готовностью помогать всякому обращающемуся к нему за научными указаниями и справками и готовностью делиться своими знаниями полное уважение. Я не берусь оценивать его ученые работы — это дело специалистов. Но несомненно, что он оставил после себя ценный ряд печатных трудов.

Ростов 24/VI.1933. В. Г. Дружинин.

**Граф Иван Иванович Толстой.
1858–1916 гг.⁵⁹**

Граф И. И. Толстой окончил курс в Третьей классической гимназии в 1876 г. с золотой медалью. Я познакомился с ним еще в гимназии через брата его Дмитрия Ивановича,⁶⁰ который был со мной в одном классе, и мы вместе с ним окончили курс гимназии в 1879 г. Он получил серебряную медаль. Они были дети министра почт и телеграфов гр[афа] Матвея Ивановича Толстого⁶¹ — любимца Александра II. Их было три брата: Матвей,⁶² Иван,⁶³ Дмитрий и сестра Софья. Они рано лишились отца и матери, и их взяла к себе тетка. У ней они жили и воспитывались. Матвей Иванович рано умер, будучи офицером л[ейб]-гв[ардии] кавалергардского полка. Их прекрасно воспитал замечательный гувернер Х. Х. Гиль, до смерти И. И. Т[олстого] оставшийся его другом и живший у него. Гиль был немец и до конца жизни не научился говорить хорошо по-русски. Он был известный нумизмат и впоследствии имел свою коллекцию босфорских монет. С Д. И. Толстым мы были знакомы и бывали друг у друга. Гиль воспитал в обоих братьях любовь к собиранию: И. И. собирал древнейшие русские монеты, начиная с Владимира Святого, а Д. И. — гравированные портреты; оба собрания были замечательны по полноте и подбору входящих в них экземпляров, среди которых были и уники. Д. И. окончил курс юридического факультета С.-П[етер]б[ургского] университета, потом числился где-то на службе и незадолго до переворота был назначен директором Эрмитажа. Очень милый и приветливый, прекрасно воспитанный и образованный, но безличный. Это сказалось уже в гимназии, где его прозвали «to Deguetgaiev» (то Димитрайон), как бы считая существом среднего рода. По окончании курса в университете И. И. пришлось отбывать военную повинность, и он поступил в л[ейб]-гв[ардии] конно-гвардейский полк, в котором благодаря его покойному брату все офицеры были знакомы. Каково же

---

⁵⁹ Дата смерти В. Г. Дружининым не указана.

⁶⁰ Толстой Дмитрий Иванович (1860–1941) — граф, русский коллекционер живописи и музейный работник, директор Императорского Эрмитажа, временно исполнявший обязанности управляющего Русским музеем имени Александра III.

⁶¹ В. Г. Дружинин допускает неточность. Правильно: Толстой Иван Матвеевич (1806–1867) — государственный деятель, министр почт и телеграфов Российской империи с 15 июня 1865 года до своей смерти.

⁶² Толстой Матвей Иванович (1850–1875) — граф, служил в Кавалергардском полку.

⁶³ Толстой Иван Иванович (1858–1916) — граф, государственный деятель, археолог и нумизмат. Министр народного просвещения Российской империи, Санкт-Петербургский городской голова.

было удивление Ив. Ив., когда эти офицеры переменили с ним обращение и на занятиях издевались над ним, заставляя исполнять⁶⁴ разные неподходящие приемы. Он сам рассказывал об этом с негодованием. Он еле дождался выхода в запас. В 1885 г. он был избран в секретари Русского Археологического общества. Оно в то время состояло из любителей старины, сановников, немногих ученых и влачило жалкое существование. Собиралось Общество редко, особенно Русское и Классическое отделения, за отсутствием научных сообщений. Так, Классическое отделение собиралось раз в три года для выбора должностных лиц. Записки Общества выходили очень медленно в неопределенные сроки. Оно помещалось тогда по высочайшему повелению в доме Второго отделения Собственной его величества канцелярии в третьем этаже, там занимало несколько небольших комнат, в которых помещались канцелярия, библиотека и музей. Собрания же происходили во втором этаже в прекрасном зале, Обществу не принадлежащем. Исключением было Восточное отделение Общества. Оно состояло почти исключительно из профессоров Восточного факультета университета. Им руководил председатель или также именовался управляющий Отделением, известный арабист, профессор С.- П[етер]б[ургского] университета, академик, барон В. Р. Розен.⁶⁵ Собиралось Отделение регулярно один раз в месяц, кроме лета, и ежегодно выпускало по тому, но выпусками своих Записок. В них печатались статьи и членов Отделения.⁶⁶ Председателем Археологического общества был вел[икий] князь Константин Николаевич.⁶⁷ Передавая мне должность секретаря Общества, Т[олстой] жаловался мне, что ему было всегда неприятно бывать с докладами по Обществу у вел[икого] князя, который обходился с ним очень грубо. Но в 1889 г. разбил в[еликого] князя паралич, и мне уже не пришлось ездить к нему с докладами.

В 1885 г. И. И. Т[олстой] был назначен членом Археографической комиссии, т[ак] к[ак] уже стяжал себе известность как нумизмат и археолог. Он к тому времени издал два тома описания старинных русских монет своего собрания.⁶⁸ Издание было очень роскошно. Пред-

⁶⁴ Далее зачеркнуто: делать.

⁶⁵ Розен Виктор Романович (1849–1908) — барон, востоковед-арабист, академик АН, вице-президент АН, профессор арабской словесности в С.-Петербургском университете.

⁶⁶ Далее вставка, в один абзац, написанная в конце очерка.

⁶⁷ Константин Николаевич (1827–1892) — великий князь, генерал-адмирал, второй сын российского императора Николая I, председатель РАО (1852–1892).

⁶⁸ Толстой И. И. 1) Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882. 272 с.; 2) Русская допетровская нумизматика. Вып. 1. Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884. 178 с.; 3) Русская допетровская нумизматика. Вып. 2. Монеты Псковские. СПб., 1886. 137 с.

седателем Археологической комиссии был тогда граф А. А. Бобринский⁶⁹ — археолог-любитель, старшим членом бар[он] В. Г. Тизенгаузен⁷⁰ — нумизмат, ориенталист, членами были В.⁷¹ П. Боткин⁷² — художник и собиратель древностей, и Н. П. Кондаков⁷³ — профессор истории искусства. Заседания происходили один раз в неделю. Комиссия тогда помещалась в третьем этаже Эрмитажа над музеем. Туда вела железная винтовая лестница в сто с лишним ступеней. В 1884 г. раскрылись большие злоупотребления: пользовались средствами, стекавшимися со всей России, на постройку храма «Спаса на Крови», т. е. месте убийства Александра II. Заведовал этой постройкой вел[икий] князь Владимир Александрович⁷⁴, президент Академии художеств, ближайшим его сотрудником был конференц-секретарь Академии Исеев⁷⁵, человек, конечно, близкий к вел[ико]му князю. В углу Марсова поля был построен высокий досчатый забор, отделявший большой участок земли для склада материалов, но дальше этого постройка храма не двигалась. Оказалось, что деньги шли на личные расходы в[еликого] кн[язя] Владимира Александровича, всегда нуждавшегося в деньгах. Наконец, злоупотребления были раскрыты, и Исеев был привлечен к суду. Обвинительный акт был напечатан, и я видел его. Исеев был обвинен более чем по ста пунктам растраты сумм храма. Он взял на себя вину, рассчитывая на получение облегчения приговора, а в[еликий] князь Владимир Александрович в процессе не фигурировал. Суд приговорил Исеева к высылке в Сибирь на поселение. Я читал обвинительный акт. Государь велел пополнить деньги из казны, но вместе с тем приказал в[еликому] к[нязю] Владимиру Александровичу погасить растраченную сумму ежегодными взносами

---

⁶⁹ Бобринский Алексей Александрович (1852–1927) — граф, археолог, политический и государственный деятель, председатель Археологической комиссии с 1886 по 1918 г.

⁷⁰ Тизенгаузен Владимир Густавович (1825–1902) — барон, востоковед-арабист, нумизмат, чл.-кор. АН.

⁷¹ Описка автора.

⁷² Боткин Михаил Петрович (1839–1914) — русский живописец и график, академик исторической живописи, один из наиболее авторитетных художников петербургского академизма пореформенной эпохи, историк и коллекционер.

⁷³ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) — историк византийского и древнерусского искусства, археолог, создатель иконографического метода изучения памятников искусства. Академик АН и АХ.

⁷⁴ Владимир Александрович (1847–1909) — великий князь, государственный и военный деятель, коллекционер, почетный член Петербургской АН. Товарищ президента (1869–1876) и президент (1876–1909) Императорской Академии художеств.

⁷⁵ Исеев Петр Федорович (1831–?) — конференц-секретарь Академии художеств в период с 1869 по 1889 год.

из личных средств. Мария Павловна⁷⁶ — жена Владимира Александровича — жаловалась кому-то: не могут давать балов вследствие этих вычетов. Храм быстро стал расти. Строил его архитектор Парланд.⁷⁷ После этого президентом Академии художеств был назначен гр[аф] А. А. Бобринский,⁷⁸ а конференц-секретарем И. И. Т[олстой]. В совет по переработке устава Академии художеств вошел друг И. И. Т[олстого] — проф[ессор] Н. П. Кондаков, большой интриган. Он сильно влиял на И. И. Т[олстого] и через него проводил свои идеи в устав. И. И. Т[олстой] вообще очень легко поддавался влияниям, а тут Н. П. Кондаков всецело, как говаривал, оседлал его. Возникли недоразумения между гр[афом] Бобринским и И. И. Т[олстым] и перешли в Археологическую комиссию. Там произошел конфликт между Кондаковым и Т[олстым], с одной стороны, и гр[афом] А. А. Бобринским, с другой. Они спорили в одном очень бурном заседании Комиссии (не помню, по какому делу), и дело кончилось тем, что Кондаков и Т[олстой] подали прошения об отставке из членов Комиссии и были уволены. Я был членом Комиссии с 1889 г. и присутствовал в этом заседании. С заседаний мы вместе втроем возвращались по обыкновению домой, т[ак] к[ак] жили в одной части города. Помню, как и после этого заседания мы шли по набережной Невы по направлению к Литейному мосту. Был зимний вечер, часов около шести. Кондаков был в раздраженном настроении и ругался, не щадя выражений по адресу гр[афа] Бобринского. Мы с Т[олстым] слушали и хохотали. На Кондакове была большая енотовая шуба, и сам он был высокого роста. И вот он неожиданно сел на корточки, продолжая изливаться ругательства. Это было так неожиданно, что мы от смеха чуть не попадали в снег.

Публика проходила мимо, с недоразумением смотрела на эту сцену, а мы умирали со смеха. «Он просто паршивый еврей, говорил Кондаков про гр[афа] Бобринского, а вовсе не потомок Екатерины и Понятовского. Его мать, живя в Париже и нуждаясь в деньгах, спуталась с каким-нибудь банкиром — евреем!». Так ли это, я не берусь, конечно, судить. Но надо сказать, что у гр[афа] Бобринского было много еврейского в фигуре и манерах, тогда как у младшего брата его Андрея бюст и лицо напоминали Екатерину II. Совместная служба Т[олстого] и Бобр[инского] в Академии художеств оказалась невозможной, и вел[икий] кн[язь] Владимир Александрович уволил Б[об-

⁷⁶ Мария Павловна (1854–1920).

⁷⁷ Парланд Альфред Александрович (1842–1919) — русский архитектор, представитель эклектического «русского стиля» эпохи царствования Александра III.

⁷⁸ Неточность В. Г. Дружинина. Великий князь Владимир Александрович был президентом до своей смерти в 1909 г. а потом его сменила вдова.

ринского], а Т[олстого] назначил вице-президентом Академии. Это произошло в 1893 г. На место Т[олстого] был назначен конференц-секретарь чиновник Лобойков.⁷⁹ Академия художеств была преобразована, не берусь судить, к лучшему или худшему. По смерти Аф. Бычкова⁸⁰ в 1899 г. Т[олстой] был избран на его место: помощником председателя Русского Археологического общества и вскоре был назначен петербургским городским головой. Когда С. Ю. Витте⁸¹ опубликовал свою «конституцию», он предложил Т[олстому] пост министра народного просвещения. Т[олстой] отказался, т[ак] к[ак] не чувствовал за собой никаких данных для занятия этой должности. Но Витте просил его усиленно не оставить его в этом затруднительном положении, т[ак] к[ак] никто не хотел занимать этого поста. Это было после 1907 г.⁸² Т[олстой] принял министерство, но ничем, однако, не ознаменовал своей деятельности, но был для всех очень доступен. Мне приходилось бывать у него в министерстве по делам Археологического общества. В это время он очень помог Археографической комиссии. Я был в то время правителем дел Комиссии. За утверждением «конституции» Витте председатель Археографической комиссии граф С. Д. Шереметев,⁸³ очень огорчившись, обиделся на государя и решил бросить все занимаемые им должности. Мы уговаривали его остаться, но он настойчиво оставался при своем решении. Тогда, пользуясь добрыми отношениями с Т[олстым], я написал ему частное письмо, изложив в нем дело, и просил Т[олстого], чтобы он повлиял на государя, чтобы тот сказал С. Д. Шереметеву какую-нибудь любезность и просил его остаться Председателем Комиссии. Т[олстой] это исполнил, а гр[аф] С. Д. Ш[ереметев], получив какую-то любезность от государя, остался председателем до своей смерти. Министром Т[олстой] оставался недолго. Его предупредили, что ему грозит отставка. Тогда, в докладе он просил государя его уволить, т[ак] к[ак] говорил, что устал. Государь уверил его, что он ему нужен, особенно в виду предстоящей поездки государя по старым городам центра России, в которую он думал пригласить Т[олстого], как археолога, а что он ему нужен:

---

⁷⁹ Лобойков Валериан Порфирьевич (1861–1932) — с 1893 г. конференц-секретарь Императорской Академии художеств, с 1894 года — ее секретарь по Уставу 1893 г.

⁸⁰ Бычков Афанасий Федорович (1818–1899) — историк, археограф, библиограф, палеограф, академик. С 1885 г. помощник председателя РАО.

⁸¹ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — граф, государственный и политический деятель. Председатель Совета министров с 19 октября 1905 г. по 22 апреля 1906 г.

⁸² Неточность В. Г. Дружинина. И. И. Толстой занимал пост министра с 31 октября 1905 г. по 24 апреля 1906 г.

⁸³ Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) — граф, общественный деятель, историк, коллекционер. Председатель Археографической комиссии с 1900 по 1917 г.

когда он найдет возможным, то уволит его. Т[олстой] успокоился. Но вернувшись с доклада домой, он нашел пакет с высочайшим повелением, в котором была дана отставка! Так «твердо» было слово монарха. Очевидно, что отставка была подписана до разговора с Т[олстым]. Тот же прием повторил государь, по словам Т[олстого], с премьером Горемыкиным.⁸⁴ Предупрежденный о грозящей ему отставке, он поехал с докладом и просил отпустить его по старости лет. Николай II стал его обнимать, называть «папашей», говорил, что не сможет обойтись без его опытности в делах. Через два дня им был получен пакет с отставкой! Очевидно, это была система избежать неприятных разговоров. Последние годы, перед смертью Т[олстой] стал хворать; ездил лечиться в Египет, но поездка не принесла пользы. Он умер, будучи помощником председателя Русского Археологического общества. Серьезно образованный, прекрасно воспитанный, выдающийся нумизмат и археолог — я не перечисляю его трудов, они указаны в словаре Брокгауза и Ефрона, он был приятный собеседник и ласковый в отношениях, к сожалению, мало самостоятельный. Одно время им руководил пр[офессор] Н. П. Кондаков. Как министр народного просвещения, он ничем себя не проявил, да и можно ли было в то время чем-нибудь проявить свою деятельность? Было очевидно, что все клонится к упадку.

В. Г. Дружинин. Ростов 21/VI 1933.

Профессор Илья Александрович Шляпкин. 1858–1919 гг.

В Третью классическую гимназию я поступил весной 1874 г. прямо в 5-й класс полупансионером. В числе сверстников моих были Амалицкий⁸⁵ — проф[ессор] геологии, Деммени⁸⁶ — нумизмат, Чистовых⁸⁷ — доктор медицины и профессор бактериолог. Из воспитанников старших классов, с которыми я познакомился, назову Барбашева⁸⁸ —

---

⁸⁴ Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) — государственный деятель, статс-секретарь, председатель Совета министров Российской империи (1914–1916).

⁸⁵ Амалицкий Владимир Прохорович (1860–1917) — геолог и палеонтолог, исследователь позвоночных животных пермского периода.

⁸⁶ Деммени Михаил Гугович (1859–1920) — археограф, нумизмат, статский советник, секретарь нумизматического отдела Русского Археологического общества.

⁸⁷ Чистовых Николай Яковлевич (1860–1926) — доктор медицины, профессор, академик Императорской Военно-медицинской академии, основатель кафедры заразных болезней в Военно-медицинской Академии.

⁸⁸ Барбашев Александр Ипполитович (1858–?) — историк, педагог, специалист по истории Великого княжества Литовского.

русского историка, Бубнова⁸⁹ — проф[ессора] всеобщей истории, Иванова — педагога, составителя учебников, вытеснивших в свое время учебники Иловайского, графа И. И. Толстого — нумизмата и И. А. Шляпкина — проф[ессора], о котором будет речь. Я был полупансионером и пользовался гимназическими завтраками. Тут я познакомился с И. А. Шляпкиным. Он был старше меня по классу. Высокий и широкоплечий юноша — ему было тогда 16 лет — блондин, он вел себя за столом очень развязано, много ораторствовал. Тут вскоре состоялось наше знакомство. Я уже тогда любил книгу и, по мере имеющихся у меня средств, покупал собрания сочинений русских авторов. И. А. Ш[ляпкин] был страшный библиофил. На этой почве мы сблизились. Родился И. А. Ш[ляпкин] в с. Александровском,⁹⁰ в трех верстах от станции Белоостров Финляндской жел[езной] дороги, близ самой границы с Финляндией. Отец⁹¹ его был местным крестьянином, имел крестьянскую усадьбу в селе. Он был выдающимся в своей среде человеком: был самоучкой механиком и служил на бумажной фабрике помещиков местных Ольхиных, находящейся невдалеке от с. Александровского. По рассказам сына, он изобрел какую-то машину, двигавшуюся по грунтовой дороге при помощи пара. Он рано умер и оставил своей вдове⁹² маленького сына Илью. Мать не могла воспитывать и обучать его и отдала с этой целью его родной тетке в Петербург, муж⁹³ которой служил чиновником в Государственном банке. У них не было своих детей, и они охотно взяли к себе племянника. Когда настало время, они приготовили его к поступлению в пансион Юргенса⁹⁴ для приготовления в приготовительный класс классической гимназии. Но тут для поступления в гимназию явилось неожиданное препятствие. Илья был сын крестьянина, и для него гимназия была недоступна, как принадлежавшему к податному сословию. Тогда дядя выхлопотал ему звание купеческого племянника, и И. А. Ш[ляпкин] поступил сначала приходящим в приготовительный класс, шестой, и потом перешел пансионером в первый класс Третьей гимназии, в которой и окончил курс, успешно переходя из класса в класс. Словесные науки и языки давались ему легко, но математика давалась трудней. Праздники он проводил

---

⁸⁹ Бубнов Николай Михайлович (1858–1943) — историк-медиевист и филолог.

⁹⁰ Точнее — Александровка, В. Г. Дружинин в ранних воспоминаниях называл правильно (*Дружинин В. Г. Гимназические годы А. И. Шляпкина* (Из воспоминаний В. Г. Дружинина) // За сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923. С. 98).

⁹¹ Шляпкин Александр Ильич.

⁹² Шляпкина Агриппина Михайловна (ок. 1826–1898).

⁹³ Ревви Александр Антонович (ок. 1823–1889).

⁹⁴ Частное образовательное учреждение.

у дяди, а на каникулы он отправлялся в с. Александровское к матери, которую он до смерти благотворил. Когда он уже подросток, летом случайно встретил, гуляя в поле, ректора Римско-католической духовной академии патера Норберта Рокицкого,⁹⁵ собиравшего на лугу цветы для гербария; юноша заинтересовал патера; он разговорился с ним и велел приходить к нему на квартиру в Академию, после того как Ш[ляпкин] побывал у него несколько раз на даче, находившейся недалеко от с. Александровского. Патер полюбил юношу, и когда этот навещал его в Академии, проводил с ним вечера в серьезных беседах, воспитывая и обучая его. Патер водил Ш[ляпкина] в библиотеку Академии, показывал ему, вынимая из шкафов, разные книги. Белые пергаментные переплеты, большое число фолиантов, эльзевиры,⁹⁶ паллады возбуждали в Ш[ляпкине] большой интерес и воспитывали в нем постепенно стремление к собиранию книг. В пятом и шестом классах Ш[ляпкин] давал уже уроки и на получаемые гроши помогал матери и ходил по рынкам и букинистам, покупал книги, чем положил начало своей обширной библиотеки. Рокицкий внушил Ш[ляпкину] некоторое мистическое мировоззрение. Сам Ш[ляпкин] благоговейно чтит память Рокицкого, считая, что он много способствовал его развитию и образованию. После смерти Рокицкого Ш[ляпкин] купил несколько оставшихся от него вещей, в том числе и сутану его, и головной священнический убор, в которые любил рядиться дома при учебных своих занятиях. Нередко можно было заставить Ш[ляпкина] уже студента, сидящего на лестнице у шкапа с книгами и читавшего что-либо, нарядившегося в черную сутану и головной убор. Мы сблизились с Ш[ляпкиным] в гимназии; ближайшим его другом был К. А. Иванов, о котором речь будет впереди, и я также сошелся и с ним. Все трое любили книги, а Ш[ляпкин] был опытней нас, изучал библиографии, водил нас к букинистам, некоторые ютились в то время на Апраксином и Ново-Александровском рынках. К концу курса гимназии Ш[ляпкин] приобрел репутацию знатока книг и большого собирателя их. Над ним подшучивали товарищи, обвиняя его в присвоении себе, «зажиливании», чужих книг; но вряд ли это в действительности имело место. Было даже посвящено ему стихотворение, сочиненное К. А. Ивановым — его большим другом. Оно начиналось так:

---

⁹⁵ Урбан Норберт (1823–1878 гг.) — доктор богословия, прелат-ассессор римско-католического духовного колледжа.

⁹⁶ Эльзевиры — семейство голландских печатников, которое занимало ведущее, а подчас и доминирующее положение в европейском книгопечатании XVII в. На издательских марках Эльзевиров были изображены глобус, орел или мудрец под деревом. Эльзевирами называются издания этой типографии.

На веку своем книг сжилил ты немало.
Побьемте же, побьем
Товарищи, нахала!
Терренция⁹⁷ ты спер,
Приятель, и скотина!
Товарищам в позор,
За это побьем твою мы образину.
Побьем, побьем, побьем⁹⁸.

После чтения делалось общее нападение на Ш[ляпкина], и бывала некоторая потасовка. По окончании курса гимназии в 1877 г. Ш[ляпкин] поступил на историко-филологический факультет С.-П[етер]бургского университета, благополучно проходя курс его до окончания в 1881 г. Во время прохождения им курса, в 80-х гг. в университете были большие студенческие беспорядки. Ш[ляпкин] стал на сторону порядка и нередко председательствовал на сходках. Был он стипендиатом со II курса, получая по 15 р. в месяц, и существовал преподавательской деятельностью. В это время поступил к нам инспектором студентов на место уволенного чиновника Антропова, который своей бестактностью вызвал эти беспорядки, Н. Г. Потапов,⁹⁹ бывший при нас инспектором Третьей гимназии. Инспектор гимназии он был прекрасный; он улучшил быт пансионеров — питание, одежду и проч[ее], и его любили гимназисты. Но в университете он оставался недолго: очевидно, трудно было ладить и со студентами, и с начальством: он вскоре был назначен помощником попечителя Казанского учебного округа. К нам, бывшим воспитанникам Третьей гимназии, он благоволил. Обратившись однажды к Ш[ляпкину] в коридоре во время перемены между лекциями, он обнял его за талию и стал откровенничать с ним. Узнал от Ш[ляпкина], что он в общем нуждается в средствах; он сначала жаловался ему, что его положение, как инспектора, очень затруднительно. Начальство требует от него знания образа мыслей и направления каждого студента, а узнавать это очень трудно, и это дает повод к неудовольствию. В заключении он предложил Ш[ляпкину] сообщать ему сведения о своих товарищах, обещая выхлопотать ему за это императорскую стипендию в 25 р. в месяц. Ш[ляпкин] вежливо поблагодарил, но, конечно, отказался быть шпионом.

⁹⁷ Публий Теренций Афр (около 190–159 гг. до н. э.) — древнеримский автор комедий.

⁹⁸ В упомянутых воспоминаниях имеются разночтения с этим текстом.

⁹⁹ Потапов Николай Гаврилович (1838–1894) — попечитель Казанского учебного округа с 1890 г.

В университете он познакомился и сблизился с проф[ессором] народной словесности, известным славянофилом О. Ф. Миллером,¹⁰⁰ который полюбил Ш[ляпкина], оставил его при университете по окончании курса для приготовления к профессорскому званию. Ш[ляпкин] был близок к Миллеру до самой смерти последнего, и Ш[ляпки]ну пришлось похоронить О. Ф. Миллера. Беспорядки в у[ниверсите]те не прекращались. В 1881 г., после долгого перерыва этих балов, 8 февраля был разрешен бал. Ответственность за порядок взял на себя ректор у[ниверсите]та профессор ботаники А. Н. Бекетов.¹⁰¹ Университет был битком набит. Были, конечно, и дамы — курсистки и знакомые студентов. Танцевали в большом актовом зале. Я не был танцором и, побыв часа два на балу, ушел домой. Охрана порядка была возложена на студентов, которую они сами и организовали, и действительно, порядок был полный. Рассказывали, что пробовали разбрасывать прокламации, но их вовремя перехватили и отняли. Организаторов тоже не было. Поговаривали тоже, что в одной из аудиторий сидели Желябов,¹⁰² Перовская¹⁰³ и др[угие] участники процесса, бывшего после 1 марта. Я, впрочем, их не видел. Бал продолжался до рассвета, и поздно за полночь в шинельной была устроена «мертвецкая». Во всяком случае, сходки продолжались. Мы, филологи младших курсов и особенно уроженцы Петербурга, жившие в семьях, мало интересовались ими. Чтобы отвлечь студентов от сходок и полемик, начальство разрешило созвать Студенческое научно-литературное общество.¹⁰⁴ Конечно, большая часть состава членов были филологи и юристы. Читались рефераты.¹⁰⁵ Первым председателем был назначен ректор университета пр[офессор] А. Н. Бекетов, а его товарищем ботаник, оставленный при университете Андреев. Собрания проходили в ботаническом кабинете. Бекетов оставался недолго председателем. На его место был назначен пр[офессор] О. Ф. Миллер, а Андреева заменил Ш[ляпкин]. Я сразу же попал в члены Совета

¹⁰⁰ Миллер Орест Федорович (1833–1889) — фольклорист, историк литературы, публицист. См.: *Шляпкин И. А.* Очерк научной деятельности профессора О. Ф. Миллера: с приложением описания празднования 25-летнего юбилея. СПб., 1889. 40 с.

¹⁰¹ Бекетов Андрей Николаевич (1825–1902) — ботаник, педагог, организатор и популяризатор науки, общественный деятель, основоположник географии растительности в России. С 1876 по 1883 г. занимал должность ректора С.-Петербургского университета.

¹⁰² Желябов Андрей Иванович (1851–1881) — революционер-народник.

¹⁰³ Перовская Софья Львовна (1853–1881) — член Исполнительного комитета революционной организации «Народная воля».

¹⁰⁴ Студенческое научно-литературное общество при С.-Петербургском университете, стало первой разрешенной студенческой организацией после марта 1881 г.

¹⁰⁵ Далее зачеркнуто: затем им был издаваться сборник трудов.

общества. Решили выпускать Сборник трудов общества на средства, составившиеся из членских взносов. Напечатали два выпуска. Работу С. Ф. Платонова «Заметки по истории земских соборов» и В. П. Безобразова¹⁰⁶ «Боэмунд Тарентский». Больше выпусков не вышло. Задумали издать сборник статей студентов по разным вопросам. Хотя статей еще предоставлено не было, но предложили желающим составить проект предисловия к сборнику и передать его на рассмотрение Совета. Проектов предисловия поступило пять или шесть. Ш[ляпкин] взял их себе на рассмотрение, чтобы с ними ознакомиться. Но все они были составлены по тогдашнему времени в слишком «вольном» духе, а потому, по совету О. Ф. Миллера, Ш[ляпкин] хранил их у себя дома, дабы они не попали случайно кому-либо в руки и не причинили авторам неприятностей. Видясь часто со Ш[ляпкиным], он как-то говорил мне: «Возьми пакет этот с предисловиями к себе и храни их; у тебя вряд ли будет обыск; ты живешь в семье, которая известна». Я согласился, взял запечатанный пакет и хранил его в письменном столе. Но предсказание Ш[ляпкина] не оправдалось. Через год по окончании мною курса в университете, я был оставлен при ун[иверсите]те для приготовления к профессорскому званию. И вот в одну из суббот сидел я вечером, рассматривал купленные утром на рынке журналы. По субботам вечером собирались у меня приятели. В этот вечер они рано разошлись. Я жил тогда в квартире вместе со старшим братом. Наши комнаты разделяла одна большая, общая комната, вроде гостиной. Родители жили в квартире над нами. У брата были в тот вечер гости, играли в карты, была закуска. Около 12 ч. ночи брат постучался ко мне. Я просил его войти, но он не вошел, а был второй стук в дверь. Я удивился и опять просил. Тогда вошел ко мне пом[ощник] пристава Литейной части (мы жили через дом от части) и с ним четыре околоточные; двое понятых — дворники соседних домов были помещены в соседней комнате. У ворот был поставлен полицейский. Пристав очень вежливо объявил мне, что должен произвести обыск в моей личной комнате. Я испросил у него ознакомиться с распоряжением, на основании которого он пришел, но он предъявил мне телеграмму. Я отнесся к обыску совершенно спокойно, т[ак] к[ак] знал, что у меня ничего предосудительного нет, ни прокламаций, ни подпольных газет и листов. Начался обыск. Пристав выбирал из письменного стола мои письма, а околоточные осматривали полки этажерки с бумагами и шкапы. И вот вижу, Шляпкинский пакет падает в руки пристава. А я совершенно забыл про пакет и про его

---

¹⁰⁶ Безобразов Павел Владимирович (1859–1918) — историк, ученый-византист, публицист, прозаик, переводчик.

содержание! Через час пом[ощник] пристава снял наружную охрану у ворот, а понятых отпустил спать в кухню. От время до времени брат подходил к двери, осторожно отпирал ее (пристав сидел к ней спиной), манил околоточных. Те по очереди просили пристава разрешения выйти. Тот разрешал, и они ходили к брату «подкрепляться». Сам же пристав на мое предложение подкрепиться, отказался. Часа через¹⁰⁷ три обыск принял уже шутливый оборот, т[ак] к[ак] пристав знал нашу семью и понял, что ничего опасного у меня нет. Найдя в столе бразильские орехи, он обратился к одному из околоточных с вопросом, крепкие ли у него зубы. Тот с недоумением отвечал, что крепкие. Тогда пристав приказал раскусить орехи, т[ак] к[ак] в них может заключаться динамит! Другой околоточный обратился к приставу с вопросом, как ему поступить со шкапом, в котором хранился журнал «Москвитянин». Пристав отвечал: «Весь журнал прочитайте!». Третий околоточный, увидев шкаф с церковной историей, воскликнул: «Сколько у вас книг по церковной истории! А я думал, что есть только Катехизис да священная история!». Когда обыск кончился, пристав отпустил околоточных в соседнюю комнату, а меня спросил: «Почему мы к Вам пришли? Ведь мы вас отлично знаем!». Я отвечал, не попался ли мой адрес или визитная карточка у кого-либо из студентов.

Я решительно не помнил, но сказал, что составлял лекции на третьем и четвертом курсах, а их переписывали для литографирования с разрешения профессора студенты-кавказцы. «Ну вот эта и есть вероятная причина обыска, т[ак] к[ак] кавказцев перебирают». Письма мои были им завязаны, запечатаны и приложены к составленному об обыске протоколу. Когда он проходил в соседней комнате мимо шкапа с книгами, то, указывая на него, сказал: «Вот у Вас целый шкаф иностранных книг: я в них ничего не понимаю, а быть может, он наполнен запрещенными книгами. Ну вот если бы у Вас нашлись „Земля и воля“ или прокламации, ну тогда было бы дело иное!». Этим он намекал, что жандармский обыск серьезней полицейского. Составили протокол обыска; для подписания его разбудили понятых дворников, и мы расстались приятелями при уверениях пристава, что мне опасаться нечего. Околоточные же уходили весьма непрочные на своих ногах, придерживаясь больше стенок; видимо, посещения комнаты брата оказали свое влияние. Уходя, пристав со вздохом сказал на прощание: «Вот Вы ляжете спокойно отдыхать, а мы от Вас пойдем на следующий обыск». Было шесть часов утра. Когда мы расстались, я вспомнил о пакете Ш[ляпкина]. Надо было предупредить Ш[ляпкина],

---

¹⁰⁷ Далее зачеркнуто: два.

узнать от него, что было в пакете. Я сейчас же снарядил верного моего слугу Михайлу к Ш[ляпкину], который жил недалеко, на углу Литейной и Итальянской. Михайла еле достучался и, когда открылась дверь, перед ним предстал Ш[ляпкин], вооруженный ружьем и кинжалом,¹⁰⁸ предполагая налет на свою квартиру. Михайла сообщил ему об обыске и спросил о содержании пакета. Ш[ляпкин] поблагодарил, но совершенно забыл, что находилось в пакете! Ш[ляпкин] обещал ко мне зайти. В комнате произведен был достаточный беспорядок. Утром я сообщил отцу об обыске; он обещал побывать у власть имущих, ему знакомых, для разъяснения дела, и там обещали ему дать ответ через несколько дней. Днем я поехал к проф[ессору] Замысловскому,¹⁰⁹ который оставил меня при университете, которому также считал долгом сообщить об обыске, чтобы чего не вышло. Он тоже успокоил меня. Через несколько дней отец привез ответ, что дело окончено без последствий и есть дело недоразумения; а спустя еще несколько дней околоточный вернул мне пакет с письмами, который, судя по печати, и не распечатывался. Пакет Ш[ляпкина] был между ними. Так благополучно окончился этот казус. В студенческое время Ш[ляпкин] и его друг К. А. Иванов увлекались посещением театра «Буфф», где давалась оперетка на французском языке. Там выступали выдающиеся актеры и актрисы. Театр этот посещался всем петербургским обществом и был вполне приличен и заставлял только смеяться. Когда Ш[ляпкин] окончил курс университета, [не] получил профессуры и, обладая большими средствами, он одно время увлекался средой актрис, но скоро это прекратилось от разочарования этой средой. Будучи на втором курсе университета, Ш[ляпкин] женился в 1879 г. во Пскове на дочери псковского протоиерея М. И. Смирновой¹¹⁰ — курсисткой Высших Женских курсов, математичкой, хорошей хозяйкой. Для венчания ездили во Псков к отцу невесты и, вернувшись в С.-П[етер]б[ург], они поселились в одной комнате на Литейном проспекте. Это собственно была комната, сильно уставленная полками с книгами. Надо сказать, что брак этот был несчастлив. Детей не было, и лет через пять они разошлись.¹¹¹ Причем Ш[ляпкин] обязался выплачивать жене известное пособие. Любопытно отметить, что вина за неудачу брака лежала не на Ш[ляпкине], а причиной развода был тяжелый

---

¹⁰⁸ Далее зачеркнуто: Михайла сообщил ему об обыске.

¹⁰⁹ Замысловский Егор Егорович (1841–1896) — историк, профессор С.-Петербургского университета, чл.-кор. АН.

¹¹⁰ Смирнова Мария Ивановна (ок. 1859–1900).

¹¹¹ Супруги разъехались, не оформляя развода в 1887 г. (Востриков А. В. Илья Александрович Шляпкин... С. 426).

характер его жены. Это говорил мне брат ее А. И. Смирнов, моряк, мой большой друг. Поездка во Псков имела для Ш[ляпкина] большое значение.¹¹² Кроме осмотра древностей, он составил описание рукописей¹¹³ музея местного Археологического общества; это описание было напечатано в местных Губернских ведомостях и вышло в небольшом числе отдельных оттисков. Это была первая научная печатная работа Ш[ляпкина], которой он очень гордился. На третьем курсе он познакомился с князем П. П. Вяземским,¹¹⁴ председателем Общества любителей древней письменности, которому был рекомендован для выполнения платных недельных литературных работ. А Вяземский, ближе познакомившись с ним, ввел его в Общество, которого был председателем. Там Ш[ляпкин] прочел несколько рефератов и напечатал в «Памятниках древней письменности» серьезную работу — текст русского поучения XI в. на праздник перенесения мощей св. чудотворца Николая с предисловием,¹¹⁵ в котором научно обследовал этот памятник литературы по принадлежащему ему пергаментному списку, который он приобрел с бумагами покойного археолога И. П. Сахарова.¹¹⁶ В 1881 г. Ш[ляпкин] окончил курс университета и был оставлен при нем проф[ессором] О. Ф. Миллером, с которым очень сблизился и которого по смерти захоронил. О. Ф. Миллер вполне оценил в нем знания русской литературы и библиографии далеко превосходивших университетский курс. Ш[ляпкин] был его единственным учеником и единственно близким к нему человеком, который не эксплуатировал доброго профессора. Университет не дал Ш[ляпкину] надлежащей подготовки. Вторым после Миллера был профессор всеобщей истории В. Г. Васильевский,¹¹⁷ известный византист, впоследствии академик, который на своих специальных лекциях преподавал методы обследования памятников литературы. Его Ш[ляпкин] почитал также своим учителем. Своим общим образованием и знаниями Ш[ляпкин] был обязан исключительно самому себе, бла-

¹¹² Медников М. М. И. А. Шляпкин и Псков // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2007. № 26. С. 65–68.

¹¹³ Шляпкин И. Опись рукописей и книг Музея Археологической комиссии при Псковском губернском статистическом комитете. Псков, 1879. 56, 13 с.

¹¹⁴ Вяземский Павел Петрович (1820–1888) — основатель и почетный председатель Общества любителей древней письменности (ОЛДП) в период с 1877 по 1888 год.

¹¹⁵ Шляпкин И. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая чудотворца и его отношение к западным источникам (С факс. рукописи XIII–XIV вв.). СПб., 1881. 23 с.

¹¹⁶ Сахаров Иван Петрович (1807–1863) — этнограф-фольклорист, археолог и палеограф.

¹¹⁷ Васильевский Василий Григорьевич (1838–1899) — историк, основатель византиноведения в России, академик Петербургской АН.

годаря знанию французского и немецкого языков, которое он получил в гимназии, и усовершенствовался в них, так что свободно говорил на этих языках. По окончании курса университета поступил преподавателем в одну из женских гимназий и в гимназию Я. Г. Гуревича,¹¹⁸ его бывшего преподавателя истории в гимназии, купившего гимназию Бычкова. Но у Гуревича он оставался недолго, т[ак] к[ак] условия морали преподавателя были у него тяжелые. Гуревич дорожил учениками, большею частью детьми состоятельных родителей, не успевавших в казенных гимназиях. Гуревич всегда допрашивал преподавателей о причине выставленных ими неудовлетворительных отметок. Это очень тяготило хороших преподавателей, и они покидали его гимназию, как только могли найти себе другое учебное заведение. Ш[ляпкин] перешел преподавателем в Николаевский кадетский корпус¹¹⁹ (так называемый Жеребчий пансион), который приготавливал кадетов в Николаевское кавалерийское училище (именовался Лошадиным училищем). В Николаевский корпус поступали весьма легко дети богатых родителей, неудачники и лентяи, которых хотели по необходимости устроить хотя бы в военную службу. Учение там было легкое. Но Ш[ляпкин] умел заинтересовать свои классы, воспитывая по возможности юношей во время классов. И эти юноши полюбили своего преподавателя, несмотря на то, что он часто «ругал» их за леность, обзывал «чертями». И вот один выпуск при окончании курса поднес ему роскошный кожаный портфель, на котором была теснена надпись: «И. А. Шляпкину от „чертей“». Число их было указано. Он преподавал там несколько лет, пока не получил профессуры. Через Вяземского и Общество любителей древней письменности он познакомился с графом С. Д. Шереметевым,¹²⁰ который приблизил его к себе и пригласил на лето преподавателем к своим сыновьям.

Они жили в имении Кусково по Московско-Нижегородской ж[елезной] д[ороге]. Там был роскошный дворец и парк; Ш[ляпки]ну предоставлен был для жилья отдельный домик, и Ш[ляпкин] поехал туда с женой. Ш[ляпкин] сопровождал графа в его археологических поездках по монастырям. Граф с большим юмором рассказывал, как однажды они посетили какой-то женский монастырь в центре Рос-

---

¹¹⁸ Гимназия и реальное училище Гуревича — одно из лучших и прогрессивных частных средних учебных заведений С.-Петербурга с правами казенных гимназий.

¹¹⁹ Николаевский кадетский корпус ведет свое начало от Школы гвардейских подпрапорщиков, учрежденной 9 мая 1823 г. по инициативе великого князя Николая Павловича.

¹²⁰ Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) — граф, общественный деятель, историк, коллекционер.

сии. Игуменья приняла их с поясными поклонами и стала показывать ризницу и бывшие в монастыре древние рукописи. На одной из них века XVI — где был переплет, современный написанию рукописи, на верхней доске которого были три так называемые «жука», т. е. металлические украшения с финифтью по углам; четвертый был уже утрачен. Ш[ляпкин] взял рукопись, стал ее разглядывать, и когда игуменья отвернулась, Ш[ляпкин] быстро и ловко сорвал одного «жука» и спрятал в карман. Это произошло в один миг, так что граф только увидел, как это быстро было сделано, и не мог удержаться от смеха и удивления. Игуменья, конечно, ничего не заметила, а «жук» поступил в собрание Ш[ляпки]на. Впоследствии с графом Ш[ереметевым] у Ш[ляпкина] произошло охлаждение отношений. Вследствие отсутствия правильного воспитания Ш[ляпкин] не всегда бывал тактичен. Он неожиданно стал между братьями — С. Д. Шереметевым и его младшим братом А. Д. Шереметевым¹²¹ — в домашней расправе между ними. Из этого ничего не вышло, как только охлаждение к Ш[ляпкину] обоих братьев.

Б[иблиотека] Ш[ляпкина] быстро пополнялась и росла русскими и иностранными книгами по русской истории и иностранных литератур. Он был уже избран членом-корреспондентом Общества любителей древней письменности, а с 1888 г. был избран приват-доцентом университета по кафедре истории русской литературы. Он уже собирал материалы для своей магистерской диссертации о жизни и сочинениях св[ятого] Дмитрия Ростовского.¹²² Зарабатывая достаточно денег, он ездил собирать материалы, между прочим, в Ростов и там изучил консисторский архив. Было жаркое лето. Он пришел в присутственное время в консисторию, уже получив надлежащее разрешение для доступа к занятиям, и увидел перед консисторией необычайную картину. Человек 15 чиновников, сняв верхнее платье, играли в чехарду, не имея, по-видимому, срочных дел. Однако, он добился допущения в архив консистории и там нашел достаточное число материалов. Надо, однако, сказать, что книга, очень полная по собранному в ней материалу библиографии, не дает характеристики и облика этого замечательного святителя. Он напечатал книгу в 1891 г. и получил за нее степень магистра. Он продолжал печатать свои литера-

¹²¹ Шереметев Александр Дмитриевич (1859–1931) — граф, меценат и музыкант-любитель, создатель частного оркестра.

¹²² Дмитрий Ростовский (в миру Данила Саввич Туптало, 1651–1709) — епископ Русской православной церкви, митрополит Ростовский и Ярославский (1702–1709). Духовный писатель, агиограф (автор известного сборника «Книга житий святых»), проповедник, педагог. Дмитрий Ростовский стал первым святым, канонизированным в синодальный период истории Русской церкви

турные работы и издания памятников литературы. Я не буду перечислять их, они известны. Упомяну лишь, что он распутал сложный вопрос спора о времени пресуществления св[ятых] даров, бывшего в конце XVII в., в статье своей, напечатанной в Журнале Мин[истерства] нар[одного] просвещения; редактировал два тома издания сочинений Грибоедова¹²³ и напечатал «Из неизданных бумаг Пушкина»,¹²⁴ книгу, в которой поместил бумаги, купленные им от племянника¹²⁵ П. В. Анненкова.¹²⁶ Статьи и рецензии свои он печатал в разных журналах. Мы ездили с ним на диспуты, бывавшие в СПб. Духовной академии, и иногда возражали диспутантам. Ш[ляпкин] был назначен членом Ученого комитета М[инистерства] народ[ного] просвещения,¹²⁷ где постоянно читал рецензии на представляемые в комитет книги и учебники. Он был избран также членом Театрального комитета, где получал на¹²⁸ рассмотрение новые театральные пьесы. Его членами были Д. В. Григорович¹²⁹ и П. И. Рейнберг. Кроме заработка, эта¹³⁰ должность давала ему возможность посещения театра, где он имел постоянное место. За ученые труды Саратовский университет¹³¹ избрал Ш[ляпкина] доктором русской литературы *honoris causa*.¹³² Это дало возможность Ш[ляпкину] получить в СПб. университете ординатуру по смерти проф[ессора] И. Н. Жданова.¹³³

В 1896 г. Ш[ляпкин] был приглашен в Александровский лицей. Тогда он ушел из Николаевского кадетского корпуса. Из Театрального комитета он выбыл по очереди. Читал он также лекции в СПб.

---

¹²³ Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова: Т. 1–2. СПб., 1889. Т. 2. 536 с. Примечательно, что рецензию написал А. Н. Веселовский (*Веселовский А. Н.* Полное собрание сочинений Александра Сергеевича Грибоедова под редакцией приват-доцента Имп. С-Петербургского университета И. А. Шляпкина. СПб., 1889, два тома. СПб., 1891. 21 с.

¹²⁴ *Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича. 1903. 386 с.

¹²⁵ Анненков Федор Иванович (1869–1915) — полковник Главного штаба.

¹²⁶ Анненков Павел Васильевич (1813 (по другим сведениям — 19 июня [1 июля] 1812 и 18 (30) июня 1812) — 1887) — русский литературный критик.

¹²⁷ С 1901 г. — член Ученого комитета Министерства народного просвещения

¹²⁸ Далее зачеркнуто: рецензии.

¹²⁹ Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899) — русский писатель.

¹³⁰ Далее зачеркнуто: место.

¹³¹ Много лет спустя И. А. Шляпкин в благодарность завещал университету часть своей библиотеки (*Перетц В. Н.* Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету (ч. 1) // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 363–413).

¹³² Почетный доктор.

¹³³ Жданов Иван Николаевич (1846–1901) — литературовед и фольклорист, академик.

Археологическом институте. Вообще Ш[ляпкин] читал в высших учебных заведениях весьма содержательные лекции, которые были потом изданы университетом — по народной словесности, по русской литературе с начала ее в XVI и XVII вв.¹³⁴ Иногда на лекциях он увлекался и сообщал слушателям много интересного о своих путешествиях и работах. Ш[ляпкин] оставался до смерти профессором университета, Высших Женских курсов, Археологического института, членом Ученого комитета. Академия Наук избрала его членом-корреспондентом. Ш[ляпкин] праздновал двадцатипятилетний юбилей своей¹³⁵ научной деятельности,¹³⁶ если не ошибаюсь, в 1904 году, если первая работа была напечатана в 1879 г. Ему поднесено было много адресов, были и подарки. По этому поводу он напечатал два кратких обзора своей жизни и деятельности — один для публики, а другой в ограниченном числе экземпляров для друзей.¹³⁷ Второй обзор откровеннее первого. К очерку приложен его портрет.

Первый брак Ш[ляпкина], как мы выше сказали, не был счастливым. Они расстались. Через несколько лет, в 1890-х гг., он вступил во второй брак, с О. В. Варгуниной,¹³⁸ своей бывшей ученицей, участницей во владении бумажной фабрикой Варгунина. Но и этот брак не был счастливым. Они прожили вместе три-четыре года и тоже разошлись, и Ш[ляпкин] до конца дней оставался бездетным и одиноким. При семейной жизни он имел в СПб. квартиру, а оставшись один, переселился в с. Александровское, а в СПб. нанимал лишь комнату, куда приезжал в дни служебные, когда были лекции или другие обязательные занятия. В с. Александровском он устроился постепенно и хозяйственно; он купил к усадебному своему участку еще соседнюю крестьянскую усадьбу и построил при нем второй дом. Кроме того, недалеко от села он купил небольшой дом-дачу, которую сдавал в найм на лето. Новый дом он построил сам на высоком каменном фундаменте. Внизу был под всем домом высокий подвал, в котором сохранялся картофель и другие припасы. Более ценное вино он зарывал в бутылках в землю, желая сохранить его много лет. В нижнем этаже был большой остекленный балкон с дверью в сад:

¹³⁴ Шляпкин И. А. История русской литературы: Лекции, читанные в 1908–1909 г. в С. Петербургском университете. Юго-Западная Русь XVI–XVII вв. СПб., 1911. 445 с.

¹³⁵ Далее зачеркнуто: педагогической.

¹³⁶ Громов А. А. Очерк научной деятельности профессора И. А. Шляпкина: (К 25-летию его учебной деятельности). СПб., 1907. 16 с.

¹³⁷ Для немногих: Автобиографическая заметка проф. И. А. Шляпкина. СПб., [1907]. 31 с.

¹³⁸ Варгунина Елизавета Павловна.

это был летом главный вход. Зимой входили через кухню. Из балкона была дверь в зал; в нем стояло пианино, часы старинные, стоячие в футляре из красного дерева, купленные из вещей патера Рокицкого. По стенам были развешаны картины, в общем неважные. Посреди зала стоял стол, на котором были всегда разложены новые книги и журналы. Налево от входа была столовая с соответствующей обстановкой: дубовым¹³⁹ буфетом и дубовыми резными стульями, большим дубовым обеденным столом. На стенах были навешаны расписные тарелки. Из зала направо был большой кабинет с камином-печью и два письменных стола: один из них принадлежал когда-то проф[ессору] Надеждину и находился в редакции «Телескопа». Кабинет был уставлен полками с книгами и шкапами. В том же этаже была еще комната с книгами. В этой комнате была уборная, в которой красовалась фотограф[ическая] карточка — портрет кн[язя] Мещерского¹⁴⁰ — дань «уважения» этому публицисту. В верхний этаж вела лестница. Вдоль стен было развешено оружие. В верхнем этаже была спальня Ш[ляпкина], еще комната с книгами и диванами, где размещались гости, остававшиеся ночевать, и еще комната — музей, где сосредоточены были древние рукописи и разные предметы древности, также книги в белых пергаментных переплетах, Эльзевиры, альды¹⁴¹ и одна-две инкунабулы.¹⁴² По стенам были развешаны иконы. В общем, дом производил впечатление обширной библиотеки. Но в нем было уютно, благодаря доброте и ласке хозяина. Книги в шкапах и на полках стояли в два и три ряда. Кругом дома Ш[ляпкин] развел сад с дорожками, посыпанными песком. В саду был поставлен каменный бюст Александра II, которого Ш[ляпкин], происходя из крестьянской среды, особенно почитал. Сад мели и поддерживали посещавшие Ш[ляпкина] его ученики и ученицы. За садом была довольно обширная площадь с огородом и лугом для сенокосов. Ш[ляпкин] любил хорошо пожить. Он был большой хлебосол, и его одиночество развлекали приезжавшие к нему студенты, курсистки и некоторые сослуживцы. Он всех кормил обильно и поил вином и ликерами. Его экономка умела искусно и вкусно готовить. Я бывал у него летом и зимой вместе

---

¹³⁹ Далее зачеркнуто: столом.

¹⁴⁰ Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) — князь, писатель и публицист крайне правых взглядов, издатель-редактор журнала (с 1 октября 1887 г. — газеты) «Гражданин».

¹⁴¹ Альды — легендарная венецианская издательская фирма, созданная в 1494 г. Альдо Мануцием. Его издания, главным образом, античных авторов (Аристотеля, Платона, Софокла, Цицерона, Саллюстия, Овидия и многих других).

¹⁴² Печатные издания XV в. Этот термин, восходящий к латинскому слову «incunabula», означающему «колыбель», «пеленки», стали употреблять в XVII в.

с друзьями, К. А. Ивановым, С. Ф. Платоновым и А. А. Спицыным — гуляли с ним в поле, а зимой бегали, хотя и неудачно, на лыжах.

Библиотека Ш[ляпкина] была весьма обширна,¹⁴³ богато подобрана по специальностям хозяина. Сначала, будучи гимназистом, он собирал ее на рынках у букинистов, а когда стали позволять у него средства, то он много выписывал из-за границы научных сочинений по всеобщей литературе на иностранных языках. Говоря о печатных книгах, вспоминаю, как мы с ним летом 1881 года узнали о распродаже магазина и склада книгопродавца Исакова¹⁴⁴ в Гостином дворе. Владелец фирмы умер, а наследники, коих было несколько, распродавали оставшиеся книги. Магазин помещался в книжной галерее Гостиного двора и выходил на Невский проспект, а кладовки были над магазином в трех этажах. Книги были не новые, но было много классических изданий по истории, истории литературы и вспомогательным наукам. Фирма была старая. Франк был определен в 25 коп., затем делалась общая скидка, и таким образом книги шли очень дешево, т[ак] к[ак] могли интересоваться только специалистов. Кроме того, надо было рыться в складах. Лето было жаркое, и мы вдвоем, в одном белье, производили отбор интересовавших нас книг. Там находили мы отдельные тома патрологии Миня¹⁴⁵ и вообще сочинения, которых спросить было нельзя, их никто из прикащиков не знал. Особенно жарко было работать в верхней кладовой, под крышей. Тем не менее, мы немало дней проработали, и жатва была обильной. Платеж проводился в рассрочку. Другая распродажа, к которой Ш[ляпкин] приложил руку, была библиотека известного библиографа П. А. Ефремова.¹⁴⁶ Его библиотеку купил владелец магазина картин и эстампов Фельтен.¹⁴⁷ Это была чисто историко-литературная библиотека. Когда говорили

¹⁴³ Объем библиотеки в 1907 г., по оценке самого Шляпкина, составлял «свыше 10000 названий» (*Шляпкин. Для немногих. С. VI.*) В 1915 г. Шляпкин напишет, что библиотека его содержит «17 500 №№» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 348, л. 6). Востриков считает, что «вопрос об объеме библиотеки И. А. Шляпкина нуждается в отдельном изучении» (*Востриков А. В. Илья Александрович Шляпкин... С. 423. Примеч. 27.*)

¹⁴⁴ Исаков Яков Алексеевич (1811–1881) — Санкт-Петербургский книготорговец и издатель.

¹⁴⁵ Минь Жак Поль (1800–1875) — французский католический священник, публицист, издатель. Крупнейшим и самым знаменитым издательским проектом Миня стала публикация собрания сочинений отцов церкви и средневековых христианских авторов под общим заглавием «Полный свод патрологии» (*Patrologiae cursus completus*).

¹⁴⁶ Ефремов Петр Александрович (1830–1907) — библиограф, редактор, литературовед и издатель, библиофил, историк русской литературы.

¹⁴⁷ Фельтен Николай Евгеньевич (1884–1940) — петербургский антиквар, занимавшийся преимущественно эстампами, владелец магазина картин и эстампов.

П. А. Ефремову, чтобы он пожертвовал ее или продал в учреждение, он отвечал, что хочет доставить удовольствие библиофилам раскупать ее после его смерти. Как известно, П. А. Ефремов редактировал несколько изданий русских авторов, в том числе и Пушкина. Его редакция выгодно отличалась от других. Чтобы иметь под руками материал по литературе XVIII и XIX вв., П. А. Е[фремов] скупал старые журналы, которые легко было найти на книжном рынке, у букинистов 50 и 60-х гг. XIX в. Он вырезал из журналов сочинения авторов и критические о них статьи и переплетал в отдельные тома по авторам. Таких сборников у него собралось до 600 томов. Казенные библиотеки их проморгали, а Ш[ляпкин] купил их и был на высоте блаженства. Купил он несколько книг после умершего профессора А. М. Пападопуло-Керамевса,¹⁴⁸ у которого нашел много редких изданий по истории литературы, изданных в Константинополе и Афинах. В Москве он купил много книг из библиотеки профессора-слависта О. М. Бодянского¹⁴⁹ у букиниста А. А. Астапова.¹⁵⁰ Это были сочинения по истории славянских народов, литературе их и издания древних текстов. Особенно любил Ш[ляпкин] покупать книги в белых пергаментных переплетах ради переплетов, хотя содержание книг было не интересно. Помню, как он, будучи еще оставленным при университете, хвастался, что приобрел два ценных издания — *Glossarium mediae et in finae latinatitidis* Дю Канжа¹⁵¹ — два тома в издании XVI в. и два *Quien*¹⁵² — *Orien christianus*¹⁵³ в переплетах из белого пергамента с тиснениями. Были у него, конечно, и Эльзевиры, и альды, и один-два инкунабулы, как мы видели выше. Были у него немецкие и французские классики, т[ак] к[ак] он владел обоими этими языками. Вот очень краткий обзор его ценнейшей по подбору библиотеки печатных книг. Но у него были и древние рукописи, до 200 экземпляров, и сверх того несколько пергаментных листов, в том числе поучение XI в. в списке XIII в. на перенесение мощей св[ятого] Николая

---

¹⁴⁸ Пападопуло-Керамевс Афанасий Иванович (1856–1912) — греческий и русский историк-эллинист, византолог, палеограф. В 1892 г. допущен к преподаванию новогреческого языка в Петербургском университете в качестве приват-доцента. Следовательно, он профессором не был.

¹⁴⁹ Бодянский Осип Максимович (1808–1877) — филолог и историк-славист, профессор Московского университета (1847–1868), возглавлял славистическую кафедру.

¹⁵⁰ Астапов Афанасий Афанасьевич (1840–1917) — российский антиквар-букинист и библиофил.

¹⁵¹ Дюканж Шарль (1610–1688) — французский историк и филолог, один из основателей византиноведения. Речь идет о латинском словаре (*Glossarium ad scriptores mediae et in finae latinitatis*. Р., 1733–1736. Vol. 1–6. Niort, 1883–1887. Vol. 1–10).

¹⁵² Мишель Ле Кьен (1661–1733) — французский церковный историк и теолог.

¹⁵³ Книга «Христианский Восток» издана в 1740 г.

чудотворца, которое он и издал, как мы выше видели. Часть книг, менее ему необходимых, он пожертвовал при жизни в библиотеку Высших Женских курсов, куда хотел передать после смерти и остальные книги, но потом передумал. Саратовский университет дал ему степень доктора *honoris causa*, и туда по завещанию пожертвовал он свою печатную библиотеку, правильно рассуждая, что в библиотеку Выс[ших] Женских курсов влились несколько профессорских библиотек¹⁵⁴, а Саратовский университет нуждается в историко-литературной библиотеке. По смерти Ш[ляпкина] его ученик П. А. Горчинский¹⁵⁵ исполнил его желание и по поручению университета отвез в пяти вагонах¹⁵⁶ книги в Саратов¹⁵⁷. Древние рукописи Ш[ляпкина] незадолго до смерти послал в Харьковский университет, говоря, что там совсем нет рукописей. Другие собрания Ш[ляпкина] были так обширны и разнообразны, что не могли быть переданы в одно учреждение: 1) Иконы, предметы древности: кресты, среди них находили и каменные, складни хрусталь, посуда¹⁵⁸ поступили в Русский музей в Ленинграде;¹⁵⁹ 2) частные архивы. Ему подарили свои архивы О. Ф. Миллер, Д. В. Григорович и др[угие], но, кроме того, он скупал архивы. Так, после смерти археолога И. П. Сахарова, он купил остатки его бумаг, среди которых были письма библиографа Сопикова,¹⁶⁰ изданные Ш[ляпкиным] в Академии наук.¹⁶¹ Тут же купил он экземпляры Славяно-русской библиографии Сахарова со вторым

¹⁵⁴ Например, библиотека Е. Е. Замысловского (*Петрова Н. А.* Книжное собрание профессора Е. Е. Замысловского в составе библиотеки Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 93–100; *Востриков А. В., Лейбова А. В., Лейбов К. Г.* Библиотека Бестужевских курсов: Книжное собрание И. А. Шляпкина // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. 2. М.; СПб., 1995. С. 398–413).

¹⁵⁵ Горчинский Петр Антонович (1889–1937) — литературовед, профессор Ленинградского университета (1925–1936). Репрессирован.

¹⁵⁶ Явное преувеличение.

¹⁵⁷ *Артисевич В. А.* Научная библиотека Саратовского государственного университета (в т. ч. о собраниях И. А. Шляпкина) // Красный библиотечарь. 1935. № 7. С. 40–45; Библиотеки Саратова. Путеводитель по научным и специальным библиотекам. Саратов, 1937. С. 11–12; *Бурьян Л. К. И. А. Шляпкин и библиотека Саратовского университета* // Труды Научной библиотеки при СГУ. Вып. 2. Саратов, 1959. С. 128–133; *Перетц В. Н.* Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету (ч. 1) // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 363–413.

¹⁵⁸ Далее зачеркнуто: лучшие предметы.

¹⁵⁹ Когда И. А. Шляпкин умер, город назывался Петроград.

¹⁶⁰ Сопиков Василий Степанович (1765–1818) — русский издатель, просветитель, основоположник отечественной библиографии.

¹⁶¹ *Шляпкин И.* Письма В. С. Сопикова к К. Ф. Калайдовичу. СПб., 1883. 28 с.

томом, который погиб в корректурах. Этот экземпляр и экземпляр Изборника Святослава¹⁶² издания Общества любителей древней письменности, в который Ш[ляпкин] вклеил купленные после И. П. Сахарова листы с изображениями¹⁶³ княжеской семьи, которые Сахаров снял в 40-х гг. в красках и которые впоследствии стерлись. Это тоже единственный экземпляр. Оба издания в Саратове. Он нашел и купил у племянника П. В. Анненкова оставшиеся у него бумаги Пушкина и издал их в 1903 г. под заглавием «Из неизданных бумаг Пушкина». Куда поступили подлинники, не знаю. Видимо, он пожертвовал их в Лицейский музей при жизни. В архиве его их не оказалось.¹⁶⁴ Он купил остатки библиотеки пр[офессора] Надеждина,¹⁶⁵ издателя «Телескопа». Она была сложена в подвалах церковного дома церкви Николы Морского и принадлежала протоиерею Яхонтову.¹⁶⁶ При подъемах воды книги подмокали и гнили. Тем не менее осталось много ценных изданий, которые обогатили библиотеку Ш[ляпкина]. Там же купил он письменный стол, принадлежащий Надеждину, и был в редакции «Телескопа». Стол был передан в Пушкинский дом. Эти документы поступили в Археографическую комиссию. 3) У него было собрано значительное число прокламаций и листовок, выпущенных во время студенческих беспорядков в университете в бытность его старостой. Поступили в Археографическую комиссию. 4) Его личный архив — письма и официальные бумаги разных лиц и учреждений был весьма обширен, т[ак] к[ак] он не уничтожал ни одной бумажки. Этот архив поступил в Пушкинский дом. 5) Собрание вышивок, полотенец, кружев и т[ому] под[обное], которое он собирал из разных местностей при помощи курсисток, котор[ые] по его поручению покупались при поездках на каникулах. Поступило в Этнографический музей Академии наук. 6) Собрание оружия (малоценное) и гальванических снимков с некоторых особенно замечательных блюд. 7) Несколько образцов старинных тканей, начиная с XVI в., которые он собрал при поездках по монастырям. Поступило в Русский музей. 8) Собрание

---

¹⁶² «Изборник Святослава» 1073 г. — одна из самых древних сохранившихся древнерусских рукописных книг. Был составлен для великого князя Святослава Яро-славича двумя переписчиками, одним из которых был Иоанн-дьяк, имя второго неизвестно.

¹⁶³ Далее зачеркнуто: на которых имеются изображения.

¹⁶⁴ На полях помета: «сюда дополнение на стр. 42». На Л. 42 помета: «Дополнение на стр. 36». Текст вставлен в указанном автором месте.

¹⁶⁵ Надеждин Николай Иванович (1804–1856) — ученый, критик, философ и журналист, этнограф, знаток раскола церкви и ее истории.

¹⁶⁶ Яхонтов Иван (Иоанн) Константинович (1819–1888) — духовный писатель и педагог, протоиерей Никольского морского собора и церкви Воздвижения Креста Господня (Ямской) (ныне Крестовоздвиженский казачий собор) в С.-Петербурге.

фотографических групп разновременных выпусков учащихся поступило в Пушкинский дом. 9) Несколько подлинных портретов работы Райта,¹⁶⁷ Ротари¹⁶⁸ и Варнеке¹⁶⁹ поступили туда же. 10) Некоторое число масляных картин, не представляющих интереса. 11) Альбом, в который должны были вносить свои автографы — записи или просто фамилии гости, посещавшие его. Передан был в Пушкинский дом. 12) Гипсовые слепки с бюстов Пушкина. Переданы туда же. 13) Собрание эстампажей¹⁷⁰ с граффити Новгородского Софийского собора и слепки гипсовые с этих надписей поступили в Академию материальной культуры. 14) Собрание снимков с надписями на разных предметах церковного и домашнего обихода, начиная с XVI в. Поступили¹⁷¹ в Археологическую комиссию. Не все предметы были, конечно, равноценны, но были все-таки среди них весьма замечательные. То, что не поступило в музей, осталось в пользу Академии наук.

Я не перечислил его научных трудов — они известны, такие, как изданные или тексты литературных памятников. Но упомяну лишь о неоконченных его трудах. Это собрание надписей на предметах церковного и домашнего обихода (№ 14). Он собирал этот материал более пятнадцати лет, но обработать ему его не удалось. Это ценнейшее собрание снимков — материал для вещной палеографии. Сбирать его было трудно, т[ак] к[ак] предметы были разбросаны по церквям, монастырям и музеям. Это собрание с текстом, не оконченным,¹⁷² передано Ш[ляпкиным] еще при жизни в Археологическую комиссию в надежде, что кто-либо из молодых археологов окончит работу. Но таких до сего времени не нашлось. Последней работой Ш[ляпкина] была подготовка архива А. В. Дружинина к изданию при журнале «Библиофил»¹⁷³, который тогда издавала Соловьева-Трефилова¹⁷⁴. Через

¹⁶⁷ Райт Джозеф (1734–1797) — английский художник, мастер световых эффектов, пионер индустриальной темы в изобразительном искусстве

¹⁶⁸ Ротари Пьетро Антонио (1707–1762) — итальянский художник периода барокко, портретист.

¹⁶⁹ Варнек Александр Григорьевич (1782–1843) — живописец и рисовальщик немецкого происхождения, выдающийся портретист раннего русского романтизма первой половины XIX века.

¹⁷⁰ Эстампажи — одна из методик документирования памятников.

¹⁷¹ Далее зачеркнуто: туда же.

¹⁷² Далее зачеркнуто: поступило.

¹⁷³ «Русский библиофил» — иллюстрированный вестник для собирателей книг и гравюр, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1911 по 1916 год. Был основан коллекционером Николаем Васильевичем Соловьевым (1877–1915), ставшим его первым редактором.

¹⁷⁴ Трефилова Вера Александровна (в некоторых источниках — Иванова; 8 октября 1875–1943) — балерина и педагог, артистка Мариинского театра в 1894–1910 гг. После смерти мужа руководила журналом. И. А. Шляпкин был приглашен редактором, но в 1916 г. вышел последний номер журнала.

Ш[ляпкина] она вошла в соглашение со мной. В журнале были напечатаны объявления об этом издании. Ш[ляпкин] начал работу в 1916 г. Он составлял библиографическое введение к архиву, и я ему в этом помогал. Он писал его, живя у меня. Оно составом было объемом до четырех печатных листов. Рукопись сдана была в типографию «Скорпион», но погибла вместе с типографией в 1917 г. В девятисотых годах, будучи весьма тучным при большом росте — он весил тринадцать пудов — он ежегодно летом ездил в Киссинген, где оставлял, беря ванны и лечась водами, до 1 ½ пуда. При поездках за границу в Германию, Италию и Ривьеру он,¹⁷⁵ не упуская случая, знакомился с древностями и рукописями, хранящимися в музеях небольших городов. Эти его заметки напечатаны в Журнале Мин[истерства] нар[одного] просвещения. Любопытен его рассказ посещения города Бари, где находилась гробница св[ятого] Николая. Она помещалась в нижнем этаже церкви, на ней есть надписи, но доступа к ней нет. С верхнего этажа видно гробницу через широкую трубу. Ш[ляпкин] непременно хотел списать надписи. И вот он стал подкупать монаха, чтобы тот пустил его к гробнице, но монах не сдавался. Наконец, Ш[ляпкин] догадался и за известную мзду спустился вниз головой в трубу, а монах держал его за ноги. По копировании надписи, монах помог Ш[ляпкину] вылезти.

После начала войны Ш[ляпкин] уже не мог ездить за границу лечиться. У него сделалось ожирение сердца, от чего он и скончался. Ему предложено было лечение в одной из больниц в Ленинграде, была приготовлена отдельная комната. Но он не хотел покинуть своей усадьбы, тихо в ней скончался и похоронен на местном кладбище, где при жизни еще устроил себе могилу, обнес ее гранитным цоколем, но верхней плиты он заготовить не успел. Окончить могилы после смерти его не удалось, т[ак] к[ак] село Александровское попало в пограничную с Финляндией полосу и доступа туда не было. Такова была жизнь и деятельность И. А. Ш[ляпкина]. По убеждениям его он считался крайним правым, но он отличался замечательной терпимостью, знался с крайними левыми. Личность его была обаятельна, а беседа с ним увлекательна по большому свойственному его благодушию и при массе знаний была чрезвычайно интересная и поучительная. Нужно удивляться, как он сумел все-таки при своих скромных сравнительно средствах собрать такое количество разнообразных научных ценностей. Это разнообразное содержание собрания Ш[ляпкина] свидетельствует о широте его интересов, разнообразии обширности его знаний. После Ш[ляпкина] остался единственный ученик

---

¹⁷⁵ Далее зачеркнуто: не упускал случая.

его П. А. Горчинский, который с сыновьей любовью ухаживал за Ш[ляпкиным] в предсмертной его болезни и похоронил его весной 1919 г.¹⁷⁶

15/VI1933. Ростов. В. Г. Дружинин.

РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–44 (с учетом 4а и литерного 1а).

---

¹⁷⁶ И. А. Шляпкин умер 16 (29) апреля.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	— Археографический ежегодник
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею Императорской Академии наук
ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук
АМГ	— Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук
АОЮБ	— Акты, относящиеся до юридического быта Древней России
Архив ЮЗР	— Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе
АЮ	— Акты юридические
АЮЗР	— Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России
БЛДР	— Библиотека литературы Древней Руси
ВАО	— Вестник «Альянс-Архео»
ВИ	— Вопросы истории
ВЦИ	— Вестник церковной истории
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДР	— Дворцовые разряды
ДРВМ	— Древняя Русь. Вопросы медиевистики
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИРЛИ	— Институт русской литературы и искусства
КР	— Книги разрядные
ЛЗАК	— Летопись занятий Археографической комиссии
ЛХ	— Летописи и хроники
ЛХНИ	— Летописи и хроники. Новые исследования
НИС	— Новгородский исторический сборник
ОААПП	— Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года
ОИ	— Отечественная история
ОР	— Отдел рукописей
ОФР	— Очерки феодальной России

ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПЭ	— Православная энциклопедия
РА	— Российская археология
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	— Российская государственная библиотека
РИБ	— Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
РО	— Рукописный отдел
СККДР	— Словарь книжников и книжности Древней Руси
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Солодкин Я. Г.</i> Об атрибуции статей Пискаревского летописца за 1560-е — 1610-е гг.	3
<i>Кистерев С. Н.</i> Две поправки к прочтению сочинения Ивана Тимофеева . . .	24
<i>Ченцова В. Г.</i> Грамота вселенского патриарха Парфения IV о поставлении киевским митрополитом Иннокентия Гизеля.	35
<i>Митрофанов В. В.</i> «Воспоминания о литературных встречах и знакомствах» В. Г. Дружинина. Часть 1	119
Список сокращений	172

Научное издание

ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»

Вып. 49

Редактор
С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»
Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 27.12.2025

ИП Новикова О. Л.
ОГРНИП 319784700175460
194352, Санкт-Петербург, пр. Художников, д. 30, к. 1, пом. 437
тел./факс:
— в Москве +7 (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге +7 (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

